

К1097264

АНАТОЛИЙ ЕХАЛОВ

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Для вас, которые моложе,
Земля — лишь песни да слова.
А для меня — одно и то же,
Что сердце, руки, голова...
Я — двух веков крестьянский житель.
И в старом веке я имел
Угоды трав, участок жита,
Ну то есть собственный надел.
И землю эту отдал людям,
В колхоз вступая с первых дней,
Но было трудно, ох как трудно
Ее признать опять своей.
Она как будто бы остыла,
Когда пошла под общий плуг.
И стала, что скрывать, постылой,
Ничьей как будто стала вдруг.
Хотя умом-то ведал — наша.
Да вот поди... Лишь не спеша
Я понял, что земля — не пашня,
А что земля — моя душа.

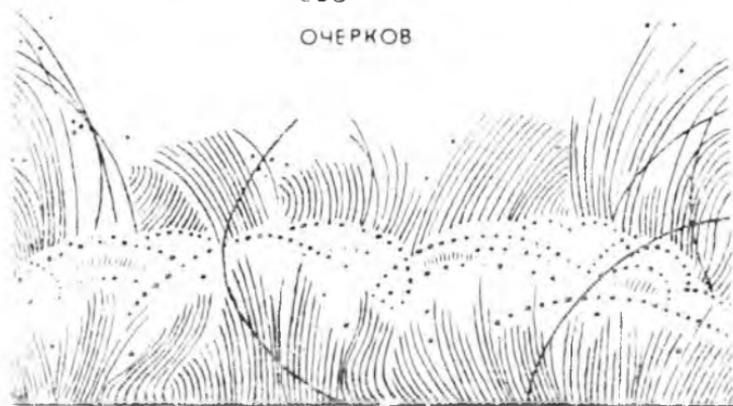
А. Романов.
Из поэмы «Черный хлеб»

ДНАТОЛИЙ ЕХДЛОВ

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

СБОРНИК
ОЧЕРКОВ

Архангельск
Северо-Западное книжное издательство
1988

65.9(2)32
E93

JSBN 5-85560-084-X

© Северо-Западное книжное изда-
тельство, 1988

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

(Вместо предисловия)

Очерки, составляющие этот сборник, написаны в разные годы и рассказывают о деревне, ее людях, о сложных проблемах сельского хозяйства, начиная с пятидесятих-шестидесятих годов, кончая нашими днями. Я попытался подобрать их в своеобразную хронику: в первых очерках показать проблемы вчерашней деревни — лет, предшествующих нынешней, выработанной партией, новой аграрной политике, а в последних трех очерках отобразить действие новых экономических условий.

Трудный, порой драматический процесс развития советской деревни вряд ли кого оставляет равнодушным. И не только потому что земля для каждого — мать-кормилица, но и потому, что почти каждый из нас имел в недалеком прошлом или имеет все те же земные, крестьянские корни.

В середине прошлого столетия замечательный публицист Г. И. Успенский выразил отношения человека и земли формулой «власть земли», имея в виду то обстоятельство, что она, земля, всецело подчиняла себе крестьянина, под страхом голодной смерти прочно держала его в узде, не допускала возможности послушания.

Сегодня, в век научно-технического прогресса, уже не земля, а человек ей диктует свои повеления. «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой, — предупреждал Ф. Энгельс. — За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитываем, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»*.

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 495—496.

Становясь властелином, не забывает ли человек, что сам-то он есть существо органическое — часть природы? Что земля, как бы ни развивалась промышленность, как бы ни совершенствовалась технология, была, есть и будет главным источником нашего существования.

За последние пятнадцать лет человечество столько взяло у природы невозстановливаемых ресурсов, сколько за всю предшествующую историю цивилизации. Судя по набранным темпам производства, к 2000 году потребности в этих ресурсах увеличатся еще в 3—4 раза. Но ведь они не безграничны, более того, уже истощены.

И лишь земля, отдавая человеку силы, не только не снижает своего плодородия, но при разумном, хозяйском отношении к ней, увеличивает его.

Однако, исповедуя философию покорителей, мы все больше и больше разрывали кровные связи с природой, подрывали земные крестьянские корни, насаждая бюрократический, волюнтаристский способ управления сельским производством, и сегодня приходится расплачиваться за это очень дорогой ценой.

Нам нужен был размах, и прессовалась под колесами многотонной техники земля, мы ждали высоких урожаев от химизации, но неразумное использование ее приводило к спеканию почв, нитратным загрязнениям продуктов, загрязнению их пестицидами и гербицидами, неразумная мелиорация выводила из строя плодороднейшие почвы.

Пытаясь решить все нарастающие проблемы сверху, кабинетным способом, мы забыли о главном факторе земледелия — о самом человеке, сеятеле и хранителе земли.

В середине шестидесятых Центральный экономико-математический институт АН СССР заложил в ЭВМ программу сселения малых деревень Нечерноземья. Казалось бы, умная машина взвесила все «за» и «против», выдав блестящие результаты предполагаемой акции: и повышение производительности труда, и снижение себестоимости продукции... И только человек с его психологией, сама природа оказались не по зубам чуду электроники. Печальные последствия этой скороспелой кампании мы сегодня ощущаем более чем остро.

Вслед за исчезновением деревень приходила в запустенные земля. На Вологодчине за сорок последних лет было из пользования 400 тысяч гектаров пашни, почти половина того, что мы имеем сейчас. А уж о сенокосах и пастбищах говорить не приходится. Семь тысяч деревень исчезло за это время с лица земли.

Но люди покидали не только малые деревни, они стали уходить и из центральных, так называемых перспективных, усадеб. «Ничего не поделаешь,— и сегодня убежденно говорят сторонники централизации.— Это объективный, закономерный процесс». Однако обратим этот вопрос снова к земле...

Вспомним пятидесятые годы, когда в наших деревнях земля, имеется в виду колхозная, перестала кормить крестьянина, вспомним пресловутые палочки-трудодни... (Из документов: в 1954 году, например, трудодень колхозника Ньюсенского района Вологодской области оплачивался в среднем 20 копейками).

Вспомним конец шестидесятых, семидесятые годы, когда тем же колхозникам стали платить не меньше, чем рабочим на заводах, независимо от того, вырастет урожай или нет. Когда недостающий хлеб мы стали на золото покупать за границей. Не тогда ли стал теряться смысл работы на земле?

Сегодня мы все настойчивее ищем гармонию отношений человека и природы, крестьянина и кормилицы-земли.

В 1985 году правительством было принято решение о проведении экономического эксперимента в сельском хозяйстве Краснодарского края и Вологодской области. Эксперимент ставил целью раскрепощение инициативы на местах, давал колхозам и совхозам возможность самостоятельного планирования, строительства, распределения фонда заработной платы, позволял реализовывать сверхплановую продукцию через рыночную сеть. Развитие эксперимента предполагало широкое внедрение прогрессивных форм организации труда, прежде всего — коллективного и семейного подрядов, зависимость результатов деятельности каждой организации, входящей в агропром, от количества и качества конечного продукта, то есть мяса, молока, льноволокна...

Все эти меры были направлены прежде всего на то, чтобы сделать человека на земле не покорителем, не временщиком, а хозяином, восстановить утраченную гармонию взаимоотношений человека и природы.

1987 год, второй год эксперимента, по своим погодным условиям был назван чрезвычайным. Дожди шли бесконечно, поля превратились в озера, дороги пали. Казалось бы, в таких условиях ничто уже не может помочь. И вот итог. Там, где действовали четко организованные подрядные звенья, где был внедрен и прижился семейный, индивидуальный подряд, урожайность не только не упала, но даже

выросла по сравнению с благополучным 1986 годом — тем временем, когда заинтересованность в конечном итоге еще не дошла до умов и сердец колхозников.

Подрядное звено кормозаготовителей из совхоза «Тотемский», например, работая на заброшенных ранее, но плодородных землях, сумело побить все рекорды области за прежние времена и обеспечить хозяйство качественным сеном и сенажом.

Стремителен бег нашего времени. И новые, более сложные, глубокие, задачи ставит партия перед народным хозяйством. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС поставил целью переход предприятий и объединений на полный хозяйственный расчет — на самоокупаемость и самофинансирование.

В сельском хозяйстве среди двадцати других областей переведена на самофинансирование и Вологодская область. Этот шаг — логическое продолжение эксперимента, продолжение поиска той самой гармонии, когда человек труда становится подлинным хозяином на земле.

Думаю, что собранные мною в этой книге очерки, рассказывающие о вчерашнем и сегодняшнем дне вологодской деревни, доказывают необходимость, закономерность, жизненность и правоту перестройки.

Время, когда земледelec с полным основанием может сказать: «На своей земле — хозяин» — наступает. Время сказать и утвердить это право делами.

ЗАКОЛОЧЕННЫЕ ОКНА

...С ранней весны на городских автостанциях и автовокзалах шумное столпотворение. Едут пэтэушники и студенты, рабочие и строители, молодые и те, кто успел под городскими крышами детей поднять и внуков вынянчить. Едут с дипломатами и рюкзаками, баулами и корзинами, транзисторами и магнитофонами...

— Ах, Одесса! Жемчужина у моря! — восторгается магнитофон.

— Лучше гор могут быть только горы! — авторитетно нахваливает транзистор.

Пестрые волны пассажиров накатывают на автобусы и пригородные поезда, и в этом шумном прибое мелькают то тут то там давно знакомые лица.

— Куда?

— Как куда? Домой. В деревню.

Вот и я давно уже городской житель, и нет у меня в деревне ни кола ни двора, но как только оплавятся по дорогам снега, вселяется в душу странное беспокойство, словно ты забыл о чем-то большом и важном и вспомнить никак не можешь. Вдруг начинает раздражать каменный и в величии своем надменный город, и все заботы твои кажутся мелкими и бесплодными, словно есть у тебя другое, настоящее предназначение. Уж не тот ли древний зов предков просыпается в глубинах подсознания, не он ли диктует свои повеления? А что иначе? Нет, не могли уйти бесследно в небытие сотни крестьянских поколений, не оставив в душе нашей чувствительной струны земледельца. Вот она, звенит, лишь только повернет солнышко на весну, волнуется, тревожит:

— Домой! В деревню!

Каких только удивительных названий нет у наших деревенок. А на Вологодчине что ни горушка, то и деревушка, что ни гора, то село. Среди привычных слуху Посадов, Погорелок, Новин встретишь вдруг необычную — Девять Изб или, например, деревню Чистая Баба. Волей-неволей гадаешь: кто, по какому случаю дал ей такое название?

Наша деревня называется тоже не совсем обычно. Потеряево. Можно подумать, что это бог весть какая глубинка за лесами да болотами. Ничуть не бывало. Издавна была наша деревня на слуху и в почете. Видимо, какой-нибудь ростовский или новгородский землепроходец Потеряй основал много веков назад ее, выбрав красивое место при впадении речки Имаи в полноводную Шексну.

Десять километров от райцентра до Потеряева. Добираюсь то пешком, то с трактором-почтовиком, то с хлебной подводой тетушки Музы. Сколько лет уже каждый день, и в дождь, и в пургу, в жару и стужу, торит она путь в Шексну и обратно. В брезентовом непродуваемом и негнибавшем плаще, закутавшись до глаз в полушалок, в задумчивом достоинстве сидит на грядке телеги тетушка Муза, и голова ее покачивается в такт мерному переступу одноглазого мерина Дозора.

Шипит под колесами в колеях вода, проплывают мимо знакомые и родные картины: береза у мосточка с разбитой в грозу вершиной, под ней не раз укрывался от проливных дождей, рябины по канавам, одаривавшие по осени терпкой ягодой, разлапистая ель, на которой в далеком детстве просидел часа три, спасаясь от волков, пока не появился попутный трактор. Дорога ползет в го-

ру, втягивается в Большой лес, в котором так же трудно заблудиться, как в московском метро — сплошные дороги и просеки. И вот уже видны с угора рассыпанные так и смят дома. Еще километра три перелесками, полями, и — у цели!

На спуске догоняем человека в броднях с тощим рюкзаком. Он улыбается и радостно машет рукой. О, так это старый приятель Витюшка Кошкин!

Я оставляю пропахшую теплым хлебом телегу, и мы шагаем рядом, весело болтая.

Виктор вообще-то не деревенский житель. Родители его жили в Шексне, но он пропадал все каникулы у дядьки в деревне. За родину ее и считает.

— Тянет?

— Что ты! Смену ночную закончил и — в деревню. К ночи опять надо на завод. Побуду у дядьки немного, на речку сбегая и — обратно.

— А помнишь, как маленький из дому-то сбежал в деревню?

— Что ты! Поди лет пять было. Так в деревню охота — до слез. А батьке все недосуг свезти. Надумал сам идти. А страшно. В деревнях — ребята большие обидят, собаки кусают, в лесу — волки, разбойники... Ножик-складешок для обороны взял, собакам — два пряника, а чтобы ребята не обидели — лампочку от фонарика. Их тогда в магазинах мало было. В рот ее запихал, чтобы не потерять. Думаю, если ребята приступятся драться, достану лампочку и отдам. Только чтобы в деревню пропустили.

Так вот все и шел, по кустам да по обочинам хоронился. Еле приплелся. Дядя Вася увидал меня в заулке: «Ой, Витюшка пожаловал! А папка где?» Я говорю: «Папка у магазина завернулся, некогда ему». Попало потом, конечно.

— А помнишь..?

Конечно же, помню... И как ловили под камнями рыбу, и как пололи на колхозном поле зачашую кукурузу, как жгли на горе Оняве костры в масленицу и как катал нас на комбайне лучший в колхозе комбайнер дядя Саша Лебедев. И что за простор открывался с высокого штурвального мостика, как пахло спелым хлебом и близкой осенью, уже сулившей скорые перемены...

Одного не могу понять, как получилось, что все мы оказались лишь гостями в своей родной и любимой де-

ревне и что деревенские старики зовут нас отчужденно-холодно: «городовые».

...Шумное столпотворение царит по летам на городских автостанциях и вокзалах. Едет городской народ под родные крыши.

«Ах, Одесса! Жемчужина у моря!» — хрипло восторгаются магнитофоны...

...В деревне огородная страда. Все под выгреб на картофельнике. Огороды на задворках разделяют узкие травяные межи. Слева усадьба Геннадия Винокурова. У него с войны болит поясница. Землю копает на коленях деревянной лопаткой. Не сдается.

Сегодня к нему дочка с подружкой из города на подмогу приехала. Платья короткие, ветер подолы треплет, озорничает. Копают.

— Эх ты, етишки-тишки,— озорно кричит соседям Геннадий.— Выходи на соревнование!

— А стимулы будут? — отвечают с полосы.

— Это как водится...

«Ах, Одесса! Жемчужина у моря» — в который раз несетя от дома Геннадия. Магнитофон висит на изгороди, из дома протянута переноска.

— Папка! — кричит из двора дочка.— Семенная картошка кончилась!

— А, не клин да не мох, так и плотник бы сдох,— машет рукой Геннадий.— Тащи от коровы!

...Вечером сидим в заулке у Геннадия. На улице тишина, черемуховый дух в носу щекочет. Благодать.

— Ну, чтоб колос — в оглоблю, картошка,— в колесо! — закликает хозяин.

...Едут по улице парни на велосипедах, портошины до колен закатаны, за плечами гитары, как ружья.

— Эти в район, в клуб подались,— комментирует Геннадий. Тут же воют моторы. В клубах пыли появляется кавалькада мотоциклистов.

— Эти из района в Гуреево, к девкам. А ну, Любка! Включай свою музыку. Заманивай кавалеров.

Дочка щелкает магнитофоном.

«Ах, Одесса!» — понеслось над деревенской улицей.

Заворачивают в заулочек велосипедисты, молча стоят в сторонке, покуривают. Мотоциклисты осаживают свои чадающие керосинки, глушат моторы.

«Улица, улица, улица родная, Мясоедовская улица моя!»

На лицах ребят расплывается блаженная меланхолия. Поет заграничный ансамбль.

— Денис Русишь,— уважительно отзывается парень с гитарой. Любка презрительно фыркает.

— Ох ты, етишки-тишки,— не выдерживает Геннадий.— А вот мы сейчас русского!— Он спешит к дому и через минуту появляется с гармонью и балалайкой.— Любка, записывай!

— Куды тя, деревенщину, записывать? — сердится Любка.— Народ смешить.

— Я те покажу народ! — кипятится Геннадий, но разводит меха, заламывает картуз, топают подшитым валенком:

Я мальчишко-хулиган,
Батько делает наган,
От телеги отымае
Колесо на барабан.

И пошел, и поехал...

Потом невесть откуда балалайка в руках появилась. Тряхнул пальцами, рассыпались струны звоном серебряных колокольцев... А Любка магнитофон в охапку — и домой. Велосипедисты портошины закатали, сели на велосипеды и укатили в район, мотоциклисты газом рывкнули, в Гуреево подались.

— Ох ты, етишки-тишки!— только и сказал Геннадий...

* * *

...Дом наш стоял в центре деревни. Был он не так уж красив и нов, но это был мой дом, где вырос, где прошли счастливые, безгрешные, а потому лучшие годы. Лет пятнадцать, как мы уехали из деревни и дом остался под начальную школу, служил еще недолго людям, но как-то быстро осиротел, выстыл. Зачахли кусты и яблони в саду, заросли и сровнялись ухоженные грядки, и лишь малинник, принесенный нами из лесу, одичал снова, в буйной силе захлестнул, заполонил дворик.

Много квартир сменили мы после. С удобствами и без них, но ни одна так и не стала родным домом.

Я подхожу к обветшавшему своему (по закону, уже чужому) дому, пробираюсь, как вор, на крылечко и сижу тихо, виноватый в отступничестве и ревности.

Далеко на реке гукнул теплоход, запоздало простучал колодезный ворот, бумкнуло в стылой глубине ведро и снова густая тишина отстаивается на деревне. И лишь за дальними разливами Судьбицы темный бархат неба изред-

ка отсвечивает, словно кто-то большой пытается там зажечь огромную спичку и все никак не может ее вздуть...

Таких домов, как наш, немало уже в деревне. Каждый приезд натыкаешься на все новые и новые пустыри. Посадки напоминают сейчас вышедшее из кровопролитного боя войско, которое ждут новые и новые потери.

До революции, по рассказам стариков, в устье реки Имай шумели богатые ярмарки, стояли пристань и товарные склады судовладельца Милютина. И в праздники собиралась сюда молодежь со всей округи. По свидетельству тех же стариков, приставали к нашим берегам большие белые пароходы, и барышни в длинных платьях танцевали с матросами невиданные в этих краях вальсы.

Был в свое время в Потеряеве центр сельсовета и колхоза «Заветы Ильича», слава о котором далеко разносилась. Да и сейчас, по прошествии многих лет, многих организационных перестроек, пошедших явно не на пользу деревне, после того как разлетелась по городам ее молодежь и многие дома были разобраны на дрова, поражает она своей масштабностью.

В пору ее расцвета насчитывалось здесь до ста сорока дворов. Вбирая в себя мелкие деревеньки, попавшие в зону затопления Волго-Балтом, деревня разрасталась настолько, что местные острословы ради удобства давали каждому посаду свои названия. Так появились Новая и Старая деревни, Митькино, Шапкино, Замостье и даже Притыкино — несколько домов, приткнувшихся к деревне от поскотины.

Если рассматривать положение деревни географически, то есть в ее названии доля смысла. Лежит она в таком дорожном аппендиксе, опоясавшись с трех сторон реками, лесами. Добрался до нее и — поворачивай назад. Правда, раньше была транзитная дорога на Череповец, но сейчас она за ненадобностью заброшена и зарастает дурниной, а по взгоркам россыпями маленьких — шапкой накроешь — сосенок.

Единственная дорога, соединяющая Потеряево с миром, идет через Большой лес. Сейчас эти десять километров пролетишь на машине за десять минут, но еще пять лет назад была эта дорога поистине «великим путем из варяг в греки». Побито было на ней техники, поматерились шоферы и трактористы и в бога, и в председателя, и в вышестоящее начальство. Порой пешком быстрее, чем транспортом.

Семь лет выхожено этой дорогой в школу. Померено было грязи в колдобинах, помотано слез на кулак.

В четырех деревнях подраться надо. Караулят. В Большом лесу, того и гляди, волки под дорогу выйдут. А проливные дожди, а стужа... Но интернатский уют удержать нас не мог. Как только отойдут морозы, бросали свою обитель. Только домой!

Ради интереса подсчитал: за годы учебы двенадцать тысяч километров намотано по этому пути. Наверное, поэтому сейчас жалко старой, проклятой всеми, разбитой вдрызг дороги.

В конце шестидесятих годов по ней ушли из деревни последние молодые силы. Ушли и не вернулись. Моих сверстников, плюс-минус два года, было в то время человек тридцать. Помню светлые ночи на горе Оняве, туманную реку, дальние гудки пароходов, костры и беспокойные, тревожные мысли, одолевавшие, наверное, каждого. Учеба в школе подходила к концу, и требовалось сделать выбор. Нет, уезжать нам не хотелось. Каждому была дорога своя деревня, расставание с ней страшило. И вот кто-нибудь подавал голос:

— А что, ребята, не поедем никуда! Останемся.

И тут же откликнулся хор голосов:

— Остаемся, только, чур, все.

Не остался ни один. Сегодня трудно найти в деревне человека моложе пятидесяти лет.

Чем занять, что могла в то время предложить нам деревня? Навозный скребок или вилы. Да и этой работы на всех не хватило бы. В бригаде был пяток тракторов, но на них работали отцы и замены не просили, на ферме матери были в силе.

Деревня в какой-то момент остановилась в своем развитии, и не могла определить к своему делу подрост. Вот на этом экономическом ухабе и выбило молодежь из деревенской подводы на городской асфальт.

Более того, весь психологический настрой тех лет волей-неволей воспитывал пренебрежительное отношение к деревне с ее архаичным, отсталым производством. На первый план выходили профессии покорителей морских глубин и горных вершин, строителей новых городов, космонавтов. Мы грозилась развести сады на Марсе, а своя земля, отвоеванная у диких лесов предками, вновь зарастала. Как будто люди в космосе ели не тот же земной хлеб...

После второго класса я все лето пас колхозных телят. И, надо сказать, это занятие пришлось мне по душе.

Понятно, что осенью в традиционном сочинении «Кем я хочу стать» совершенно искренне написал: пастухом.

Меня не поняли, слишком уж примитивными показались устремления. Сочинение заставили переписать, и во втором варианте я нес какую-то галиматью про штормящее море, летающих рыб, которых в жизни никогда не видел.

Мало-помалу в сознании деревенской молодежи сформировалось представление об ущербности, даже постыдности деревенского труда и живущих на селе людей.

Вспоминаю, как моя бабка просила уже взрослую внучку принести грабли с другого конца деревни.

— Что я, дурочка, с граблями-то по деревне,— отвечала та. Внучка мечтала стать парикмахером.

Последние корни, связывающие молодежь с родиной, обрывались, и несло ее перекасти-полем по просторам большой Родины.

В те годы я один задержался в деревне. Выйдешь зимним вечером на улицу — ни души, все спать улеглось, даже собак не слышно. И такая, право, накатывала волчья тоска, что готов был проклясть родное гнездовье и двинуть напрямик через леса и болота к далекому городу.

* * *

В истории российских деревень было немало разорений и бед. Но они возрождались из пепла, отстраивались и крепили, пока народ держался земли, видел в ней единственный источник и смысл существования. Источник и смысл — два неразделимых понятия.

Однажды писатель Ярослав Голованов попросил меня показать ему Вологодчину. Он готовил книгу о Нечерноземье. И я решил свезти его не только в передовые хозяйства, но и показать ему иную деревню.

...Дресвище давно попала в разряд неперспективных и не только по планам, но и по существу. Давно поразъехались ее обитатели. Кто в войну погиб. Кто в безвестье канул. Но оставшиеся дома крепки, для жилья пригодны. Деревеньку облюбовали художники и литераторы. Здесь и рыбалка знатная, и грибы, и ягоды.

Из коренных жителей одна единственная бабка Ульяна. В Дресвище родилась, ходила по нянькам, батрачила, замужем за вдовцом оказалась. Четверо приемных детей да пятеро своих. Теперь они давно уже сами внуков имеют, живут по новым местам, родину свою оставили. А бабка

зацепилась за родной порог и ни у тех, ни у других жить не желает. Дома-то каждый сучок свой, у каждого гвоздя своя история. А пуще всего боится Ульяна в зависимость попасть, самостоятельности лишиться, лишней себя почувствовать.

— Хоть и черен кусок, да необжуренной*.

С лета начинается бабка Ульяна к зиме готовиться. Сушняк из лесу таскает, пилой шаркает. Хлеб сушит, грибы солит, бруснику томит — зима все приберет.

С первыми холодными дождями пустеет Дресвище, и только Ульяна все еще хлопочет по хозяйству. Переметет снегами и метелями дороги и тропки, навалит к крыльцу сугробов — бабка, словно медведь, в берлогу залегает. У нее даже колодец в крыльце. Истопит русскую печь в зимовке — первые два дня на кровати, как барыня, спит, потом на печь перебирается, а потом и вовсе в печь переселится. Пройдет неделя — снова праздник — печь топится.

Так до масленой перезимует — там уже солнышко пригревать начнет, пора к весне готовиться, картошку перебирать, яровизировать, рассаду высаживать.

Первая огород свой вскопает, соседям поможет, пока они еще в городских квартирах нежатся. Хозяйка. Набольшая.

Завернули мы в Дресвище, печь топили, рыбачили, уху варили, рыжиками пробавлялись. Бабка Ульяна на огонек завернула, про жизнь свою рассказала, песен старинных напела.

Расчувствовались мы:

— Благодать-то какая! Покой дорогой. Остаться бы тут навсегда, огород копать, рыбу удить, корову бы завести на коллектив!

Слушала, слушала бабка Ульяна эти речи и загоралась вся:

— А что, ребята, надо корову-то, ой как надо! Глядите-ко, по второй год лучкаря в нашей деревне стога ставят. Слыхано ли дело, чтобы лучкаря да на дресвянских покосах хозяйничали! А коли корову-то заведем, так и сена хватит, а зиму-то я за ней догляжу. Места на дворе вдосталь, да и мне поваднее будет...

И столько было в ее словах веры, хозяйской тоски по еще несостоявшейся корове, что мы пристыженно языки прикусили.

Так как же все-таки велика способность к возрожде-

* Не обжуренный — неговоренный.

нию у людей, живущих на земле, если даже в этой старухе, битой и согнутой жизнью, при одном только намеке расцвела в душе мечта. Да что там мечта — реальный план!

...В истории нашего Потеряева тоже было несколько периодов наибольшего оттока людей. Сильно сказалась на нем послевоенная разруха. Потом Череповец, где начиналось строительство металлургического гиганта, вытянул народ. Строительство Волго-Балта... И значительно раньше мог бы наступить для него сегодняшний кадровый кризис, а вслед за ним и упадок, если бы не стал во главе тогдашнего колхоза деятельный, по-крестьянски расчетливый и дальновидный мужик из наших деревенских Александр Иванович Кошкин.

В конце шестидесятых, начале семидесятых годов он так сумел поставить дело, что многие из тех, кто подался в город, стали возвращаться. Нужно сказать, что урожай в наших краях были исконно высокие, фермы из передовых не выходили.

Но и этих достижений было бы недостаточно для развития деревни. Выручил лен. Раскорчевали под него солидный кусок новины, который дал замечательный урожай и семян, и тресты. Маленький колхоз получил солидные прибыли и премии. В кассе зазвенели деньги, которые хозяйство уже могло ссужать тем, кто возвращался, под застройку. Запахло смолистой щепой, на пустырях начали подниматься свежие срубы. Веселое и радостное было время.

Помню наш деревенский клуб, в котором во время самодеятельных концертов было не протолкнуться, помню шумные соревнования молодежи на школьной спортивной площадке, поездки агитбригад нашего колхоза на областные смотры художественной самодеятельности на бортовых машинах с кумачовыми транспарантами.

В Вологде была даже выпущена брошюра «Из опыта работы Потеряевского клуба». Брошюра была маленькая, серенькая, с плохо оттиснутым клише, на котором изображался в аккуратном палисадике наш маленький деревянный клуб, казавшийся тогда настоящим дворцом.

Кошкин был талантливым организатором. Есть у нас за Имаей обширные заливные луга, с которых брали основной запас сена. Но луга из-за топкости использовались частично. В то время в районе уже образовалась своя лугомелиоративная станция, и Кошкин вынашивал идею осушения имайских покосов. Сколько же можно было

тогда снимать с них клеверов, хлеба, льна! По натуре своей большой демократ, Кошкин нес эту идею в народ. Колхозники же, народ достаточно консервативный, поначалу опасались за колхозную кассу, боясь пустить деньги в распыл. Кошкин же был горяч и настойчив, так что порой дело доходило до жарких стычек. Но ни та ни другая сторона обиды не держала, и как бы то ни было, а скоро идея осушения Имаи жила в душе каждого колхозника. Это была хорошая перспектива для нашего колхоза.

Но кончился взлет Потеряева как-то сразу и нелепо. Началась кампания укрупнения колхозов. Потеряево объединили с другими колхозами, а центр вновь созданного определили в Шексне. Кошкина же перевели в другое, дальнейшее хозяйство. Не отпускали его колхозники, противились всячески, да и сам он не хотел бросать начатого дела, но район был непреклонен.

Новое хозяйство, колхоз «Шексна», вобрало в себя десятки деревень и раскинулось на десятки километров. О многих деревнях потеряевцы едва ли слышали. Противились они укрупнению, не хотели в одной упряжи с чужаками работать, поскольку во все времена было Потеряево деревней независимой и даже чопорной. Не прочь на счет своих соседей проехаться, которые победней жили: «Не беда, что нет сохи, была бы балалайка».

Что говорить, как нет людей одинаковых, так нет и одинаковых деревень. И если уж в Потеряеве дом — то хоромы, если картошка — то «в колесо».

С того времени и началось захирение нашей деревни, превратившейся из самостоятельного колхоза в рядовую бригаду. Колхозные средства вкладывались в развитие других, более близких деревень. Новый председатель был родом с зареченской стороны, а своя рубашка, что ни говори, все равно ближе к телу.

Развитие нашей деревни застопорилось, захирела дорога, новостроек не стало, и превратилось Потеряево в захолустье, вполне оправдывающее свое название, в неперспективную деревню. На этот период и пришелся наиболее опустошительный отток молодежи.

* * *

...Утром солнце лучится в мокрой, только что проклюнувшейся траве, на первых листочках деревьев дрожат и переливаются капли ночного дождя. В промытых окнах играют солнечные блики, и вся деревня кажется помолодевшей и праздничной.

Города начинаются с вокзалов, а наша деревня с «галдарей», это и вокзал, и вечевая площадь, торговый и административный центр. Здесь на свайных мостках, среди резных осиновых колонн, как и прежде, обсуждаются все основные события: деревенские новости, международное положение, здесь собираются на бригадный наряд и рядят пастуха на лето, а раньше по праздникам устраивали перепляс — «топотуху».

Правильно было бы назвать это сооружение галереей, да не любит деревенский язык иноземных слов, от своего корня, от слова «галдеть» и пошла «галдарея».

Строили ее еще при председателе Кошкине, любившем во всем широкий размах, хотя и колхоз против нынешнего был с рукавицу.

Других памятников ни один из новых председателей в Потеряеве не оставил. Наоборот, начавшееся укрупнение привело к тому, что здесь стали закрываться роддом, школа, фермы, ветлечебница и т. д.

Обошли деревню новостройки. Животноводческий комплекс вымахал в стороне, перетянув к себе оставшееся трудоспособное население, закрылись сыроварня, лесопилка, мастерские, кузня, гаражи..

Но, как и прежде, собираются на «галдарее», пусть не людные, но беседы, и текут неторопливые разговоры про нового председателя, что «больно тороват, да неласков», про то, что «житье у коров настало необыкновенное, кажин день на каруселях катают», про житье новое и старое...

И кажется мне, что вечно будет жива моя деревня, что не может она так вот просто уйти в никуда, не оставив после себя ни следа, ни тропинки.

А что за интереснейший народ — деревенские старики, вынесшие на своем горбу, казалось бы, непосильную ношу, но не потерявшие ни оптимизма, ни способности мужественно и с юмором преодолевать горести и трудности. Сколько забавных историй хранит деревенская беседа. Не будь их, думаю, пережить военную разруху было бы в сто крат труднее.

* * *

В июле наша деревня опустела. Почти все, кто мог в руках косу да грабли держать, отправлялись на имайские покосы, разбивая там долговременный стан.

...Вечером становой повар — армейская профессия —

Иван Михайлович Фунтиков раскладывает косарям кашу. Его то и дело подначивают на беседу, но он упорно молчит, обстоятельно справляя свое дело.

Сытный ужин ненадолго расслабляет усталых косарей, но сон не идет. Вечерняя прохлада бодрит, наплывает из низин вязкий туман, дергачи кричат в высоких травах, жарко светят в полумраке остатки костра... И по-прежнему тянет на разговор.

— Анна,— кричит кто-то от телеги.— Расскажи-ко, как в Череповец за мукой ездила.

История на деревне известная. В сути своей печальная. Поехала баба в город, купила муки мешок, юбку новую. На пароходе юбку сняла, чтобы не запачкать, села на мешок и уснула. Пристань свою проспала, юбку потеряла, всю ночь пешком с мешком до дому добиралась, торопилась к утренней дойке. Но в пересказе Анны она приобретает такие подробности и детали, что публика хочет до слез.

— Да я-то что,— отвечает Анна.— Вон Захаровна как-то на базаре диван отхватила. У нее ловчее моего получилось. Пусть она и расскажет.

— Поди за кукурузу премию отхватила, так решила мебель сменить. А-а? — подначивают Захаровну из темноты.— Вали, Захаровна, сказывай.

Надежда Захаровна перевязывает косынку, строжеет лицом.

— Приехала в Череповец. Пошла на базар. Вижу, мужик диван продает. Обшивка хорошая, пружины крепкие. Шестьсот рублей просят. На старые, конечно, деньги. «Бери,— говорит,— не прогадаешь. С твоей комплекцией как раз будет».

Думала это, думала и купила. Села, посидела и смекаю: а как же это я его на пристань-то потащу? Тяжелой. А потом ведь на пароход-то меня с ним не пустят. Тут уж и базар закрывают. Сторож в колоколо брякает. «Давай,— говорит,— баба, снимайся с дивана-то».

Ох, ты мне! Чего делать? Посижу, побегаю. Хоть реви. А тут этот самый мужик и идет...

— Который диван продал?

— Этот. «Ты чего,— говорит,— расселась?»

Так и так, говорю.

— А он чего?

— Ох, говорит, ты и дура. Давай, говорит, я его у тебя обратно куплю. За триста.

— Продала?

— Продала. Только что и посидела за триста-то рублей.

От хохота просыпается лес, смолкают дергачи. А завтра снова работа до красных кругов в глазах...

* * *

К обеду на «галдарее» появляется писаная чернилами афиша. Вечером в клубе демонстрируется кинокартина «Свинарка и пастух». Решаю от нечего делать сходить. К моему удивлению, собирается со мной и тетя Поля, мать моего друга детства. Давно вроде бы не ходок она по клубам.

И еще больше удивляюсь, когда вижу, что клуб битком набит. Кажется, что собралось все деревенское население. В кои-то веки. Вот уже сколько лет подряд в кино даже на самые захватывающие фильмы ходит не больше пяти человек. Старик Ионов, крестьянин интеллигентного склада, прочитавший в библиотеке всю мемуарную литературу; заведующая почтой молодая вдова Зоя, бесшабашная доярка Верка, не уехавшая из деревни лишь потому, что с четырьмя классами образования в городе делать нечего, жена киномеханика да какой-нибудь отпусник.

И вот на экране ухоженная северная деревня, березовые перелески, высокие дома с резными крыльцами, прометенные улицы, полные молодости, веселья. Бойкая босоногая свинарка — Марина Ладынина и красавец-парень — Николай Крючков, растягивающий меха гармони:

Стоит мне милашке Глашке
Левым глазом подмигнуть,
Как ко мне моя милашка
Камнем падает на груди!

Когда закончился фильм, в зале стояла полная тишина, лишь слышно было, как трещали сигарки у мужиков, дымивших у порога. Народ не поднимался с мест. И тут раздался чей-то голос:

— Анатолей! Рязанов! Крути по новой!

И снова появились на экране Марина Ладынина и Николай Крючков с гармонью, деревенские улицы, северные дома с резными крыльцами, и снова зал затаил дыхание.

Я шел вечером разбитыми улицами деревни, среди изрядно поредевших посадок, щербатившихся пустырями, и думал о той силе, что собрала сегодня весь деревенский

народ. Уж не прощание ли было это со старой деревней, несостоявшейся мечтой молодых лет? А может быть, наоборот — утверждение ее жизненных сил?

...Весь день бродил окрестностями деревни и не узнавал их. Будто бы и горушки меньше стали, в землю вросли, и речка обмелела, и поля обузились. На имайских покосах прошлогодняя в рост человека некое стояла угрюмой неприступной стеной. Луга заболачивались, подергивались болотной дурниной, ивняком. В молодых перелесках спотыкались ноги о нестертые временем борозды и межи, а у обезлюдевшей деревеньки Ванеево — деревни-спутника Потеряева, встретила мне в кустах одичавшая лошадь и долго, испуганно и тревожно смотрела во след.

Напомнила мне деревня старика Петра Стогова, прожившего аредовы веки. Выходил он на дорогу днями, стоял опершись на отполированный рукой можжевелевый посох и выглядывал — не пойдет ли кто-нибудь, с кем бы поговорить. Рассказывал, как воевал «ерманца», участвовал в Брусиловском прорыве, самого генерала видел. Заслужил Георгия, а сына, в одной сотне служили, на глазах убило.

Работал дедушка Петро в колхозе до 95 лет. За «коням» ходил, упряжь чинил, дровни, телеги.

Потом его дочка Матрена к себе забрала. Лишила старика самостоятельности.

Умирая, он жаловался:

— Я бы еще пожил, дак от всех делов отстранили.

...Утром я снова пришел на «галдарею», чтобы уехать с попутным трактором в Шексну. И снова вспомнилось детство, закатное зимнее солнце, плывущее в студеном мареве, дымы изо всех труб, подпирающие высокое небо и звонкие крики ребятни:

«Гала, гала, гала, набирай народу боле. Кто на галу не идет, тому в жизни не везет!»

Вспомнил разговор с энергичным секретарем парткома колхоза, утверждавшим неперспективность моей деревни.

— Жизнь права,— говорил он,— обрекая старое и отжившее на вымирание.

Пройдет всего немного времени, и я к большой радости открою для себя, что энергичный секретарь парткома был глубоко не прав. Умирают несостоятельные идеи. Земля и человек на ней — вечны.

На «галдарее» сидел старый кузнец Борис Кузнецов, видимо, собирался в город к сыну.

— А-а, тянет домой-то,— приглядевшись, спросил он.

И ответил сам себе:— Тянет. Как же. Всяк кулик по своему болоту плачет.

Мы закурили. Борис затаился папирсой, прищурился.

— А вот, скажем, осушили болото. Куда кулику деваться? Надо новое искать. Сначала по старому плачет, а потом и новое хвалить зачнет. Вот так и мы. По старому плачем, а за новое держимся.

Борис задумался надолго. Потом вдруг оживился резко, глаза молодо блеснули:

— А ты там в районе не слыхал, будто разговор идет, что Кошкина к нам на бригаду назначают? Э-э, уж он-то, парень, порядок наведет. Не даст деревню загубить. Да мы с ним еще Имаю распашем...

1978

ЗЕМЛЯ И ПАМЯТЬ

Мотыга против «ДТ», или Почему механизатор Петр Ершов не поверил древнегреческому историку Геродоту

...Как-то под осень завернул к старому своему знакомому Василию Васильевичу Щербакову. Он всю жизнь прожил в деревне, но к земледелию, кроме как через свой огород, отношения не имел. Бакенщиком работал на реке. Василий Васильевич давно на пенсии, но вот на склоне лет пришел к нему обостренный интерес к сельскому хозяйству. Любит поговорить о его проблемах, газеты прочитывает от корки до корки, выскиывая рецепты для поправки, по его выражению, хворающей деревни.

В каждый мой приезд идут у нас острые дебаты по этому поводу. Василий Васильевич вызывающе попыхивает папирсой, щурится сквозь стянутые резинкой очки, выжидает момент, чтобы «сразить противника наповал» приготовленной на этот случай сенсацией.

Вот и на этот раз он бойко взбирается на лавку, нашаривает на полке, украшенной стриженными газетными подзорами, небольшую книжицу, снова водворяется за стол, плотно прижимая ее рукою.

— Тут вот я такое дело вычитал. Не знаю, поверишь, нет ли? Петька вон Ершов не верит,— начинает Василий Васильевич с подходом, как на глухаринной охоте.— Так вот. Жил в свое время один древний историк по фамилии

Геродот. У него, значит, и сказано, будто еще много раньше жил этакый совсем древний народ — шумеры. Ну, ты знаешь, грамотный. Так вот Геродот и писал, что будто бы они там, в Междуречье, преогромные урожаи собирали. Страшно представить, сам-сто и сам-двести...

Не знаю, как они там считали: на круг либо в амбарном весе, а получается, что каждое зерно до двухсот зерен родило. Если так, то у нас урожай-то в двести центнеров, в четыреста должны выходить. Вот так-то! — И Василий Васильевич веско прихлопнул рукой книжку.

— Ну, а дальше?

— А дальше я своему соседу и сказал. Что же это, говорю, Петька, получается? У тебя трактор в сто пятьдесят лошадей, агротехнику ты в училище спознал, тебе и удобрения, и советы научные выдают, и семена отборные экую даль везут, а осенью посмотришь — колос от колоса не слышать и голоса...

Вон, говорю, мужичонки-то, шумеры-то древние: и грамотешки никакой, ни тебе тракторов, ни сеялок, ни химии, а как тебя обскакали...

— А Петька-то что?

— А врет, говорит, твой Геродот. Загнул, говорит, для потомков. Чтобы, говорит, мы не думали, что они лаптем щи хлебали...

Василий Васильевич пододвинул наконец мне книжицу. Это были «Очерки развития земледелия» С. Скорнякова.

— Читай, не думаю я, чтобы уж так погибал этот Геродот.

Действительно, так и было написано. Более того, другой древний историк, Страбон, называл урожайность шумерских полей еще более высокую — сам-триста. А современные ученые, занимаясь расшифровкой шумерской клинописи, нашли подтверждение их словам.

— Вот ты и скажи,— волновался Василий Васильевич,— зачем бы это древние шумеры стали очковтирательством заниматься? Всяко премий тогда не выписывали, а что вырастил, то и съел. Правда-то все одно наружу выйдет. Это, может, бумага все стерпит, а тут вон их отчеты до наших дней пролежали.

... Да, запустил мне Василий Васильевич, что называется, «козу в огород». Не выходят из головы эти шумеры с их фантастическими урожаями. И чем взяли? Ну, хорошо, земли там были плодородные... Но с другой стороны — плуги-то деревянные, серпы глиняные с каменными зубьями, примитивные мотыги...

Видимо, другим. Священным отношением к земле, ко всему, что связано с земледельческим трудом. Сам шумерский царь прокладывал по весне в торжественной обстановке первую борозду, утверждая тем самым, что важнейшая его обязанность — забота о земледелнии.

Древние шумерские клинописи — не что иное как земледельческий календарь с описанием, где, что, когда и как сеять, составленный и себе на заметку, и, наверное, для потомков. Свой земледельческий опыт они берегли настолько крепко, что он через тысячелетия дошел до наших дней.

И не без основания свербит голову старого моего знакомого неотступная мысль, когда он сравнивает урожай своего колхоза с шумерскими:

— Чем же это мы семь тысячелетий занимались?

Впрочем, бог с ними, с шумерами. Наверное, легче будет обратиться к фактам, по времени не столь отдаленным.

В старых бумагах отыскал я недавно некоторые заметки, выписанные из подшивки Пришекснинской районной газеты «Колхозник-животновод». И пожалел, что слишком мало этих записей, чтобы можно было более полно восстановить картину развития сельского хозяйства района, скажем, за пятьдесят лет.

Несколько лет назад здание редакции райгазеты сгорело, в пожаре исчезли и бесценные подшивки, в которых была сконцентрирована, можно сказать, вся история развития советской шекснинской деревни. Об этом, думаю, еще не раз придется пожалеть моим землякам.

Но вернемся к оставшимся записям. Интереснейшее это занятие — читать старые газеты. Незначительные, кажется, события и факты, отдаленные по времени, начинают обретать большой смысл и содержание. На многие мысли наводит такое чтение.

Удивительное было то время. Запальчивое, шумное, прямолинейное и суровое. И какой страстью дышат неумелые, стилистически корявые строки селькоров. Одни заголовки и подписи чего стоят!

Вот фельетон на начальника милиции. «Видны ослиные уши» — называется он. Почему ослиные? Непонятно. Начальник занялся личным хозяйством и развел коз. Коза — скот мелкорогатый, и начальника обвинили в мелкособственнических настроениях и даже перерожденчестве. Кто тут прав, кто виноват — нам, в то время не жившим, — судить трудно, хотя нынче этого начальника, пожалуй бы,

поставили в пример. А как же — личный вклад в Продовольственную программу.

А вот корреспонденция под псевдонимом «Зоркий глаз» с решительным требованием: «Дать им слегка в зубы!». Это в отношении «саботажников», которые во время посевной вздумали вздремнуть на мешках с посевным материалом. Ответа о принятых мерах я не нашел, но надо думать, что действенность была достаточно высока. Не то было время, чтобы отмалчиваться.

Но главное в этих материалах другое. Оказывается, в тридцатые-сороковые годы Пришекснинский район за высокоразвитое молочное животноводство называли «маленькой Данией». Здесь, на заливных пришекснинских лугах, богатых душистым разнотравьем, родина вологодского масла, создателем которого стал брат знаменитого художника Верещагина. Здесь велась усиленная племенная работа с коровами ярославской породы, здесь, в селе Домшино, корова-рекордистка давала в год больше десяти тонн молока. Правда, старожилы сейчас посмеиваются: будто бы кормили ту рекордистку сельповскими пряниками и сливочным маслом. Но так или иначе, многие хозяйства имели в ту пору высокую продуктивность коров — от трех до шести тысяч литров.

В Чуровском товариществе, нынче это центральная усадьба передового колхоза имени Кирова, была образована племенная лаборатория ярославков, над которой лично шефствовал известный специалист по молочному скоту академик Лискун.

В тридцатые годы по всему району было внедрено искусственное осеменение скота. Дорог тогда настоящих не было, но выход нашли оригинальный. Сперму от лучших быков-производителей доставляли в разные концы района с помощью почтовых голубей.

Так что не зря на второй выставке достижений народного хозяйства Пришекснинскому району был отдан почти весь павильон «Животноводство».

А вот факт двадцатилетней давности. Бригадир колхоза «Шексна» Георгий Андреевич Кадыков удостоен звания Героя Социалистического Труда за высокие урожаи зерновых. Урожайность зерновых в целом по бригаде составила 32 центнера с гектара, пшеница дала 60. Что это? Случайность? Благоприятные погодные условия? Нет, длительная, целенаправленная работа с землей, гражданская смелость руководителя. Да, да, именно гражданская смелость. Но об этом расскажем ниже.

Что бы, казалось, и дальше не получать шекснинским земледельцам такие же урожаи, а то и выше? Ведь уровень производительных сил год от года растет, а секрет высоких урожаев по Кадыкову прост: что в землю положил, то она и поднимет.

Не получается. Не получается по многим причинам, но одна из них, без сомнения, в том, что слишком редко мы обращаемся к опыту прошлого, а если и обращаемся, то снисходительно и высокомерно. Назад оглядываемся чаще всего за тем, чтобы в свой актив побольше выгодных свидетельств собрать; вон, дескать, как раньше худо жили — топоричем подпоясывались, на обухе рожь молотили. И ни телевизоров-то, ни Домов культуры, ни техники современной у них не было. Вот потому и не поверил тракторист Петр Ершов древнегреческому историку Геродоту, что представление о прошлом было у него довольно примитивное. А не нам ли, материалистам, знать, что любой опыт предшественников, плох он или хорош, — бесценное достояние, опыт, который научит и обогатит, без которого нет ни настоящего, ни будущего.

Из председательского корпуса

Ясным днем занимавшейся ранней осени, когда в полях шумела уборочная страда, а от зернотоков по всей округе расплывался горячий запах хлебов, Шексна провожала в последний путь своего Почетного гражданина Михаила Матвеевича Молоканова, бывшего во время войны и в пятидесятые годы первым секретарем райкома партии.

Звучали прощальные речи, слова признательной памяти, и бывший секретарь, словно внимал им, в последний раз спрашивая себя по всей строгости: все ли было сделано им, так ли надо было сделать?

На окраине кладбища у черты доспевающих хлебов стояла уже зарастающая травой могилка вечного сеятеля и пахаря Тимофея Белолыкова из соседней деревеньки Деминской. Семьдесят с лишним было Тимофею, когда осталось хозяйство без мужиков. И Белолыков снова взял плуг, стал стахановцем. По три гектара пахал он в день на пароконном плуге — сегодняшняя норма тракториста.

А вон недалеко могилка потеряевского стахановца Егора Тестова, больше которого никто не мог косить трав. По гектару и больше значилось ежедневно на его счету...

Деревня сделала для Победы, казалось бы, невозмож-

ное, отдавая фронту все, оставаясь сама голодной, разутой и раздетой.

Двадцать два миллиона рублей передали шекснинские колхозники государству по займу в Фонд обороны.

Молоканов с рассвета до ночи мотался в седле по деревням, вновь и вновь требуя от измученных женщин и голодных детей жесточайшей дисциплины и самопожертвования.

И откуда что бралось?

В военную бескормицу свиноводка Мария Козлова била довоенные рекорды. По двадцать восемь поросят получала она от одной свиноматки, каждый приплод давал до четырех тонн мяса.

В сорок седьмом страшный голод окончательно подорвал истощенные силы деревни. Наступала сенокосная пора, а у людей косы вываливались из рук, ноги не держали.

И тогда Молоканов решился на крайность — выдать колхозникам запасы семенного зерна, а новым урожаем их восполнить. Область ответила грозowymi раскатами. Едва удержался в секретарском кресле... А впереди были пятидесятые годы с лженаучным подходом к земледелию, с попытками разом решить все продовольственные проблемы и с теми же требованиями — не думать, а исполнять.

Георгий Андреевич Кадыков, тот самый бригадир из «Шексны», а до того председатель маленького колхоза «Красный луч» как-то вспоминал:

— После войны начинали с пяти центнеров. Земля истощена страшно. Навоз берегли — пуще золота. Едешь, бывало, лошадь кучу сделает — и то в поле снесешь. Мало-мальски начали выправляться.

А тут у нас агроном был, такой любознательный, до всего дойдет. На юге побывал, посмотрелся на кукурузу и загорелся у нас развести. Так у него весь огород кукурузой засажен был, опыты ставил. Жена ругалась, а он за посадками, как за невестой ходил. Только оказалась невеста не в меру привередливой. Что ни год, то зачахнет.

Молоканов не раз приезжал на его опыты посмотреть, посмеивался: дескать, на рогоже сидя, о соболях не думают.

А тут на тебе: повсеместно кукурузу внедряют, клевера запахивают, весь назем под нее — царицу.

Ну, мы спокойны. Если уж на огороде не выросла, то в поле и подавно. Сеять и не думаем. Только вызывают меня на бюро.

— Посеял?

— Нет.

Молоканов встает, крутой был:

— С работы снять, из партии исключить, отдать под суд!

Взмолился я:

— Не губите, посею.

Посеяли, вылезла она, матушка, вершка на два и загнула. Зато на следующий год какне озимые по ней вымахали! Чистых паров тогда не давали держать. А тут пар получился — чище некуда.

Потом уж, оба на пенсии были, помнил ему.

— Верил,— говорит,— такую войну выиграли, разруху одолели, а кукурузу не вырастить?

А я так думаю, привыкли за войну командовать да подчиняться. А вот советоваться не научились.

...Безудержно листает время страницы нашей истории. И все меньше живых свидетелей прошедших лет остается среди нас. В тот печальный день еще не успели насыпать земляной холм на могилу секретаря, как, захватив сердце богатырской, перевитой венами рукой, среди траурного митинга тихо опустился на траву боевой потеряевский председатель Александр Иванович Кошкин.

Да, он был поистине талантливым организатором. И этот талант проявлялся всюду, где ни пришлось ему поработать. А судьба у него как руководителя была незавидной...

Однажды в кабинете у председателя комитета народного контроля Александра Павловича Гусева застал я ходоков — пенсионеров, в прошлом руководителей районного звена. Это были люди с большим практическим опытом, знанием района и его людей до третьего колена и дальше, исходившие на своих двоих район вдоль и поперек. Обычно такие люди многое видят, многое еще могут, хотя по-настоящему, всерьез их не привлекают к делам, наверное, из опасения привнести в новые методы руководства известную долю старого и отвергнутого. Поэтому чаще всего и уходят эти ветераны в местную, так сказать, оппозицию, ворчат потихонечку на скамейках, осуждая молодое руководство за нерасторопность, неактивность и кабинетное сидение.

А пришли ходоки к Гусеву с такой вот идеей. В ту пору не было в районе хуже организации, чем Межколхозстрой, заваливавший из года в год свои программы наполовину. И склоняли МКСО на всех заседаниях и совещаниях, едва ли не каждый год меняли руководителей —

толку не было. Да и откуда ему быть, коль строительная база слабая, кадров нет, жилья тоже. А колхозы между тем задыхались без строительной поддержки района.

Вот и пришли тогда ветераны с вернейшим рецептом разом поднять на ноги МКСО. Рецепт был обескураживающе прост: убедить верхнее начальство поставить председателем Межколхозстроя Кошкина. Гусев таких вопросов не решал, а верхнее начальство побаивалось выдвигать Кошкина. И вот почему. Александр Иванович работал в то время прорабом. И его участок был единственным, который не лихорадило. (Строители очень жалели, когда Кошкин вновь вернулся к земле). А ведь он не был строителем. И не технические знания, а способность к организаторской деятельности, умение добиться своего, отстаивать интересы дела, помогали ему в незавидной прорабской должности.

Прямой и резкий в суждениях, он не боялся высказать свое мнение в лицо любому. И потому-то его жизненный путь был так непрост.

С укрупнением колхозов из Потеряева Кошкина перевели во вновь созданный колхоз «Советская Россия» — хозяйство разбросанное, собранное из многих мелких колхозов, успехами не блиставших. Тридцать километров разбитых, труднодоступных дорог отделяли его от райцентра.

Но и в этом хозяйстве Кошкин не потерялся. Сумел добиться уважения и веры у колхозников. А они, как известно, завоевываются делами.

История эта произошла давно, но в районе ее помнят хорошо. Кошкин тогда крепко не поладил с секретарем райкома. Секретаря избрали депутатом по их избирательному округу. И понятно, что в наказах избирателей были самые жизненные проблемы колхоза — стройки, дороги. Но срок прошел, а наказания так и не были выполнены. И когда секретарь вновь приехал на выдвижение, Кошкин открыто с трибуны выразил ему недоверие, предложил колхозникам выдвинуть своего кандидата, который бы смог постоять за их интересы.

Случай был беспрецедентный. И, конечно же, Кошкина постарались из председателей убрать. Долго тянулась эта тяжба. Общее собрание колхозников не отпускало председателя, не принимало нового. Собираться приходилось не раз, пока сам Кошкин, измученный этой борьбой, не попросил колхозников отпустить его. Но и на этом дело не кончилось. Были потом письма в высшие инстанции за

сотнями подписей колхозников, однако, как говорится, паровоз уже ушел.

Так переквалифицировался Александр Иванович в про-рабы.

После Кошкин был бригадиром в колхозе «Шексна», возглавлял центральную бригаду. Свои же колхозники, мечтавшие распахать с ним Имаю, так и не дождались его. Впрочем, недолгое его возвращение в Потеряево было. Наверное с год отработал он в родной деревне, но семья, напуганная неперспективностью Потеряева, не захотела возвращаться домой. И после долгих семейных неурядиц вынужден был знаменитый потеряевский председатель перебраться поближе к районным перспективам.

Таких руководителей кошкинского склада было немало. Осталась о них добрая память в народе, да передаваемые из уст в уста истории, которые, обрастая новыми деталями, становятся уже легендами, а их герои — легендарными личностями.

...Через лес да болото от колхоза «Шексна» на высоких угорах рассыпались деревеньки колхоза имени Калнина. И у этого колхоза в пятидесятых годах была добрая слава. Не слишком громкая, но крепкая, основательная. Были и надои по тем временам неплохие, и урожай, и привесы на общерайонном уровне смотрелись.

Стоял тогда у хозяйственного руля Павел Иванович Соколов, тоже легендарный в этих краях человек. О соколовских временах старики и сейчас вспоминают с грустью, как о временах молодецких и удалых.

Павел Иванович был человеком сложным, противоречивым, горячим. С одной стороны — крестьянин до мозга костей, намертво прикипевший к земле, который и шага не ступит без оглядки и расчета, с другой — рискованный, азартный, увлекающийся. Но как бы то ни было, колхоз крепко на ногах стоял.

Павла Ивановича не стало, а колхозная слава, продержавшись еще некоторое время, пошла на убыль, потом снова стала расти, но это уже была слава другого порядка. То слышно, в посевную здесь нелады — вместо тракторов заголосят в поле гармони и механизаторы до седьмого пота вбивают в землю каблуки, то падеж случится, то урожай под снег уйдет. А потом уже и руководство, и рядовые колхозники начали привыкать к тому, что плетется хозяйство не путем, не дорогой, а через пень-колоду.

Есть такая старая притча о болоте.

Шел путник дорогой дальней, спешил. Да завело его в непроходимые хляби. Ни пути торного, ни тропочки хоженной. А идти надо. Ноги в трясине по колено вязнут, а он идет, зыбь его вниз тянет, а он не останавливается. Вот уже и силы на исходе, а он деревья подсекает, топь гатит, до последнего бьется...

И видит путник, что он не один на болоте, что кругом его люди. Внимательно на его труды смотрят, но равнодушно.

Закричал тогда человек:

— Что же вы смотрите? Давайте вместе пробиваться!

— А мы не смотрим, мил человек,— отвечают.— Мы здесь живем.

Привычка к плохому, серому — хуже болота. И сколько нужно сил и энергии, горения ума и страсти, чтобы разорвать пути привычного созерцательства, чтобы поднять народ на общее дело!

Нелегка председательская ноша, если честно и до конца исполнять свой долг. Как мало мы знаем о колхозных председателях, как мало помним тех, кто поднимал хозяйство, кормил в лихую годину страну, кто перестраивает его сейчас, отдавая этому свои нервы, здоровье, изнашивая сердце, наживая инфаркты. Верю, что придет время, когда и у нас будет поставлен памятник председателю, в котором отразятся все лучшие черты от первого колхозного руководителя до последнего.

...Советова привезли в колхоз имени Калинина, «на сватовство» к отчетно-выборному собранию. Не вдруг и не сразу согласился он, чтобы предложили его кандидатуру на пост председателя. Не одну беседу пришлось провести с ним в райкоме, чтобы убедить в необходимости этого шага. Колхоз имени Калинина давно вызывал тревогу у районного руководства. Вот уже несколько лет как застопорилось там движение, люди потеряли цель.

А Советов был патриот. Родился и вырос в колхозе «Шексна», здесь же и дело свое нашел. Место, куда его направляли, хотя и было совсем недалеко, а чужим считалось, и по какой-то давней традиции недолюбливали шекснинские мужики эти края. Может быть потому, что жили на Шексне получше и побогаче.

Веня Советов стал колхозником как раз в то время, когда из деревни больше всего уходила молодежь. В конце шестидесятых. Отслужил в армии, в город не поехал, решил с матерью пожить, та у него одна оставалась. Не скажешь, что большой патриотизм испытывал, что

высокие мысли его одолевали в то время. Просто решил человек осмотреться, что к чему. Поначалу эти смотрины были с достаточной долей снисхождения, ведь рядом были огромные стройки, заводы, где встретят с распростертыми объятиями. Но чем дальше, тем больше втягивала его в свой круговорот колхозная жизнь.

Поступил учиться заочно на инженера-строителя, на практике постигал эту специальность в колхозе. А вскоре и время пришло бойкое — больших комплексов, новостроек.

Колхоз «Шексна» — хозяйство с миллионными доходами. Про «Шексну» говорили, что будто бы там денег «куры не клюют». Но выхода этим деньгам не было. Слишком мало колхоз строил, получая основные доходы от льна, благо рабочих рук для ухода за ним в то время еще хватало.

Руководил колхозом Тимофей Александрович Иванов. Он-то и стал первым учителем Советова. Человек могучего телосложения, медлительный, слова произносил редко, будто экономил. Эта неразговорчивость да еще глаза, спрятанные глубоко под густыми бровями, придавали ему вид угрюмый, недоступный. Да и не без странностей считали Тимофея Александровича. Бывал он временами скуп до изумления как в своих, так и в колхозных делах.

У колхозников дома тесом обшиты, маслом крашены. Председатель свою избу на зиму соломой обставлял. Штаны у председателя переживали не одни заплаты, костюм обветшал, даже на очешник не хотел разориться Тимофей Александрович. А очешник у него был знаменитый. В него под фланельку складывал председатель свои заметки и записки. Тут у него целая бухгалтерия и архив были. Откроет очешник и все ясно: что, кто, где, когда. От старости очешник раскололся в нескольких местах, но Иванов его аккуратно заклепал медными заклепочками.

Как-то на заседании бюро райкома партии Д. М. Кузовлев, в ту пору первый секретарь, увидел на ивановском очешнике новые заклепки, не выдержал:

— Товарищи! Предлагаю сброситься по десять копеек на новый очешник Тимофею Александровичу.

Короче говоря, весь облик председателя изобличал крайнюю степень бедности. Не многим лучше казался с первого взгляда и сам колхоз. Его миллионные доходы добывались на старых фермах и дворах. В этом-то как раз и была причина того, что многие деревни молодежь

покинула полностью, не найдя себе достойного применения.

И только в семидесятых колхоз начал перестраивать свое производство. Время это пришлось как раз на инженера-строителя Венямина Советова.

У Тимофея Александровича был предпенсионный возраст. Должно быть, с надеждой и сомнениями поглядывал он на своих соратников, определяя, кому передать свой председательский посох. Кажется, молодой строитель был ему ближе всех. Старому, расчетливому крестьянину по душе пришелся этот кипучий парень, злой на работу, хотя и опрометчивый порой. И все чаще стал бывать на стройках председатель, входил во вкус, и все больше их появлялось на колхозной земле. И учил потихоньку Веню неторопливости, расчету, хозяйской сметке. Редко к кому так привязывался Тимофей Александрович, усердно стараясь скрыть за угрюмостью свои симпатии.

Когда Веня в запале сорвался с лесов новой шахтной сушилки на бетонный пол, Иванов первый прилетел на своем «газике», не разбирая ни правил движения, ни дорог, прицепив на хвост разгневанного автоинспектора. А когда убедился, что цел его строитель, жив «распылитель» колхозной кассы, заулыбался: «Не задолит, заживет до свадьбы».

Женитьба еще крепче привязала Советова к земле. Как никак, а в жены взял дочку Кадыкова. Тут уж о родовой чести разговор можно вести.

Иванов тогда сам вызвался везти молодых в загс. Торжества были назначены на вечер, а с утра отправился председатель в Череповец, решил к выходу на пенсию обновить в избе мебель. Прорвало его скупость: целый грузовик сверкающей полировкой мебели накупил. Но опоздал. Глянул на часы: время выходит. И всю дорогу погонял шофера, да так, что привез домой битые и колотые шкафы и серванты. Однако к росписи успел-таки.

...В колхозе имени Калинина, куда рекомендовали Советова председателем, за последние годы сменилось несколько руководителей. Последним был Виктор Александрович Маслаков. Человек мягкий, застенчивый.

«Слова поперек не скажет», — хвалили его колхозники. И эта мягкотелость председателя обернулась прямым попустительством нездоровым явлениям. Колхоз все больше превращался в иждивенца на государственной шее.

Но когда попросили колхозников освободить Маслакова — уперлись. Да и слишком молодым показался им

новый кандидат. Немало времени пришлось потратить представителю района, чтобы доказать людям, что дальше так продолжаться не может, что пора колхозу жить на свои средства и что государство не может беспредельно субсидировать хозяйство. И что новый их руководитель хотя и молод, но с большим опытом. Работал председателем сельсовета, секретарем парткома крупнейшего и передового колхоза, член бюро райкома партии, ученик известного всем Иванова.

... Была первая весна председателя Венямина Советова. Я приехал тогда в колхоз и отправился из Юрочкина, центральной усадьбы, пешком по бригадам. Весна была уже в полном разгаре и цветении, дорога покрылась пылью и бесконечно снующие машины поднимали над ней нетающую завесу.

Неожиданно из этой завесы вылетел «Москвич» и резко затормозил. Я не сразу узнал Советова. На нем лежал слой пыли, лицо почернело, осунулось, видимо, недосыпал. Но глаза лихорадочно блестели.

— Черт знает что! — с ходу включился Советов. — Завозим удобрения, строим склады, земля ждет подкормки, а сеют без удобрения — «так скорее». А как рассчитывать на урожай? Получается, что «мое» — только за своим огородом.

И он принялся, энергично размахивая руками, рассказывать, какую перестройку они начали в хозяйстве. Что придется воевать крепко, чтобы вытравить из сознания людей эту гниль.

...Ночью по всей округе гудели тракторы. Старые колхозники выходили на улицу, слушали эту сладостную крестьянскому сердцу музыку: «Давно так не работали, молодцы!»

Впервые за многие годы на весеннем севе была организована двухсменка. И еще многое в этом хозяйстве будет впервые. И будет убран весь лен, на который выйдут прежде всего коммунисты и комсомольцы во главе с председателем, и будет в достатке на зиму кормов, и отпетый лодырь впервые пойдет на рекорд...

Я часто приезжаю в этот колхоз и встречаюсь с Советовым. Он не растерял ни горячности своей, ни рабочего азарта, хотя уже на многие вещи смотрит по-новому. Пришел к мысли, что голым администрированием — выговорами да приказами, ужесточением контроля дело с места не стронуть. Поэтому и внедряет бригадный подряд как

в растениеводстве, так и в животноводстве, благодаря чему и дисциплина труда поднялась и результаты выросли.

В колхозе много новостроек, а новостройка — это прежде всего символ будущего, уверенности в завтрашнем дне. Строятся жилье, дороги, производственные объекты.

— Теперь к любой ферме хоть на «Жигулях» подъезжай, — не без гордости говорит Советов. Многое он успел сделать за эти годы, много трудов и забот вложено в калининские земли, а все же «Шексна» не забывается, тянет домой. За всеми делами в колхозе следит ревностно. Что ж, все правильно — родина.

Я часто думаю о Советове, о других молодых руководителях хозяйств, которых в районе большинство. О Петре Федоровиче Коркине — председателе «Шексны», о Борисе Николаевиче Буслаеве — председателе «Зари», о Вениамине Павловиче Логинове — председателе лучшего в районе колхоза имени Кирова...

Что это за люди, удержавшиеся на земле в самое трудное для сельского хозяйства время, когда покидала его молодежь, люди, вросшие в землю, для которых заботы о земле стали делом всей их жизни? Откуда черпают они силы, рабочий азарт в нелегких трудах?

Непросто сравнивать заботы сегодняшнего земледельца с заботами предшественников. С одной стороны — усиленное внимание государства к нуждам села, помощь средствами, техникой, стройматериалами, а с другой — сложное производство, множество неразрешенных проблем, накопившихся за годы и годы.

Сегодня говорят — руководитель нового типа. Что же это такое — новый тип? Мне представляется он человеком, сумевшим вобрать в себя все то хорошее, чем обладали его предшественники, — энтузиазм и веру, способность к самопожертвованию, гражданскую смелость, крестьянскую расчетливость, преданность земле, помноженные на ее понимание, знание производства и людей, происходящих явлений и неумную жажду преобразований.

Кто знает, может быть, по прошествии лет их имена и дела займут в народной памяти свое место среди прежних руководителей, ставших людьми легендарными...

Свойство человеческой памяти — долго хранить хорошее. И нужно сделать так, чтобы память эта стала теми краеугольными камнями, на которых ставят будущий, на века замысленный дом.

ЗАВЕЩАНИЕ

I

Умер старик в одночасье. Пошел на двор сколотить стайку для ягнят да здесь и ткнулся в кипу прошлогодней соломы, неловко подломив руку, захрипел. Кося на старика глазом, вздергивая ширококорогой головой, коротко и утробно замычала любимица Кузьмича Незабудка, вторя ей отозвалась Зорька, за нею Звездочка. Овцы забились в испуге по углам...

Но некому было помочь старику. Месяц назад схоронил Кузьмич свою Катерину, с которой век свековал, добра всякого нажил, да вот детей не завел. Обидел их бог детьми. И как был старик в ветхой фуфайке для двора, валенках с налипшими на калоши соломой и навозом, так и отошел в мир иной.

Вечером пришли за молоком соседи и отыскиали на дворе Кузьмича. Уже холодного.

Ночью свет в доме не гас. Кузьмич, вытянувшийся во весь рост, построжавший и просветлевший лицом, упокоив на груди скрученные трудами руки, лежал на столе. Сидели в изголовье старика степенные старушки, вели обычные в этих случаях разговоры: о дороговизне похорон и пьяницах-копателях, вспоминали первые колхозы и послевоенную стужу и нужу. Перебирали добродетели Кузьмича: «Было пороблено, уж минуты не усидит». Поминали его Катерину: «Недолго ей пришлось ждать своего Мишеньку». А то переключались на бранные свои заботы: о прохудившихся крышах, обидах на правление, очередях в магазинах и видах на картошку...

От долгого ночного сидения у старух временами рябило в глазах, и казалось им, что Кузьмич вслушивается в их бессвязные речи, сохраняя молчаливое достоинство, словно он один знает какую-то никому другому неведомую тайну.

Деревня, окутанная полумраком майской ночи, давно уже видела седьмые сны. Лишь в дальнем краю побрехивали собаки, выражая недовольство запоздалому гуляке, пытавшемуся настроить свой нетрезвый голос на частушечный лад. И всякий раз, как только залихватское «и-и-эх!» прорезало деревенскую тишину, старушки вздрагивали и осуждающе крестились.

А пел частушки сосед Кузьмича Иван Глинин, прозы-

ваемый в деревне Глиняным, что возвращался в эту темную пору домой на «кривых» ногах.

Он останавливался среди улицы, задорно притопывал ногой, но его закидывало в сторону, словно петуха с подбитым в драке крылом. Иван выравнивал стойку, вызывающе поглядывал на темные окна и снова дрыгал ногами:

— А ни коровы, ни козы! — выкрикивал он бахва-листо. — А не коси, не майся...

С этой припевкой он добрался наконец до дому, пнул болтавшийся на одной петле отводок:

— А только с милой на печи лежи да обнимайся!

Тут Ивановы ноги окончательно подломились, и он боком завалился под окно своего дома, под которым сочно занимались побеги молодой крапивы. Но он уже не слышал ее ожогов. Спал. Спала в ту ночь и Иванова совесть сном младенца, безгрешного перед родной деревенькой, наполовину уже раздавленной наступающими новостройками райцентра, перед полями, вспаханнами, но еще не засеянными и пересыхающими под ветрами, перед зазеленевшими лугами с черными шрамами гусеничных и колесных ран, перед всем этим старым миром...

И только холодные звезды колюче шурились в бездне, словно спрашивали Ивана Глинина:

— И что же это ты так нажрался-то, человек?

Но если бы мог, то ответил бы Иван, что повод у него самый что ни на есть законный. Что сегодня ему посулили в конторе новую благоустроенную квартиру. И разве он не завоевал ее вот этими мозолистыми руками? И разве не его исполнительность и покладистость отмечал нынешней зимой новый председатель? «Да с такими людьми, как Иван Глинин, — говорил пред, — мы и Луну перепашем». А что? И перепашут! Иван свое дело знает. Пьет? Только по поводу. На законном, так сказать, основании. И сам председатель говорил: «С кем не бывает...»

— Имею право! — пьяно выкрикивал Иван во сне.

Старушонки в доме Кузьмича вздрагивали и истово крестились.

А кругом бурлила, клокотала, трепетала нарождающаяся новая жизнь. Шумно бились в заводах опьяненные талой водой шуки, выметывая набухшую икру на прошлогодние травы, под гулкими сводами лесов сшибались краснобровые глухари, и первые певчие птицы в опушившихся нежной листвою кущах пробовали голоса, приветствуя близкое солнце...

...Серая огромная жаба тяжело выковыляла из росной травы, подумала, прислушиваясь, и грузно прыгнула на широкую Иванову грудь. Здесь было тепло, жаба согрелась, привстала на передних вязких лапах и, раздувая зоб, взбредотала.

И тут Иван проснулся, шаркнул по груди, поймав в кулак что-то живое, но холодное. Он сел и долго соображал, разглядывая дергающуюся пучеглазую жабу. Наконец рефлексы его сработали и перепуганная жаба полетела обратно в траву.

Солнце уже выкатило из-за речной поймы, озаряя мир серебристым искрящимся светом. Однако в доме Кузьмича все еще горели окна. Иван, чувствуя здесь какое-то несоответствие, напряг мозговые извилины, и вскоре в их недрах родилась маленькая, не ясная еще до конца, но надежда.

— Ишь, куркуль,— думал про себя Иван.— Все-то до света встанет. Все-то ему мало, все-то он под себя гребет, все суетится. А всяко у него, у куркуля, и бутылка в ларе есть. Да не одна. У него не дом, а чаша.

Он представил, как в ларе Кузьмича матово блестят запотелые горлышки, и больше уже ни о чем думать не мог.

Иван подошел к огороду Кузьмича, выставленному из гладко ошкуренных и опиленных под плавную волну частоколин, покрытых для долговечности олифой, навалился на него, оглядывая соседский двор. Сахарно белели в утреннем свете плотно подогнанные мостики, сработанные под рубанок, на задворках крепостной стеной, закрывающей двор от ветра, тянулась длинная и высокая поленица, выложенная хитрым цветастым узором: ольховые поленья — красноватые, шли по окантовке, осиновые — синеватые, чередуясь с белыми березовыми, тянули продольные полосы, образуя в центре два ромба. Нерушимым казался и сам просторный дом под шиферной крышей, с пристроенной верандой, крашенной цветными эмалями, с пестрыми занавесями на окнах, отчего казалось, что здесь никогда не кончается праздник.

В саду уже завязывали снеговую кипень белоногие яблони, за ними сыто и сочно блестели влагой черные, словно через решето просеянные гряды.

Во дворе с широким деревянным взвозом на сеник коротко взблеивали овцы, слышно было дыхание коров, жующих жвачку, но самого хозяина не было. Обычно в

это время Кузьмич давно уже ходил по двору, негромко постукивая, прибирая, определяя каждому гвоздю и каждой щепке свое место. До того как гнать скотину на пастбище, он успевал переделать кучу маленьких незаметных дел, создающих основу большому и нерушимому порядку.

Иван ждал. Надежда опохмелиться, родившаяся в его голове, уже обретала реальный план.

— Даст,— тешил себя мыслью Иван.— Как не дать? Все равно придет скоро договариваться продать ему усадьбу под косьбу. Трех-то коров надо прокормить. Так и скажу: или-или.

Но что «или-или», он додумать не успел. В том краю деревни раздался мотоциклетный треск, и уже через минуту на пригорке у дома чихнул и захлебнулся мотор.

— Иван! Слышь-ка. Там тебя председатель с инженером в мастерских дожидаются. Срочно! — бригадир тракторной бригады Колюшка Беляков, недавний выпускник сельхозтехникума, насмешливо шурился. Он с вечера знал об Ивановом загуле. В его тракторной бригаде гуляли многие механизаторы вместо того чтобы пахать и сеять. Сначала майские праздники отмечали, потом опохмелялись, затем День Победы подкатил, промелькнул, а разгулявшиеся пахари и сеятели все никак не могли опомниться.

Наконец, подоспело решение райсовета, запрещающее торговать спиртным в страдную пору. Но магазин не был единственным источником горькой, о чем свидетельствовала и вчерашняя попойка.

Председатель же уехал на весну учиться в Ленинград, инженер, оставшийся его замещать, похоже не очень-то стремился «молотить» за себя и председателя. У него, видимо, был свой расчет, своя политика, в которой Колюшка пока мало смыслил. Сам же он остановить трактористов не мог. Должность должностью, а как был он Колюшкой Петиным для своих однодеревенцев, так Колюшкой и остался. Не зря, видимо, наказывал ему батька: «Кончишь заведение, просись в другой колхоз. Там сразу Николаем Петровичем будешь». И, намаявшись в эту весну, уже подумывал молодой бригадир «смазать пятки».

Председатель вернулся два дня назад. Николай рассчитывал, что с его прибытием оскорбленное начальственное достоинство бригадира будет отомщено, распоясавшимся трактористам воздастся по заслугам. Иначе чем можно

было объяснить столь ранний звонок председателя и сбор в мастерской?

— Ну, что? Долго ждать-то? — торопил Колька Ивана. — Там уже все в сборе.

Иван затравленно озирался. Кузьмича все-то не было, а Колька нетерпеливо рывкал газом.

— А пропади оно все пропадом, — заругался Иван. Ему страстно хотелось запустить чем-нибудь в эту ехидную Колькину рожу, убежать, запереться где-нибудь на дворе, отсидеться, прикинуться больным — что угодно, только бы он исчез с глаз долой. А уж потом можно было подкараулить Кузьмича, обработать его соответственно и получить законную (он уже считал ее своей, законной) белоголовую.

Но момент был самый неподходящий. Он вспомнил и слова председателя об исполнительности его, о квартире, о таких людях, как Иван, способных даже Луну распахать...

Подавляя рвущиеся из души вопли, Иван пристроился сзади Кольки. Через мгновение сизый чад зыбко пластался над зеленеющим пригорком, да сонная старушонка, Кузьмичева сиделка, проводив глазами Ивана, сокрушенно вздохнула у окна:

— Господи, прости непутевого...

II

Андрей Петрович рвал и метал. Голос его то взлетал соколом, наливаясь страстным негодованием, то низвергался с высот праведного гнева до трагически звенящего шепота, то становился по-прокурорски отчужденно-спокойным и жестким, то вновь орлил в поднебесьи.

Двери из огороженного деревоплитой закутка заведующего мастерскими были распахнуты, и смурные с утра механизаторы, раскуривавшие в красном уголке, могли исподволь подготовить себя к моральной экзекуции.

Слышно было как что-то басил, огрызаясь, инженер, но тут же победно клекотал председательский баритон:

— Нет безвыходных ситуаций, как нет и плохих кадров! Есть одно: плохие руководители!

Трактористы многозначительно переглядывались...

Да, у бывшего первого секретаря райкома комсомола, а ныне председателя колхоза Андрея Петровича Мелкова были, так сказать, основания для метания громов и молний. За две декады мая засеяна была лишь половина

плановых площадей. Вообще-то, как считал сам Мелков, положение было еще терпимым. Дней в десять можно было спокойно «добить» остатки и осенью взять обычные тринадцать-пятнадцать центнеров. Но вечером Андрею Петровичу доверительно сообщили о решительном настроении «самого». Район попал под критику с большой трибуны, поэтому первый рвал и метал, грозил оргвыводами, требовал строжайшего наказания виновных в затягивании сроков посевных работ, а в ближайшие дни для разбирательства в отстающие хозяйства должны были выехать комиссии.

Мелков по опыту знал, что такое попасть первому под горячую руку. Он и так считал себя незаслуженно обиженным: с поста первого секретаря райкома комсомола — и в председатели! Его коллеги по комсомолу сразу шагали на должности куда более высокие и престижные. А тут колхоз! Бесконечная череда посевных, уборочных, ремонтных кампаний, вечные нехватки, доставания и выбивания, нервотрепка и дерганья, критика на всех уровнях...

Правда, ему многозначительно намекали, что назначение это временное. Вот пообкатают его на хозяйственной работе годика два-три, а там дорога наверх будет открыта. И, конечно, было бы совсем глупо попасть в такой переплет, когда рука «самого» направо и налево щедро раздает «награды».

Нужно было срочно искать выход. Андрей Петрович заказал жене кофе, закрылся в своей комнате-кабинете и, остро очинив карандаш, принялся набрасывать на бумаге план действий.

Во-первых, надо было очень солидно обосновать отставание. Ссылаться на погоду и партнеров не имело никакого смысла. Погода, она везде одинакова. Нужен конкретный виновник здесь, на месте, свой. Это должно означать, что в его отсутствие заместитель председателя допустил nepозволительную инертность, пассивность, обрек дело на самотек, тем самым перенес свои настроения в среду механизаторов. Не обеспечил четкого выполнения плана посевных работ и бригадир тракторной бригады товарищ Беляков.

— Здесь,— сделал для себя пометку Андрей Петрович,— необходимо развить мысль о роли руководителя в новых условиях. Далее, вокруг этого факта нужно сформировать общественное мнение, провести летучие собрания с колхозниками, заседание партбюро, пошевелить сельский Совет.

— Но прежде всего,— карандаш председателя вдохновенно вычерчивал логические сцепления,— необходим упреждающий ход. То есть завтра в девять ноль-ноль я выхожу на связь с райкомом и докладываю всю суровую правду и причины, приведшие к такому положению. И тут же детально развиваю план действий по выводу колхоза из прорыва

— Да, не забыть,— отметил Андрей Петрович,— подключить к этому райгазету. Подобрать «маяка» и запустить его с обязательством на первую страницу.

Затем стремительным напором я сдвигаю посевную с мертвой точки и в два-три дня заканчиваю с посевными работами...

...Ранним утром на квартирах специалистов раздавались телефонные звонки. Мелков начинал действовать...

Как правильно догадались механизаторы, гроза обошла их стороной. «Молнии» били по высокостоящим деревьям.

Председатель, все еще возбужденный, но уже сгоняющий с лица суровость, стремительной походкой вышел в прокуренный зал. С минуту, заложив руки за спину, пружинисто поднимаясь на носки, строго оглядывал механизаторов, и вдруг, резко выкинув из-за спины руку, ударил ладонью по столу:

— Все, мужики! Баста! Судить и рядить будем после. Есть шанс искупить вину трудовым героизмом. Ставлю задачу: закончить посевную в два дня.

Мужики загудели.

— Вопросы? — перекрывая шум, раскатил голос председатель.— Нет вопросов? По машинам! — Выцелив глазом помятую фигуру Ивана, уже метнувшегося к дверям, выкрикнул:

— Глинина попросу остаться.

III

В добром настроении творила природа здешние края. Наделила и лесами лиственными, и борами беломошными, лугами заливными с травами буйными, и почвами, на подъем легкими, на заботу отзывчивыми.

Когда-то давно ростовский люд, торивший дороги на Север, открывший для себя столь благословенные земли, осел здесь прочно, пустил корни, богател, сплавляя по рекам зерно и лен, меда и пушнину, промысля белугу и

стерлядь, несть числа которым было в зеркальных речных водах...

На заливных лугах тучнела скотина, а в подойниках плескалось не молоко — сам аромат июльского разнотравья.

— Чудо! — лежа на жесткой госпитальной койке в студеном блокадном Ленинграде, балансируя между жизнью и смертью, умирая не от ран, а от голода, Михаил Кузьмич явственно слышал этот дивный аромат. Порою реальность и видения путались, и он оказывался не в бывшем школьном классе с глухо занавешенными окнами, с коптившей снарядной гильзой в дальнем углу, а в копне недавно скошенного, замирающего под солнцем разнотравья. Высоко в голубом небе парили птицы, приглушенно мычали коровы в пойме реки, а от деревни наносило дурманящий запах испеченных хлебов.

Он явственно слышал легкое шуршание шагов по валкам еще не огребенного сена и видел свою Катерину, плывущую в истомившемся полудне к нему. На вышитом ружнике Катя бережно несла кринку молока и краюху свежее испеченного, ее дышащего жаром ржаного хлеба.

— Миша! — окликала она ласково, и он вздрагивал, и вновь вставали перед глазами ряды госпитальных коек, дымный сумрак палаты и изнуряющий, грызущий тело и душу голод.

— Господи! Если ты есть, господи, — шелестел он коростами губ, — помоги подняться, помоги одолеть испытания. Буду верен по гроб жизни созданным тобою земле и хлебу, что рождает она. Век буду трудиться на ней, не разгибаясь, буду беречь и лелеять ее...

Но не господь бог поднял его на ноги. А тот самый хлебушко, что пробился в обозах через ледовую Ладогу. Ржаной хлеб Вологодчины.

А вот сдержал ли он свою клятву? Кто скажет?.. По крайней мере это стремление всю жизнь не покидало Кузьмича. И силы были отданы ее исполнению все безраздельно.

Старики помнят, к чему вернулся в сорок шестом меченный осколками Кузьмич, как принимал под свою руку лежащий в ростяг колхознишко, как впрягся в жесткий председательский «хомут» да и потащил до соленой коросты на выцветшей гимнастерке, до пены кровавой на губах.

Да, это был тот самый край, за которым открывалась жуткая, невообразимая не только для его деревни, кол-

хоза, но и для всей голодной и разрушенной страны пропасть.

На скотных дворах, подвязанные к балкам пожарными рукавами висели не коровы, а изъеденные крысами скелеты. Молила о помощи, словно тот блокадный солдат, истощенная за многие годы колхозных нехваток земля. А едва подняла она первый послевоенный колос, как ударила в здешних краях небывалая засуха, побежали по полям страшные трещины, и казалось, не только небо, но и сама преисподняя дышит смертельным жаром.

Кузьмич метался по домам, поднимая до свету измученных, голодных людей, стариков и ребятшек. В бочках, бидонах, лоханях возили на поля воду с реки, делая, казалось бы, вовсе бесполезное дело. А осенью, едва убрав скудный урожай, вплоть до семян сданный государству, собирал он колхозный люд на вывозку органики. Выгребали на дворах до последней навозины, не оставили ни одной выгребной ямы, вскрыли на болоте торфяник... Мало-помалу выправляли землю.

А по одну осень ударили обложные дожди. Эмтээсовские комбайны встали памятниками на кромках полей, на которых плескались настоящие озера. Выжали все вручную. Серпами, косами.

Кузьмич в ту осень походил на тень: с ввалившимися глазами, заросший уже седой щетиной, сжигал в ночных раздумьях по пачке сельповского «Севера».

Но судьбы колхоза вершились не в его прокуренной горенке, не на шумном колхозном собрании. Уже билось о пороги крестьянских изб рукотворное море, уже скрылись под водами знаменитые густотравные припойменные луга, и все чаще не принимала земля летних ливней, подергивалась островками зеленого жесткого мха. Воды грунтовые, поднятые морем, соединились с водами верховыми, и болото дальше и дальше продвигало свои метастазы.

Уже врубались в беломошные боры мелиораторы, чтобы компенсировать колхозникам затопленные луга бледными подзолами, уже накатывались волна за волной реорганизации.

Уже не председатель, а бригадир укрупненного раскинувшегося на десятки верст колхоза, Михаил Кузьмич почувствовал, как все больше и больше отрываются люди от земли, как короста равнодушия захватывает их крестьянские сердца.

И чем больше нарастало это равнодушие, тем неистовее становился он. Сутками не слезал с лошади, гоняя по

фермам, полям, сенокосам, надрывая голос, пытаюсь удержать в своих руках все эти связи, приказом и строгостью, уговорами и просьбами вернуть человеку радение к земле.

Но вламывались в деревню все новые, скороспешные кампании преобразований, новых веяний, новых культур. И на очередном крутом повороте вышибло из седла неистового, строптивного бригадира.

Из бригадирского седла перекочевал Кузьмич в молоковозную телегу. Стих, опечалился, померк командирский блеск в глазах. Сидел молчаливо на грядке телеги, покачивая головой в такт мерному переступу лошади, а встретив кого, виновато прятал взор. И кто знает, какие бури кипели в его душе? Лишь однажды не выдержал Кузьмич, вздыбился яростью.

Как-то по осени проезжал он мимо клеверного поля: прошлой его бригадирской гордости. За семена этого клевера колхоз большие деньги получал, продавая их соседним хозяйствам. А что могло быть лучше клеверного сена, с которого и молоко прибавлялось, и телята будто бы на дрожжах росли. Как зеницу ока берег Кузьмич эти клевера.

И тут (сразу-то и не понял Кузьмич, что происходит) увидел он на клеверище трактор, ровно тянущий по полю борозду. Одну, вторую, третью...

— Пашет, стервец, пашет! Молодое клеверище! — горячая волна ударила Кузьмичу в голову. Выхватил он из-за голенища кнут и в страшной ярости запрыгал по бороздам:

— Сто-о-о-ой!

Трактор остановился, и из кабины выскочил улыбающийся Ванюшка Глинин, но, увидев перекошенное гневом лицо Кузьмича, виновато оглянулся.

— Что же это ты, паршивец, делаешь? Клевера губишь! — Кнут взвился и больно ожег Иванову задницу. — Я те покажу, прохвост ты этакий! — И снова засвистел кнут.

Иван, озираясь, приседая на длинных ногах, бросился бежать. И только отбежав на безопасное расстояние, вспомнив, что пашет он не по своей воле, а по приказу, что в кабине его трактора висит вымпел за ударную работу, остановился и издали обиженно заричал:

— С ума сошел, что ли? Чего раскомандовался? Нету

гут теперь твоей власти! Понял? — уже наступая на Кузьмича, орал Иван.

Краска постепенно сходила с лица старого бригадира. Понурился, он повернулся и тихо пошел к телеге. Мерин послушно тронулся, и Иван еще долго смотрел в сутуленную спину старика. В какое-то время ему стало жалко Кузьмича.

IV

...Поле было то самое, памятное, по которому когда-то гулял Кузьмич Ивана. Он вспомнил об этом без всяких чувств, но немного погодя пришло раздражение:

— Ломишь, ломишь, ни тебе покою, ни отдыху,— ворчал он себе под нос.— Давай, Иван, давай! Все Иван. А как Ивану, так... Нет, я с него, куркуля, все одно слуплю. Или — или. Скажу: две поллитры, и точка. Куда денется с этакой-то оравой! Кормить надо. Я тебе — сенокос, а ты, будь добр, выставляй. Я не посмотрю, что ты мне дядькой приходишься. Я от тебя за всю жизнь гроша ломаного не видел. У тебя, скажу, тыщи нажиты, а я гол как сокол. Выставляй, выставляй. У тебя, у куркуля, все сторицей окупится. Не наше дело...

Иван с раздражением смотрел на поле, которое предстояло ему засеять. Пласты желтой, вывернутой плугами глины, засохшие и едва разбитые бородами, камни, словно специально разбросанные, огрехи то тут то там ершились колючей стерней.

— Наковыряли, пропади оно пропадом,— выругался Иван, прикидывая, сколько же времени придется потратить, чтобы засеять это поле.

Председатель, оставивший Ивана в мастерской после «разгона», убедительно просил приналечь. Голос его был доверителен и ласков.

— На тебя, Иван, вся наша надежда. Ты должен задать темп, чтобы на тебя равнялись. Надо минимум в два дня закончить работы на полежаевском участке. Понимаешь: в два дня. Одному.

И хотя Иван все еще плохо соображал после вчерашнего, но недоуменно уставился на председателя опухшими кроличьими глазами:

— Да ведь там, Андрей Петрович...— просипел он удивленно.

Но председатель не дал ему договорить:

— Все знаю, Иван. Все понимаю. Площадь большая. Но надо. Любой ценой надо.

И, повеселев, хлопнул Ивана по плечу:

— Родина тебя не забудет. Помни и ты...

Понять намеки председателя было нетрудно.

...Городские шефы — сеяльщики уже затарили сеялку зерном. Иван пошевелил ногой сцепку борон, ругаясь полез в кабину.

Взревел недовольно трактор, посевной агрегат запрыгал по полю.

Иван включил четвертую скорость, немного погодя перешел на пятую. Трактор забило, затрясло, словно он шел по стиральной доске. Оглянулся. Шефы торопливо натягивали респираторы. Сбивая тошноту, Иван отхлебнул из термоса холодяночки и врубил уже шестую. Трактор лихорадочно затрясся, замелькали кусты по обочине поля, шлейф густой пыли поднялся над полем, потянул на полузаброшенную деревеньку, что шербатилась недалеко пустырями.

На повороте Иван увидел, как сеяльщики отчаянно машут ему руками. Остановился.

— Ты чего, Иван, делаешь-то? — подбежали они к кабине. — Сеялка-то земли не хватает. По три зерна на метр не попадает.

— Ну, а вам чего? — хмуро оборвал их Иван. — Ваше дело пятое. Отбыли свой срок и в город... Все равно здесь и так ничего не росло и не вырастет, — прибавил он и захолопнул кабину.

Трактор козлом прыгнул с места...

...Солнце каленым оком равнодушно взирало на мир с высоты своего положения. Где-то там внизу шла бесконечная, ни на миг не прекращающаяся работа, и каждая самая что ни на есть ничтожная пылинка, словно в огромном, не имеющем ни начала ни конца, но хорошо отлаженном механизме, двигалась и перемещалась в заданном направлении, творя новый и в то же время неизменный мир. И ничто не могло безнаказанно ослушаться этой заданной воли мироздания, как был неизменен ход самого солнца из года в год, из века в век...

V

День для Николая Ивановича, редактора районной газеты, начинался с обычной суеты. Из райкома поступили материалы вчерашних заседаний с визой первого

«срочно в номер». И уже почти готовую полосу пришлось переверстывать.

Лишь часам к одиннадцати полоса снова «вырисовалась», но оказалось, что материала не хватает. Сотрудники были посажены на телефоны «выбивать» вести с ферм и информацию о посевной.

Первым принес заметку потерявший в газетных баталиях некогда огненную шевелюру корреспондент сельхозотдела, «зубр» газетного дела, в прошлом бессменный зам, а ныне пенсионер Анимпадист Иванович Чернов. Это было интервью с председателем колхоза «Восход» Мелковым, повествующие о трудной ситуации, сложившейся в хозяйстве, и о тех мерах, которые предприняты для ее преодоления. Главное место отводилось восторженному описанию трудового энтузиазма сеяльщика Глиннина, призвавшего механизаторов выдавать на гора по две нормы.

Подоспели заметки и других сотрудников. Редактор повеселел, переправил в материалах доярок на мастеров машинного доения, а трактористов на механизаторов широкого профиля и отправил текст в набор.

Можно было поболтать с «зубром» о предстоящей субботней рыбалке. Однако деликатный стук прервал их приятную беседу. В кабинет вошел пенсионер Иван Васильевич Федоров, когда-то работавший ветврачом в «Восходе», известный в районе большой начитанностью и занятиями фенологией.

Редактор, завидя старика, смутился было, но преодолел себя и с деловитой озабоченностью полез в ящик стола, где на самом дне давно уже лежали федоровские тетради с экологическими наблюдениями и философскими размышлениями. Материал был интересный, но не настолько безобидный, чтобы его можно было опубликовать, не опасаясь осложнений. Во-первых, там были факты, изобличающие губительное воздействие промышленных предприятий на природу; во-вторых, речь шла о браконьерстве и сам взгляд на него был вызывающе дерзок. Федоров доказывал, что запретительные меры в рыболовстве для человека, живущего на берегу, влекут за собой не восстановление природы, а наоборот, ее разрушение, поскольку человек из хозяина превращается в вора в своем родном доме.

Нужно было найти подходящую формулировку, чтобы с достоинством отказать старику в публикации, однако формулировка как-то не приходила в голову.

Но Федоров ни словом не обмолвился о своих тетрадах.

— Я по поводу некролога,— он вынул аккуратно сложенный тетрадный листок, положил его на стол Николая Ивановича.

— Что такое? — сделал тревожное лицо редактор. Через его плечо завис над столом и встревоженный Чернов.

— Ушел из жизни человек, беззаветно преданный земле,— читали они торопливо,— человек, видевший в этом служении единственный смысл и источник существования, героический защитник Родины, неистовый бригадир послевоенных лет, крестьянин Михаил Кузьмич Глинин.

Дочитав до фамилии, редактор, томимый было тревожными предчувствиями, перевел дух. Некоторое время он сидел ошарашенно — такими эпитетами не провожают в последний путь простых смертных — постукивал пальцами по столу. Сзади недоуменно хмыкал Чернов.

— Я, конечно, понимаю ваши чувства, Иван Васильевич. И разделяю вашу скорбь,— проговорил, наконец, редактор.— Но прошу и меня понять. Мы официальный орган, нас могут неправильно понять.

— Простите, почему? — искренне удивился старик. Глаза его заблестели. Но не от слез.— Мы провожаем в последний путь крестьянина, который всем нам подавал пример человеческого отношения к своему долгу...

— Э-э, нет! — редактор знал, что ответить Федорову на этот раз.— Давайте-ка мы не будем смешивать понятия. Я признаю, что Глинин в свое время немало потрудился на пользу колхоза. Но далее-то последовало перерождение. Он превратился в куркуля. Я бы сказал, что ему были присущи даже кулацкие замашки. Мы не должны мириться с подобными проявлениями, иначе они сведут на нет наши завоевания...

— Какие проявления? Поясните,— в глазах Федорова все более и более разгорался боевой огонь.

— А три коровы? Это разве не кулачество? Да он половину поселка молоком снабжал! Вы подсчитайте-ка, сколько он денег из народа выкачал. Да дай ему волю...

— Волю он взял сам, как вышел на пенсию,— прервал редактора тихий Федоров.— Ни в одном законе этого не запрещено. Но я вам должен сказать другое. Разве ради личной наживы он этих коров держал? У него и наследников-то нет, а самому много ли надо? А вот весь строй его мировоззрения не позволял ему жить по-другому.

Читали Глеба Успенского? Так вот в Глидине и была как раз та самая власть земли, которая диктовала ему, как жить. Он-то и есть тот самый тип крестьянина, который не бросит пустующую землю, не сможет работать «абы как», потому что для него главная власть — это власть земли.

— Я хорошо помню, как страдал он, когда его отстранили от дел,— Федоров от волнения задышался,— когда началось волюнтаристское экспериментирование с сельским хозяйством. А к чему мы тогда пришли, посрамив стариков с их крестьянской мудростью? Да вы сами хорошо знаете. К иллюзии движения. Какой ценой дается нам каждый центнер прибавки в урожаях? Земля уже перестала отвечать на минеральные удобрения, наоборот, она снижает урожайность...

— Да что там говорить...— он огорченно махнул рукой.

— И что же вы предлагаете?— сурово спросил редактор.

— Предлагал не я. Глинин предлагал. Всей своей жизнью. Он на примере своих соток показал всем нам, что может давать земля. Три его коровы работали за целую колхозную ферму. При минимуме затрат. Только свой труд.

— Не скажите,— вставил свое слово Чернов.— У нас есть доподлинные сведения, что он пользовался наемной силой. Ставил своим клиентам условие: «Хотите брать молоко, пусть летом ваши ребяташки отработают на сенокосе по три дня». А это уже чревато эксплуатацией,— голос Чернова налился обличительной силой,— детского труда!

— Да бросьте вы,— устало отозвался Федоров.— Какая там эксплуатация? Разве вы не видите, что юное поколение давно уже исповедует потребительство? Что тут зазорного, если шестнадцатилетний парень отработает себе кружку молока? Да и молоко-то этим семьям старик продавал со скидкой...

— Это не важно. Глинин прежде всего — частное лицо. И действовал в целях личного обогащения.

— Но разве личное обогащение, если оно трудовое, не есть обогащение всего общества? Это разве не стимул для развития инициативы других? Да вы посмотрите, сколько у нас бездельников развелось. Это при наших-то нехватках! В этом случае свободное время не есть путь к гармоническому развитию личности, а путь к безнравственности, бездуховности. Я думаю, примеров достаточно.

— Конечно, здесь есть еще много наших недоработок,— нехотя согласился редактор,— но мы создаем культурно-спортивный комплекс в поселке. Кстати, он должен был располагаться как раз на том месте, где проживал Глинин. Место там красивое, удобное. Но старик упирался, ему предлагали благоустроенную квартиру— не поехал, хотя рано или поздно дом его должны снести. Там летняя танцплощадка планируется.

Федоров недоуменно затих. Тогда редактор, ободренный кажущейся победой в споре, решительно повел его к завершению:

— Это не наш путь, уважаемый Иван Васильевич. На основе индустриализации, интеграции мы добьемся высокой производительности труда и решим все проблемы, которые возникают у нас порой.

— Нет,— спокойно ответил ему Федоров.— Вы — не решите. Вы даже плохо понимаете то, о чем говорите. Простите за резкость, но вы недоучка, рядящийся в социалистическую фразеологию. Вы знаете, что, к примеру, говорил о сельском хозяйстве Маркс? «Единственное, что удерживает человека на земле,— это стремление быть хозяином». Если мы уьем это стремление, если мы разделим сельский труд на операции, если мы разграничим функции исполнительские и руководящие, то ничто не удержит людей на земле. Ничто! Поскольку в деревне невозможно построить завод, способный конкурировать с заводом в городе. Потому что в деревне производство биологическое, там не поставишь штамп ОТК на промежуточных операциях. Вот где корни-то проблем. А вы же говорите всего лишь о следствиях...

Редактор, силившийся сказать что-то в ответ, был прерван телефонным звонком. Он снял трубку, и раздражение на его лице быстро сменилось радостно-угодливым выражением. Его вызывали на совещание.

VI

...Утром следующего дня на самое дальнее полежаевское поле приехал председатель. Долго жал Ивану руку, а под конец вручил газету с интервью, в котором рассказывалось о трудовом подвиге механизатора широкого профиля Ивана Глинина.

Иван равнодушно пробежал глазами хвалебные строчки, перелистал страницы газеты и, не найдя там ничего интересного, полез в кабину «добывать» поле.

А поздним вечером опустошенный, с кружащейся голо-

вой, дрожащими от напряжения ногами, поставил Иван свой трактор в мастерской. Пахло черемухой, терпкой листвой тополей, посаженных когда-то очень давно вдоль деревенской улицы. За рекой, словно огромное, играющее углями кострище, догорал закат, а под сводами по-весеннему гулких перелесков славили жизнь неустанные птицы.

Бездумно добрал Иван до своего дома и тут увидел, что в окнах Кузьмича ярко горит свет. И тотчас вспыхнула в его сознании забытая уже было идея.

— В самую пору, — подумал Иван. — С устатку...

И повернул к Кузьмичевой калитке.

Неожиданно многолюдное, но тихое застолье поразило его. Он затравленно оглянулся, но от стола уже поднимались люди, шли к нему навстречу, протягивали руки. Его, еще не осмыслившего до конца, что же тут происходит, усадили за стол рядом с Иваном Васильевичем Федоровым. Старик протянул ему стопку.

— Выпей, Иван, за крестьянина Михаила Кузьмича Глинина. Выпей. Большого греха не будет. Светлой ему памяти!

Федоров пристально вглядывался в лицо Ивана, покрывшееся вдруг жарким стыдом.

— Иван, ведь ты теперь единственный наследник всей подвижности и недвижности Кузьмича. Был сегодня у нотариуса. Ты как-никак племянник. Глинины вы. Так что...

Он не договорил. За столом воцарилась такая тишина, что, казалось, будто сама таинственная, загадочная, полная звуков нарождающейся новой жизни майская ночь кипит и плавится в Кузьмичевом доме.

1982

НЕУПРАВЛЯЕМЫЙ АГГЕЙ

I

Конфликт произошел на общеколхозном собрании, когда обсуждали план проведения посевных работ и доводили, как принято говорить, до каждого механизатора нормы, сумму оплаты, задания и прочее...

Главный экономист колхоза — румяная, полнолицая женщина лет сорока в широком платье домашней расцветки — ровно и спокойно читала с листа (гектары, проценты,

рубли, составы звеньев в машинах и механизаторах), мягкий голос навевал такой же, как и ее платье, домашний вечерний покой, когда все дела сделаны, все серьезное обговорено и напоследок остались сущие безделницы.

Все было то же, что и в прошлом, и в позапрошлом году: те же сроки, объемы, призывы. По красному уголку, пригревая народ, разливалось солнышко, и только свежий воздух с полей, где быстро плавилась снега, густым потоком вливался в проем фрамуги и будил задремавшую публику.

Из-под переднего ряда вылезла в проход огромная лохматая собака непонятной масти и, припадая на передние лапы, потянулась во всю кость, зевнула широко, с истомой, звучно. Заскрипели стулья, раздались смешки, однако председатель, молодой, но уже успевший поднатореть на разных руководящих должностях, властно поднял руку, сдвигая белесые брови.

Аггей Смелков, мужик неширокий в плечах, но крепкий, сидел в первых рядах, уперев локти в колени, и хоть в президиум не глядел, но в слова внимательно вслушивался. Лицо, поза его выражали напряженное ожидание, словно сейчас должно было произойти что-то решительное.

Дальше зачитывали составы звеньев и планы по льну. И когда уже снова начала охватывать зал дремота, вдруг словно катапультной выбросило из кресла Аггея.

— Стоп! — Зал вздрогнул и оцепенел от неожиданности. — Стоп, Ивановна! — крикнул второй раз Аггей, выкидывая вперед руку-лопату. — Сколько, говоришь, под лен? Триста?

Главный экономист в растерянности озиралась то на президиум, то на Аггея, не понимая, что произошло.

Аггей, сверкнув глазами, повернулся всем корпусом к председателю, который, уже догадавшись, в чем дело, досадно осаживал его рукою.

— Нет, ты скажи, о чем у нас речь на отчетном собрании была? В бирюльки играть? Решетом воду носить? Опять лен по весне жечь?

За спиной задвигались, загудели механизаторы.

— Что же это такое, мужики, делается? — повернулся Аггей к публике. — А-а?

Нестройный гул голосов покотился волнами по залу, и не понять было: то ли в поддержку Аггея, то ли наоборот, в осуждение.

— Садись, Смелков, не мутни народ! — зазвенел голос председателя. — Я объясню.

Председатель поднялся, упираясь сжатыми кулаками в стол, обвел строгим учительским взглядом зал и голосом, не терпящим возражений, размеренно, как клинья, вбивая слова, начал разъяснять:

— План — закон, государственный закон. И никто нам его нарушать не позволит. И если нам доводит государство план, то мы должны приложить все силы, я повторяю — все силы, изыскать резервы, но убрать. — Он пристукнул кулаком по столу и снова решительно сел на стул.

Зал утих, поудобнее устроились мужики по нагретым своим местам. Так-то оно вроде и лучше, спокойнее. Только на Аггея в открытую старались не смотреть, поглядывали осторожно. Видно было, что страсти кипят в нем, и он едва их сдерживает.

История со льном была давней. Раньше в этих краях выращивали знаменитые льны, которые давали колхозу основной доход. Сеяли из года в год много. Но золотое время, когда можно было каждый сноп не раз в руках перетрясти, ушло, не стало в деревне тех рук, а технология уборки почти не изменилась. Только что теребление машинами, а все остальное — с земным поклоном. Вот и получилось, что несколько лет подряд лишь половину льна успевали убрать, а вторую, которая пролежит под снегом, перед пахотой сизым дымом в небо пускали.

Зимой на отчетном собрании не выдержал Аггей. Когда разговор про убытки пошел, голос подал: «Либо технологию новую заводить, либо вторую половину — под клевер. Коровенки вон друг у дружки солому рвут!» Народ поднялся, зашумел. Крику было много. Все вроде бы «за». И вот на тебе! Все оставалось по-прежнему.

— В мастерских про колхозные нелады чуть не каждый день разговор. А мало ли их набирается? Хоть в полеводстве, хоть в животноводстве... Ну, говорить-то всякий горазд, а вот когда до дела дошло — голосов нет, — недоумевал Аггей. — Пар, что ли, спустили или легче жить, когда нелады в колхозе? Тогда и самому можно шатай-валяй? Меньше спросу?

Обиделся Аггей. После собрания мужики не торопились расходиться, а он шапку в охапку и — домой.

— О, бешеный, — поймал краем уха чей-то голос вдогонку. Плюнул зло.

У реки его догнал сосед, колхозный бухгалтер Ложков. Мужик в возрасте, тихий, глаза с прищуром, хитрые, будто все время на тебя из-за угла смотрит.

— Погоди, не гони, эк взнузданся! — заговорил он

быстро.— Чего ты, право? Ты и председателя пойми. Ему не посеять — так он в районе шишек себе набьет, а не убрать — так головы не снимут. На погоду спишут.

— Вон как? — Аггей даже с ноги сбился. В прищуренных глазах Петровнича светился лукавый блеск: мол, дело твое, парень, я сказал.

— Ну нет! — снова вспыхнул Аггей.— Меня батька так жить не учил — вершки-то сшибать!

Дальше он шел один.

II

Еще недавно колхоз стоял на ногах крепко. И если уж в первые ряды не выходил, то ниже середины не опускался. И надон — за три тысячи, и урожайность, хотя и невелика, но была, доходы были. Но вот словно подломилось что-то в сложном организме хозяйства: сначала не стало роста, потом медленно, а затем все быстрее и быстрее покатилося вспять. Урожайность зерновых упала до 11 центнеров с гектара, надон почти в полтора раза снизились, а следом и доходы перешли в убытки.

Особенно это стало заметно после ухода старого, много лет бессменного председателя. Потянулась после него череда временных руководителей, не сумевших, а может не успевших ни в чем проявить своей самостоятельности.

Начиналась кампания сселения деревень, и, не задумываясь, объявили большую часть их неперспективными: закрывались малые дворы и фермы, оставались без работы люди; шла волна строительства — строили без учета местных потребностей и особенностей. Появились в деревнях каменные коробки без центрального отопления и водоснабжения, без подсобных построек. В них никто не хочет жить. Начинали действовать комплексы, не обеспеченные кормовой базой и кадрами. Наступала химизация, и фермы тонули в навозе.

Хозяйство все быстрее скатывалось под гору. А рядом с расстройством дел шагало другое расстройство — нравственное. Без умелой хозяйской руки, без стабильности в производстве вызревали сорняки равнодушия и рвачества, бездеятельности, неверия и пьянства.

И как же было не протестовать, не тосковать Аггею, вся жизнь которого была связана с землей, с колхозом!

Отец его был человеком корневым, на земле крепко стоявшим. И ребятшек с малолетства к труду приучал. Каждому работу на день определит, а вечером проверит.

Ладно — похвалит, неладно — переделать заставит. Маленькие — народ любопытный, каждое дело интересно. К пятнадцати годам Аггей многое умел: и сапоги стачать, и валенки скатать, и по плотницкому делу, и по столярному, и пахал, и в технике разбирался.

Отец работал бригадиром в МТС, из первых трактористов, человек уважаемый. Чуть что — мужики к нему за советом. И Аггей почитал отца.

Лет с восьми-деяти на все лето наряжал его батька заправщиком — возить на лошади в бочке солярку, а когда повзрослее стал, начал к трактору допускать. Помнит Аггей, как первую борозду проложил; то-то было радости, думал, сердечко из груди выскочит.

По характеру Аггей весь в отца — настойчивый, крутой. Во всем с отца мерку брал. И частенько вспоминается ему давний случай, когда еще парнишкой был.

Весна в тот год пришла спорая, но пахать было еще сыро. А из района телефонограмма: «Пахать повсеместно». Мужики выехали, сунулись в поле, встали. Топко.

Собрались на закрайке поля, рассуждают: как быть? А тут подъезжает «Победа». Выходит хорошо одетый мужчина, лицо красное, злое.

— Почему стоите?

— Сыро пахать, — отвечают.

— А ну, заводи! — кричит.

Один из трактористов выехал на поле. Трактор тонет, глохнет в борозде.

— Отцепляй два лемеха!

Сняли лемехи, пошел трактор, да только в борозде вода. Какой смысл? Но командированный доволен.

— Так и пашите!

И тут Аггеев отец вперед вышел.

— Глуши, ребята! Я технику гробить не дам. Не дам пашню портить.

Проверяющий побагровел — и в машину.

— Вы, — кричит, — мне за срыв посевной ответите по всей строгости!

...В тот вечер после собрания Аггей не пошел сразу домой, хотя обычно, когда накипало на сердце, забывался работой. Видимо, что-то на сей раз сдвинулось в душе, на смену негодующим, зовущим к действию чувствам пришла тихая, но охватившая все его сознание тоска.

Он вышел темной тропкой к широкому, упирающемуся

в далекий и уже невидимый лес низинному полю. За несколько дней горячее весеннее солнышко успело крепко поработать. Толстая перина снега просела, истончилась, кое-где виднелись черные прорехи земли. Когда-то в этом огромном массиве была полоса единоличной земли его деда. Он не мог помнить того времени, его тогда еще не было на свете. Полоску показывал ему в детстве отец, будто чутьем находя и отмечая ее всякий раз в общей колхозной запашке.

Аггей присел на корточки рядом с набухавшей вербой, прислушался к пробивающемуся под снегом ручью: голос его был слаб и тонок.

«Раньше-то в эту пору ручьи не звенели, а ревели,— подумалось ему.— Ра-ань-ше...— Он усмехнулся.— А какая разница?»

Но задевшая его мысль не отступала.

«А ведь верно, раньше в этом месте не было такой слякоти, земля просыхала быстро, а теперь одна морока. Вода почти до июня держится. Решают тут мелиорацию делать. А когда она доберется до нас? Лет через десять? Так и биться все годы?»

Он стал вспоминать, каким же было это поле в далеком детстве. И вдруг осенило: «Все верно. Не было здесь такой тяпушки. А почему? Да потому, что пахали узкими загонками. А теперь размах, эталонные гектары, вот и гонят все заподряд, а урожай вымокает...»

Это простое открытие обрадовало Аггея, захотелось поделиться с кем-нибудь, но тут же больно резануло воспоминание о сегодняшней ссоре, о мужиках, не поддержавших его, и радость ушла.

Он тяжело поднялся и, разбрызгивая сапогами слякоть, отправился к дому.

«Нет,— думал он, оскальзываясь и проваливаясь на раскисшей снежной тропе,— надо же было мне тогда дурака свалить! Как уговаривали...»

На последнем году службы в армии отправили солдат на целину помочь урожаем убирать. Аггей возликовал: соскучились руки по настоящей работе. Думал, комбайн дадут, отведет душу. Но вместо комбайна вручили Аггею лопату, поставили ворошить зерно. На второй день не выдержал парень, пошел к директору.

- Я комбайнер!
- Ну и что?
- Технику дайте!

— Нету, браток, нету. Разве в такую пору техника простаивает?

— Дайте, я видел, есть!

— Где есть? — вскинул удивленно директор крепко посаженную на плечах голову. — Это ты про ту развалину, что на машинном дворе?

— Дайте, я говорю!

— Ну, бери, — усмехнулся директор.

Три дня и три ночи не отходил Аггей от старого СК. На четвертый вывел в поле. Душа трепетала и замирала нетерпеливо, когда опускал жатку перед плотной стеной пшеницы. Боялся осрамиться перед целинниками...

Аггей улыбнулся воспоминаниям.

Гнал тогда, выжимал все, что мог. Дневал и ночевал в поле, а все-таки обошел целинников.

Поздравлять его сам секретарь райкома приезжал. Вручил часы именные. Они и сейчас как память лежат в комодке рядом с отцовскими грамотами.

Тогда директор совхоза взмолился: «Оставайся, парень, героем будешь!»

Нет, Аггей — за чемодан и в свое Редькино. Он в семье старшим был. За ним еще пятеро. Надо было семьей обзаводиться, свою жизнь начинать.

Принес тогда отец из сеней Аггею топор свой плотницкий, заветный, пуще глаза его берег.

— Все мое наследство тебе. Остальное — чему научить смог. Поставишь дом — и сам на земле крепко встанешь.

Дом Аггей замахнул на большую семью, с перспективой. Все свое умение вложил, мысль творческую. В подклети оборудовал русскую печь с водогрейным котлом, чтобы можно было и дом отоплять, и скотине пойло варить. Сделал один выход к скотине, другой — в холодную половину подклети, где оборудовал хранилище разносолов. Из этой же половины оборудовал лаз в подвал, где картошка и овощи.

Подымись из подклети по лестнице — и окажешься в белой кухне, где плита газовая, обеденный стол, буфет. Жилой этаж без печей получился просторным, светлым. Окна широкие с видом на реку. Потом уже Аггей сделал несколько пристроек к дому: просторную веранду, крытую террасу в сад. Во дворе баньку срубил, мастерскую себе, провел водопровод.

Работал не покладая рук. Вернется с поля, перекусит наспех — и за дело, а утром еще затемно слышно соседям: снова звенит заветный Аггеев топор.

Только в сказках за ночь дворцы строятся, и как ни горяч Аггей на работу, ушло у него на постройку дома, такого, какой он сейчас, не меньше десяти лет. Но хоть и нелегко приходилось, а жизнь у Аггея добрая начиналась. На работе в передовых, дома лад, дети растут — дочь и сын.

Но вот когда же, когда начало закрадываться в душу недовольство? Лет пять назад или раньше? С болезнью жены? Или с той поры, как уехала в город дочка, пренебрегла домом, деревенской жизнью? Или с тех пор, как начал сравнивать свое отлаженное домашнее хозяйство с хозяйством общественным, где год от года все больше накапливалось неразберихи? А может, с того заседания правления, на котором ему устроили разнос за невыполнение распоряжений? Крепко повздорил он с руководством.

Несколько лет был Аггей звеньевым по картошке. И каждый год, как только подходила пора культивации (тут главное сроки не упустить), его начинали отрывать от дела. То туда езжай, то сюда. В конце концов Аггея взорвало. Обложил он крепко и бригадира, и подвернувшуюся под руку девицу-агронома, отказался выполнять наряд. Тогда его обвинили в самоуправстве и зазнайстве.

Или же он не заметил, занимаясь домом, что многое за эти годы изменилось и что жить надо по-другому?

С этими раздумьями он пришел домой, забрякал ведрами, приготавливая пойло скотине.

— Ты чего? — остановил его сын Колька. — Я уже обрядил и корову, и овец, и молоко просепарировал.

— К матери в больницу съездил? — спросил его Аггей хмуро.

— Ага. Сказали, к маю выпишут.

Ночью Аггею не спалось. Все накручивались в голове думы о колхозе, о себе, о мужиках. О председателе.

Сколько их перебивало за эти годы! Уж по именам забывать стал. Как-то старухи у магазина толкуют: «Зимний председатель сулил сено косить с исполу*, летошний до четверти срезал». И смех, и грех.

«Резервы», — вспомнил он слова председателя. — Болтовня одна. Где они, резервы? Опять лен пожгут! Нет, я в этой аванюре не участвую», — твердо решил он. И сразу стало спокойнее на душе.

* Исполу — на половиных началах, то есть половину — колхозу, половину — себе.

Лен сеяли в два трактора Василий Родионов и Аггей Смелков. Дело подвигалось споро, и на конторе колхоза появилась «молния», извещающая, что герои полей так-то ежедневно перекрывают нормы в полтора раза и засеяли льном уже 150 гектаров.

Василий Родионов, ровесник и сосед Аггея, мужик крупный, могучий, молчаливый, когда приехали поздравлять их в поле, искоса глянул на Аггея, неопределенно хмыкнул. А тот, весело балагуря, раскланивался с молодой агрономшей, благодаря за теплые слова в его адрес.

— А теперь, дорогие товарищи,— подвел он черту разговору,— я ставлю свой агрегат на прикол. И напарнику своему советую сделать то же самое. Не будем, товарищи, бессмысленно убивать свой труд и средства.

Он хлопнул дверцей кабины, и трактор с сеялкой запрыгал по проселку в сторону мастерской...

Поздно вечером к Аггею зашел Василий. Сел на стул, долго молчал, опустив голову. Молчал и Аггей, чувствуя, как в груди начинает кипеть раздражение.

— Ты вот что, Аггей, не дури. Ты, это самое, выходи завтра.

— А иди ты...— зло процедил Аггей.

Василий как-то косо повел плечами, медленно поднялся, пошел к дверям. Вся его могучая нескладная фигура, опущенные руки вызвали у Аггея жалость.

— Вася! Погоди,— окликнул он Родионова у порога.— Погоди, чего скажу.

Родионов остановился в дверях, не поворачиваясь.

— Да садись ты! Ты думаешь, почему на Редькином поле раньше в мае отсевались, а теперь и в июне тяпушка?

— А шут его...— В голосе Василия было недоумение.

— Да потому, что раньше об урожае думали, а теперь о гектарах. Узкие загоны делали, вот почему...

Утром Аггей на работу не пошел. Видел в окошко, как Родионов не улицей, а задворками отправился в мастерские.

— Ну и катись!— подумал он без злости и спустился во двор за лопатой. До обеда не разгибаясь копал гряды, разбивая и аккуратно заделывая навоз.

В обед заскочил к нему Юра Трешник, высокий вихлястый мужик, в рыжих глазах его всегда читалось подострастие и этакая наивная хитрость: найти свою выгоду. Фамилия Юры была Иванов, но о ней как-то забыли и

звали Трешником, поскольку у того была манера у каждого встречного занимать до получки трыак.

Вообще-то Юра был добрый мужик, но беспутый. Смолду подался по городам, помотался по общагам, к городской жизни не прилепился, вернулся в деревню, но и здесь по-настоящему уже не мог. Работал на ферме скотником по ночам, а днями ошивался у магазина.

— А я с председателем в контрах,— с порога похвастался он Аггею.

— Что такое?

— Да загулял малость,— отвечал он с бравадой.— Три ночи на работу не выходил. Так он мне выговор закатал.— Голос его возвысился и зазвенел обидой: — Ну, я это так не оставлю, враз рассчитаюсь, к тетке в Волгоград уеду, пусть сам у коров навоз огребает.

Аггей молчал.

— Там в приказе и про тебя написано.— Юра хихикнул.— За самоустранение в посевную объявить выговор, лишит премпальных, снять с трактора.

— Ну и что? — холодно спросил Аггей.

— А это самое,— показал Трешник на вздувшийся карман,— спрыснуть надо.

— Мне бы твои заботы. Пей сам.

Аггею было противно присутствие Трешника, и он, чтобы отделаться от непрошеного гостя, спустился на черную кухню. Слышал, как хлопнули вверху двери.

О том, что Смелков отказался сеять лен, наутро стало известно всей округе. Событие это живо обсуждалось и в конторе, и в мастерской. Но впрямую высказался лишь Петька Ершов, парень лет двадцати пяти, любитель, как выражается он сам, «закосоротить с устатку», а поскольку устаток на него напал довольно часто, то за Петькой тянулся всегда хвост самых грозных нареканий и взысканий, от которых, впрочем, ему было ни тепло, ни холодно.

— Ладно бы с похмелья на вышел, так ведь с жиру бесится,— ораторствовал он.— И чего человеку надо? Деньга идет, премия на кармане...

— Сидел бы ты, деньга! — подал голос Петькин ровесник Николай Иванов, недавно сыгравший свадьбу и мечтавший теперь скопить на автомашину.— Ты деньги-то хоть видел? Мантулишь-мантулишь, а больше двухсот не выходит. Нет, надо в шабашники подаваться. Полгода отпахал и — машина.

— Ты в шабашники, он в шабашники, я тоже топор на

ногу не уроню,— возразил пожилой механизатор.— А кто пахать станет, хлеб убирать?

— Хлеб! Какой хлеб? Мух мотовилами по полям гонять?

Дедко Семен, сторож мастерских, слушавший перебранку, крякнул:

— Мы, это, перед войной, я бригадирил, семьдесят подвод государству отвезли. Бригадой.

— Зато на огородах у всех прет,— снова отозвался пожилой механизатор.

— Я прошлой осенью на четыреста рублей картошки сдал. Во клубни — по голове. Потому что навоза не пожалел,— похвастал Колька.

— Оно и верно, что больше о своих огородах заботимся. А о колхозных делах есть кому и без нас думать.

— А ты чего, наемник какой, что ли? Не дома у себя?

— А наемник и есть,— подхватил Колька.— Мне расценки довели, чего и как делать сказали и — вперед. А там уж сколько выжму.

Мужики замолчали. И только дедко Семен, ни к кому не обращаясь, все еще вспоминал свое бригадирство.

— По семьдесят подвод отправляли. А потому, что душой-то к земле тянулись, а теперь к рублю. Вот и не родит земля-то...

IV

...Аггей пришел на центральную усадьбу с обеда. Решение у него так и не вызрело до конца, по-настоящему обдумать ситуацию мешала кипевшая в сердце обида.

Он завернул в магазин, сбил с сапог грязь у крыльца, отжал пружинные двери.

— Аггею Петровичу,— лукаво пропела продавщица.— Давненько не были...

— Александре Ивановне,— в тон ей ответил Аггей.— Все в хлопотах?

— Все под планом ходим. Бутылочку? — угодливо изготовилась продавщица.

Аггей хрустнул в кармане пятеркой, подавил мелькнувшее было желание залить горечь горечью. Прошелся вдоль прилавка, где соседствовали тазы и пряники, сапоги и утюги, вино и бытовая химия.

— А что, Ивановна, грузчик-то вам в сельпо нужен?

— Уж не ты ли к нам? — заиграла голосом и глазами Александра.

— А хоть и я. Давай, что ли, бумагу. Заявление напишу, передашь в сельпо.

Тут же на прилавке Аггей написал заявления о выходе из колхоза и о приеме в сельпо. Аккуратно сложил четвертушкой первое.

— Ну, показывай товар лицом. Чай, теперь в одной системе будем.

Продавщица все еще удивленно взирала на Аггея, рассматривающего на полке знакомую еще по «Родной речи» репродукцию с картины Шишкина «Рожь». Среди стоявшей стеной ржи уходила к горизонту желтая песчаная дорожка. Прямо в посевах стояли могучие сосны. Аггей ухмыльнулся:

— А ну-ка, заверни мне этот презент председателю.

...Председатель, с утра подписав приказы, успел уже побывать в полях — на одежде следы первой весенней пыли, рапортовал по телефону в район о ходе посевной, докладывал, что в ближайшие дни будет закончен сев льна.

Аггей присел на краешек стула. Председатель положил трубку, строго взглянул на Аггея, постучал костяшками пальцев по полированному столу.

— Так что, Смелков? На огороде? Личное выше общественного? — он намеренно «не понимал» истинной причины конфликта.

— Да ведь это как посмотреть, Валерий Иванович, — спокойно ответил Смелков. — Кому и общественное — личное. Это для тебя все общественное, а для меня — личное. Я тут родился и помирать тут собираюсь. А ты посидишь года два, ну три — и ищи ветра в поле! Либо на учебу пошлют, либо куда передвинут...

— Это не твоя забота! — оборвал Аггея председатель.

— А как не моя? Ты тут кашу заваришь, а нам ее расхлебывать. А надо бы наоборот: не переводить, а на месте оставить, чтобы можно спросить было: «Что же ты, товарищ, наломал дров? Ну-ка, засучай рукава, исправляя положение или людской суд прими за вред».

— Ты чего это тут заговариваешься? — взорвался председатель. — Это какой такой вред?

— А такой, что прежде дом строят, а потом детей заводят. А у вас наоборот, поскорей о результате отчитаться. Вы-то по весне цыплят считаете, а мы по осени. Вот и получают одни убытки. Ну, ладно, убытки спишут. Да только мне так жить не нравится. Это вот Юрке Трешнику, тому все равно. Придут с нарядом: «Юрий Иванович, тебе сегодня лен жечь». Пошел, три раза спичкой чиркнул — на

десять тысяч льна сжег, на бутылку заработал... Нет, ты погоди, послушай. Сколько в прошлом году убытков? Сто двадцать тысяч. На двухсот работающих. Вот и получается: как только я на работу вышел, так и в чужой карман залез... А ты знаешь, сколько я с одного своего приусадебного могу получить? Да если бы в колхозе столько, миллионерами были бы! А что, разве земля разная? Одинаковая. А почему? Да потому, что на усадебной я сам хозяин, а в колхозе — придаток к трактору. Так что вот мое решение: прошу исключить меня из колхоза. У меня и гордость есть. На хлеб себе заработаю. — И Аггей выложил на стол заявление.

— Не возражаю. — Председатель, молча слушавший, раздраженно вlepил на заявление подпись.

— И примите от меня презент, — Аггей сдернул бумагу с картины. — Не знаю, может, у художника тут свой смысл, только там, где сосна растет, рожь не вырастет. А красиво!

— Иди, Смелков, — устало сказал председатель. — Мне тебе возразить трудно. Одно только скажу: моментом польешься.

...В эту ночь председатель не мог уснуть. Днем в делах, заботах он еще глушил терзавшую его обиду, но когда отошла круговерть хлопот, весь разговор с Аггеем до мельчайших подробностей всплыл в памяти и отозвался тоскливой болью в груди. Он ругал себя за беспомощность, за то, что не мог достойно ответить этому нахалу. А впрочем, что он мог возразить? Что можно втолковать человеку, который дальше колхоза не видит и судит обо всем со своей колокольни?

Лен. Да, он знал, что льнокомбинаты сидят без сырья. Нужен лен. Можно ли убрать? Без техники, комбайнов, подборщиков, без четко организованной шефской помощи, на которую рассчитывать не приходится — город не близко, все убрать невозможно. Местные ресурсы: поднять всех до единого, мобилизовать школьников, стариков, организовать субботники, воскресники — тогда с великим трудом, но можно. Но можно раз, другой, и к этому уже прибегали, но невозможно же постоянно устраивать авралы!

Маневрировать, идти на компромисс — должно быть, такая председательская доля? Маневрировать везде и всюду. И в Сельхозтехнике, и в мелниоративных, и в строительных организациях, и на ковре у начальства, и на базах. А что

же еще остается делать: «Рад бы на мельницу, да не с чем». Того нет, до другого очередь не дошла, третье не положено. А жизнь — она требует.

Вспомнился ему откровенный разговор с председателем соседнего колхоза на курсах руководящих работников. Удивительной пробивной способности человек, своего не упустит, из любого дела выгоду хозяйству выжмет. Поделится с ним сосед кое-каким опытом.

Объявляют, положим, в районе кампанию: всю посевную и почвообрабатывающую технику поставить на линейку готовности к первому марта. Район — инициатор областного соревнования. И начинается горячка, проверки, звонки.

— Сколько тракторов готово? Сколько в ремонте? Почему?

— Так запчастей нет. Сельхозтехника не дает.

— Изыскивайте резервы. Чтобы все готово было!

У кого нервы послабей, кому эта телефонная ругань надоела, отчитываются, липовые сводки дают о стопроцентной готовности. А на самом деле к трети агрегатов нет запчастей.

У тертого хозяина нервы покрепче: «Выговор? Осенью снимут!»

Отчитывается:

— Половина техники на ходу!

— Да ты чем там занимаешься?

— Нет запчастей.

— Да ты понимаешь, что весь район за собой тянешь?

— Ничего не могу сделать, — твердит третий. — Нет запчастей.

И тогда нервы сдают у руководства, из района нажимают на Сельхозтехнику, председатель получает дефицитные детали и везет себе на склад. Через неделю докладывает о стопроцентной готовности техники.

Она давно у него была готова. А запчасти — вещь лишняя...

Не хватает мне такой изворотливости, маневренности, думает горько председатель. Потому и льнокомбайнов в хозяйстве нет. Ну, допустим, придумаю подобный ход, так ведь соседа же и разденут, не того, тертого, а того, кто полопушистее. За чужой счет своего счастья не постронть. Вот и выходит: что я со своим льном, что сосед председатель — оба на скользкой дорожке, где-нибудь да и подвернутся ноги.

Так уж лучше встать в позицию, какую предлагает

Аггей. Строить производство так, как диктуют местные условия. И выгоднее, и честнее. Народ поддержит. Вспомнилось Аггеево: «Сперва дом строят, потом детей заводят». А каков он, дом-то? Уходим с головой в технологию, перестраиваем ее и так и этак, а людей часто не замечаем. А потом удивляемся: отчего это не получается, отчего результатов нет? Да потому что человека в этой технологии не учли, его мнения не спросили, своим помощником не сделали.

А чем же хуже меня, допустим, тот же Аггей? Пусть у меня институт, но знаю ли я эту землю так же, как он? Нет, конечно. Пахарь должен быть главным хранителем земли, а мы отняли у него эту заботу, отвели ему роль бездумного исполнителя.

— И что же мы получим? — задавал он сам себе вопрос и отвечал тут же: — А то: чем пассивнее люди, тем больше не ладится дело, а чем больше оно не ладится, тем чаще становится человек в роль стороннего наблюдателя. И кое-кому этот беспорядок уже на руку.

Вон сегодня Петька Ершов сеет без удобрений, мешки под кустом валяются.

— Что же это ты делаешь, негодяй!

— А все одно не вырастет,—ухмыляется,— а так скорее.

Ладно, Петька — бездельник, а есть и другие, с виду благополучные, для которых колхоз вроде ширмы. Провел время для виду на работе и — домой, ткнулся в свое хозяйство. Дом — полная чаша: овцы, корова, на одном молоке до двухсот в месяц можно выручить. Телка по осени сдать, картошку. Чем не фермер? И попробуй унять это рвенне.

«Нельзя возделывать поле, не возделав души хлебороба», — вспомнились ему слова писателя Федора Абрамова. Как верно и точно сказано! И хотя председатель понимал, что это как раз самое трудное в его работе, на душе стало легче. Вот где надо искать корни неудач и проблем.

Проблемы! Бросаемся этим словом походя. Глядишь порой: дела-то на уповод, а мы проблему выдумываем, ходим вокруг нее, изучаем, решения принимаем вместо того, чтобы всерьез взяться. Сегодня есть одна, главная проблема: проблема человека, а все остальное — ее следствие.

Вот хотя бы фермы. Сельхозхимию ждать, когда навоз вывезут приезжие трактористы, либо самим взяться? Ведь

если подумать, то под силу самим, только руки приложить, людей настроить.

...Утром председатель пришел в контору с воспаленными глазами. Вызвал по селектору агронома.

— Сколько осталось под лен? Сто двадцать? Берите машину и езжайте к соседям за клевером. Я договарюсь с председателем. Пустим сто гектаров под клевера.

Агроном удивленно воззрилась на председателя.

— Все ясно? Действуйте!

— Понятно! — обрадованно закивала агрономша и исчезла за дверью.

Председатель потянулся широко и, сгоняя улыбку, собираясь внутренне, стал набирать номер управления. Разговор предстоял крупный.

V

Работы в сельпо у Аггея было немного, управлялся скоро. Все свободное время занимался своим хозяйством. Прикупил пару суггных ярушек, телка откармливал, до десяти ульев пасеку довел. В огороде буйствовала зелень, сад плоды наливал, в теплице огурцы густо завязывались. Обирючился совсем Аггей. Ни с кем особенно не разговаривал, а кто докучать начинал излишне — ожжет колючим взглядом. Товарищи прежние, механизаторы, в полях до ночи, им не до Аггея. Не тревожили его и из колхозной конторы, хотя втайне, даже себе не признаваясь, он ждал, что придут, вызовут на разговор. Что ни говори, а терзался Аггей, как ни держал независимую марку.

Осенью, когда заготовки начались, отвез Аггей в город на мясокомбинат овец, телка, продал мед, картошку в магазин сдал, подбил «бабки». Набралось больше двух тысяч. Это не считая молока, которое сдавал на сепаратор, да запасов на зиму.

В сельпо купил на выручку Аггей мотоцикл с коляской, «Урал». Покатался по центральным улицам — пусть посмотрят! Приехал домой, сунул в гараж машину; радости не было, тосковала душа. И еще больше впивался он в домашнюю работу. Прикидывал, сколько может выручить от хозяйства на следующую осень. Сумма набиралась внушительная. И опять не радовало его это. Раздражительный стал, злой. А тут еще сын Колька объявил, что в город уезжает, в училище.

— Тебе что, дом родительский тесен? — закипел Аггей.

— А чего тут делать-то? В деревне?

— Работать! Вон на тракториста учись.

— Была нужда,— протянул Колька скучным голосом.— Ты-то ведь не больно работаешь. А мне чего?

— Я свое отработал. Твой черед.

Сын насупился, замолчал. Видно было, что не удержать его. Да и чем? Огородом? Примером собственным?

Он накинул фуфайку и пошел на улицу унять раздражение. Осень догорала последними своими красками. Ясность дальше была неоглядная. Широко, до самых кромок далеких лесов лежала освобожденная от урожая земля.

Аггей заскользил размыленной тропой под косогор к Редькиному полю, по которому деловито сновал трактор.

Трактор старательно вел борозду к противоположному концу поля, холодно блестели черные, влажные пласты. Вот он дотянул нить борозды до кромки и стал разворачивать не вправо, а влево.

«Василия Родионова»,— узнал он.

«В развал пойдет, борозду делает,— удивился Аггей.— Да ведь это он загонками собирается пахать. Это то, что я ему говорил. Чтобы весной вода уходила. Заработок свой теряет...»

Аггею стало трудно дышать, он рванул пуговицу на воротнике и, резко повернувшись, пошел домой. В душе у него был какой-то хаос: и досада, будто лишили его чего-то дорогого, и радость, и тоска, и желание действий, как у человека, истосковавшегося по большой работе.

Он, плохо соображая, зашел в огород, подхватил у стены лопату и, вкладывая все накопившееся за долгие лето и осень неудовлетворение, ахнул ею по пчелиному домику. Лопата разломилась, потревоженно загудели пчелы...

...Я не слышал ничего об Аггее года два. Много воды утекло за это время, много перемен произошло в сельском хозяйстве — и в управлении, и в организации. Полезных, нужных перемен. Все собирался съездить к нему, да пути не было. Но вот в конце года в районной газете наткнулся на маленькую заметку, где рассказывалось об успехах льноводческого звена, работавшего по бригадному подряду. В общем-то я не удивился, прочитав фамилию звеньевого: А. П. Смелков. Но решил: как выпадет время, поеду. Будет о чем поговорить.

Однако дорога выпала совсем в иные края, на самый восток Вологодчины. И именно там столкнулся я вплотную

с проблемой, о которую в свое время спотыкался Аггей, с четко означившимися противоречиями общественного производства и личного хозяйства колхозника.

1983

МОЕ, ТВОЕ И ОБЩЕЕ

«Одни жнут, другие ждут»

Я подвергаю эти заметки риску, поставив набивший всем оскомину заголовок, что в многочисленной компании ему подобных густо вызревает на страницах районных и областных газет с началом уборочной кампании. Прочтет его читатель и зевнет со скукой: хватило, мол, одного названия, чтобы уяснить ситуацию. Где жнут, там об урожае заботятся, а где ждут, там раскачка, там инженерная и агрономическая службы спят, меры морального и материального стимулирования не определены, активисты не дошли до каждого комбайнера со своим призывным словом, не проверили каждый комбайн... Все понятно и просто. Чего уж проще?

Да и вообще, есть ли, кажется, что-либо проще сельскохозяйственного производства? Весна пришла — сей, лето — сено коси, осенью урожай собирай, зимой к весне готовься. И стоит ли, право слово, ехать журналисту за пятьсот верст, чтобы в сто первый раз удостовериться и удостовериться в том читателя: где жнут, там об урожае думают, где ждут, там...

Каюсь, был грех. Однажды не смог выехать в дальний район, а редактор срочно требовал материал. И непременно рейд по сдаче государству льнопродукции. Схватился было за голову, да одумался. Чего же тут сложного? Берн сводку, в верхних рядах — передовики, думающие о доходах, а те, что в нижней половине, «у моря погоды ждут», ответственности у них нет, организация труда «хромает», меры морального и материального стимулирования, конечно же, не действуют. Плюс гарантированные потери: пока везут тресту за сто километров, сколько растеряют? Пусть десять снопов на километре, считай за езду — тысяча снопов. Да каждый, положим, по рублю. Итого тысяча рублей! Нехорошо, товарищи колхозники. Добро беречь нужно.

И что же? Опубликовали этот материал, а через неде-

лю официальные ответы пришли о принятых мерах. Не знаю, насколько эти меры были действенными, но, видимо, каков вопрос, таков и ответ...

Но суть-то ясна: чтобы на таком уровне разбираться в сельском хозяйстве, особого ума не надо и специальных знаний не требуется. Любой более или менее постоянный читатель газеты, имеющей сельскохозяйственный уклон, пусть он всю жизнь на городском асфальте прожил, может спокойно предаваться анализу: где жнут, там задействованы все механизмы, техника на обочине не простаивает, косилки косят, грабли гребут, звездочки на бункерах горят и премии механизаторам карманы оттягивают.

Правда, при этом нужно иметь в известной мере дипломатическую осторожность, чтобы не попасть впросак. Недавно секретарь парткома одного из восточных районов области рассказал такую историю.

Приехал на весенний сев представитель из района и тотчас приступил к исполнению служебных обязанностей, принялся пушнить руководство колхоза и специалистов по всем статьям: и это у них не так, и то не этак. По бороздам бегаёт, замечания делает. Трактор остановил, трактористу за качество выговор устроил.

— И черт меня дернул,— рассказывал секретарь,— взять из сеялки горсть зерна и спросить товарища из района: «А что сеем-то?»

Он опешил, посмотрел на меня удивленно: «Рожь»,— говорит. Тракторист плюнул, в кабину полез. Проверяющий за ним: «Мы с вами не договорили».

«А о чем говорить? Рожь-то осенью сеют».

Ну, эту оплошность можно простить. С кем не бывает? И какая в общем-то разница: рожь или пшеница. Ту и другую сеять надо качественно.

И все-таки, уяснив, что в сути своей сельскохозяйственное производство просто как пареная репа, подходим к роковому вопросу: почему дела в нашем сельском хозяйстве, мягко говоря, не блестят? Более того, почти каждая страда, что приходит в деревню своим чередом, сходна во многих местах со стихийным бедствием, с немощно тяжелой, хотя и бескровной битвой?

— Изменился климат,— сетуют досужие умы.

Руководители хозяйств подхватывают:

— Мы — косить, и дождь косит, а сено на печке сушить не станешь, крышу над колхозом не заведешь.

Да так ли уж изменилась погода? Исследователи подсчитали, что и прежде на каждое столетие приходилось

немало зим студеных и лет дождливых. В пятнадцатом столетии, например, было зарегистрировано двадцать семь лет с чрезвычайно сильными дождями и паводками, в восемнадцатом — двадцать пять, считай, каждое четвертое лето. И доносят до нас вологодские летописи тревоги седой старины:

«Хлеба в полях за дождями и мразу застоялися в суслонах, во многих местах яровые не жаты, снегом запали, до декабря месяца ни жать, ни возить нельзя и конский корм погнил».

Только ли в погоде дело? На протяжении трех лет с начала сенокосной страды отправлялся я в далекий Кичменгский Городок на Вологодчине и каждый раз, оказавшись в гуще клокотавших там сельскохозяйственных баталлий с невидимым врагом, задавался подобным вопросом. Кое-какими выводами и наблюдениями решил поделиться.

Слово и дело

Кич.-Городок — самая что ни на есть глубинка, каких немало по всему Нечерноземью. Словно ласточкино гнездо, прилепился район к восточному карнизу обширного вологодского дома, далекий от больших дорог и высокоразвитого в сельскохозяйственном и промышленном отношении центра.

Много веков назад по Волхову, через озеро Онего, через черные леса на Вагу-реку, а оттуда встречу течению по Двине на Юг-реку прокладывал полный трудов и опасностей путь вольный новгородский люд. Гатил волокни, выжигал среди чащоб чищени, добывал в тайге ценного зверя, строил по угорам деревни из кондовой сосны, обосновываясь на веки-вечные.

Не одно нашествие ворога пережили кичмежане. Горело село и отстранвалось, разорялось и снова богатело, оставаясь надежным северо-восточным форпостом Московского княжества. Полноводная в те времена река Юг была большим торговым путем, через который везли кичмежане на продажу и мену хлеб, лен, пушнину...

Сегодня Кич.-Городок — тихая провинция, страдающая от бездорожья, отсутствия надежной транспортной связи с центром. Многие годы только караваны судов пробирались по вешней воде сюда, доставляя все необходимое для жизни: от комбайнов и удобрений до пуговиц и ниток, увозя обратно лишь металлолом для домен. Сегодня хоть и дальняя, но есть дорога через Великий Устюг, и это

обстоятельство мало-помалу оживляет восточные районы области. Но все равно труден путь для технического прогресса в эти края. Бывший передовым в 30—40 годы, когда уровень производства определялся лишь прилежностью рабочих рук и наличием тягловой силы — лошадей, район давно порастерял свои позиции по производству молока, мяса, льна, продолжает терять их и далее, но уже не только по причинам технической отсталости.

Каждую сенокосную страду оказываются кичмежане в числе замыкающих. И каждый раз принимаются экстренные, решительные меры, чтобы вывести район из прорыва. Из области едут спецкомиссии, заседают штабы, тревожным набатом раздаются в председательских кабинетах звонки из района.

Ближе к вечеру райкомовские задворки битком забиты разномастным транспортом, облепленным по самые крыши грязью. На оперативное совещание в срочном порядке вызваны руководители хозяйств, секретари парткомов, представители шефских организаций. Сельский «руксостав» в предчувствии крупного разгона нарочито бодр и тешит себя анекдотами на злобу дня.

Наконец, нервно похохатывая, докуривая на ходу папиросы, председатели втягиваются в двери райкомовского зала заседаний. Нынешнее началось с короткого, энергичного выступления председателя совета РАПО Николая Николаевича Алексеевского, вчерашнего председателя колхоза, прекрасно знающего, почему фунт этого лиха. Со звенящей обидой в голосе он заявил, что значение кормозаготовки в районе недооценено. Затем выкликнули на трибуну с отчетом Николая Викентьевича Наволоцкого, председателя небольшого колхоза имени Калинина.

Николай Викентьевич не из новичков, но и его потряхивало. Сквозь окалину загара проступал нервный румянец, и весь облик председателя напоминал выдернутого из лунки ерша, который из уважения к вытянувшей его силе берет хвостом под козырек, но все, какие есть, колючки топорщит: не тронь!

— На второе июля заготовлено столько-то тонн готового силоса,— стараясь подороже «продать» свою цифру, начал бодрым голосом Наволоцкий, но его тут же оборвали.

— Это какого же такого готового силоса? Да вы понимаете ли как руководитель, что силос будет готов через сорок дней? А пока — масса!

— Мы через коэффициент считали,— попытался возра-

зять Наволоцкий, но его снова перебили, и тогда председатель буквально выкрикнул:

— Да что вы меня равняете с передовыми хозяйствами! Это несравнимые вещи! — Но он тут же осадил себя, чувствуя, что дело так не пойдет, еще больше насобираешь «шишек», и с подъемом, на мажорной ноте, попытался закончить отчет:

— Хочу заверить руководство, что к 15 августа план со вторыми укосами трав будет выполнен.

Но уйти от критики ему не удалось.

— Как можно говорить о вторых укосах, если у вас и первые еще не взяты. Когда они вырастут? Проспали вы все!

— Мы не спали! Вы у меня по отчетности посмотрите. Если у меня в хозяйстве всего три тракторные косилки, так чего вы с меня спрашиваете? — перешел в наступление уже Наволоцкий. — Я зимой сколько раз говорил: дайте технику! На сессии выступал. Так один только пресс и дали...

— Что же, теперь по этому случаю и сенокос отменить? — нашлись в президиуме. — А почему у вас медленно идет производство витаминно-травяной муки?

— С нашей стороны работа велась. Нашел на косилку человека, а он больше пяти тележек накопить не может.

И тут не выдержал первый заместитель председателя областного агрокомитета:

— Да что вы нам такое говорите? Здесь детский сад, что ли, собрался? Какой вы руководитель, если не в силах переставить людей!

— Нет у меня людей, — отрезал Наволоцкий.

— А инженерная группа? Поставьте механика, инженера!

— И они не смогут!

— Сам садись! Вы что думаете, сенокос — это личное дело? — гремел Подгорнов.

Наволоцкий сник:

— Вы тут такие вещи говорите, что я и не представляю даже...

— Какие вещи? Техника простаивает? Простаивает!

— А я что, драться с ними должен, если они не работают? — совсем некстати сказал Наволоцкий и вовсе растерялся.

И тогда первый секретарь райкома партии Пономарев, почувствовав всю неловкость момента, решил снять напряжение, увещательным-убедительным тоном заговорил:

— Николай Викентьевич! Ну вы подумайте, разве дело, что работу начинают механизаторы только в десять часов утра? Стыдно! Начали заготовку в июле, когда на это время в центральных районах по 170—180 тонн травяной муки уже приготовлено на каждый агрегат!

Это противопоставление подхлестнуло самого секретаря, и он, накаляясь все больше, тоже зазвенел голосом:

— Вот мы говорим: напряженное время! И колхозникам все проясняем, что только сейчас можно заготавливать корма, а не в декабре. Все вокруг наливается центнерами кормовых единиц, а у вас — тишина! Благодушные! И проблема пьянства отпала, а труд организовать не можем. И еще возражаем, будто правы...

— Я не оправдываюсь, но...— подал голос Наволоцкий. Его не стали слушать.

— Вот вам два дня, чтобы войти в график, принять все меры. Садитесь.

Наволоцкий, все еще краснея, ушел в зал. Его сменил молодой председатель из колхоза «Искра» Александр Метнев.

— Почему мало заготовили муки?

— Оператор ногу сломал...

Многоточие можно поставить и далее, не приводя всей стенограммы трехчасового совещания, поскольку подобное повторялось почти в каждом отчете председателя, и президентом реагировал однозначно.

Чтобы стронуть с места заготовку кормов, руководители района приняли решение: уже завтрашним днем в каждом хозяйстве организовать двухсменную работу на косовице трав. Иначе заготовка кормов уйдет в август и повлечет за собой задержку уборки урожая, а вслед за этим новые и новые убытки.

Забегая вперед, скажу: ни в одном хозяйстве двухсменная работа организована не была. Слово разошлось с делом, и вовсе не потому, что руководители колхозов недооценили значение заготовки кормов, а колхозники позабыли, что сено надо косить летом. Поиски технологических решений оказались малоэффективными. Все дело уперлось в человека, конкретного исполнителя несомненно верных решений, не захотевшего их исполнять.

Почему?

Полвека назад и сегодня

Век НТР сделал нас технологами, и волей-неволей поиски решений многих сегодняшних проблем стали поис-

ками новых технологий. При этом мы так увлеклись что позабыли, что и сама технология есть продукт производственных отношений, что решающее значение в этом принадлежит самому человеку, что параллельно поискам технологическим должны идти поиски самого человека — исследование его устремлений, его психологии.

Примеров тому более чем достаточно. Взять хотя бы сельскую публицистику, деятельность средств массовой информации. Посмотрите, на каком срезе ведут они свое исследование? Главные герои — непременно руководители районного звена, специалисты, внедряющие то или иное начинание, хозяйственники. Социальный портрет непосредственного исполнителя — механизатора, животновода — напоминает красочный плакат, на котором улыбающийся розовощекый герой на фоне стального «коня» берет повышенные обязательства.

Поиски новых технологических решений без учета человеческой психологии привели к тому, что наша форма управления сельским хозяйством получила меткое название «полупроводниковой системы». Сверху вниз решение проводится, снизу вверх токи не поступают. И когда новое технологическое решение, родившееся в глубинах кабинетов, далеких от земли, переносится на производство, то зачастую оказывается, что оно — мертворожденное дитя.

И тогда нередко вызревает формула: «Народ распустился, нужно срочно закручивать гайки». Вначале «заворачивают гайки» руководителям хозяйств, те запрограммированно «заворачивают» их специалистам, руководителям среднего звена, а вот удастся ли «довернуть гайки» механизаторам — это уже вопрос, поскольку за должностное кресло трактористу беспокоиться не нужно, в очередь за его трактором никто не стоит, и зарплату он получает, не зависящую особенно от конечного результата. «Полупроводниковая система» в Кич.-Городецком районе сработала, «как положено»: сверху вниз сигнал ушел, обратной связи не получилось. И фраза: «Что я с ним драться должен?» — совсем не случайно сорвалась с уст председателя колхоза.

...Листаю ломкие, изжелтевшие странички кич.-городецкой районной газеты «Коллективист» за 1935 год. И встают перед глазами драматические свидетельства прошлых сельскохозяйственных битв. Такое знакомое, близкое слышится в заметках и призывах газеты, что если бы не эта грубая бумага, не старомодный крупный шрифт, тематику ее можно было бы принять за день сегодняшний.

Вот первый номер года. Заголовочные глаголы в повелительном наклонении, кричащие лозунги, рубленый текст:

«Районный съезд Советов считает, что мы с вами недостаточно мобилизовали колхозников на борьбу за высокоурожайный лен, за четкое выполнение обязательств, что является первой причиной отставания нашего района в выполнении планов льнозаготовок.

Вторая и основная причина состоит в том, что не сумели организовать сдачу и обработку льна, забыли указания нашего любимого вождя товарища Сталина...»

И далее: «...немедленно ликвидировать отставание, в ближайшие дни обработать и сдать лен на склады пролетарского государства. Работать день и ночь, использовать все механизмы, развернуть социалистическое соревнование, повысить производительность труда».

Но разница между сегодняшним и вчерашним днем все же есть, причем существенная разница. Вот она, в маленькой приписке, скромно притулившейся в конце кричащих лозунгов:

«Распределять продовольственные товары (хлеб, муку, сахар, рыбу, масло и т. д.) только по льнотрудовым, невыполнившим нормы отдавать под суд, и наверняка победа будет одержана».

Последняя из этих мер и сегодня вызывает чувство легкого испуга. Но жизнь доказала, что угрозы — не метод хозяйствования, административный кнут лишь отторгает человека от земли, а вот принцип распределения по труду мог и должен был стать основой колхозной демократии и главной движущей силой.

Увы, результаты хозяйствования за пятьдесят прошедших лет не дают основания утверждать это. Достаточно, наверное, будет сказать, что продуктивность дойного стада здесь выросла всего на каких-то пятьсот-семьсот килограммов. И это при тех средствах, что вкладывались в сельское хозяйство, при современной энерговооруженности. За пятьдесят лет! Какова же тогда цена этой прибавки?

И еще один факт: средний удой от коровы, находящейся в личном пользовании колхозника, составляет пять-шесть тысяч литров в год против тысячи девятисот общественной буренки. Но ведь и та и эта коровы ведут свою родословную от дореволюционной малопродуктивной скотины.

Не здесь ли средоточие проблем кич.-городецкого села? Не в резко ли обострившихся противоречиях между общественной и личной собственностью?

...Все чаще приходится слышать такие разговоры, что будто бы народ растерял свою активность и инициативу. Я таких заявлений не поддерживаю, поскольку на опыте не раз убеждался в обратном. В том же Кич.-Городецком районе и социальная активность, и инициатива в среде колхозников в последнее время заметно выросли. Вопрос в другом: какие они цели преследуют?

...Есть в колхозе «Рассвет» маленькая деревушка Сивцево. Живет в ней среди прочих пенсионеров Григорий Иванович Вершинин, выработавший свой стаж на производстве и осевший на отдых в деревне. В Сивцево зовут его «крайним», «пришлым», но чаще всего «писателем». Свои произведения пишет он в трех экземплярах: в районное отделение милиции, в комитет народного контроля и райисполком. В письмах глубокая озабоченность «негативными» явлениями, происходящими в сельском хозяйстве и в частности в Сивцевской бригаде колхоза «Рассвет». Для разбирательства и принятия мер едут по отчаянному бездорожью различные комиссии, корреспонденты, следователи. В последний свой визит следователь райотдела предупредил Вершинина, что если еще раз от него поступит в милицию необоснованное заявление, то он будет привлечен к уголовной ответственности.

А между тем «Рассвет» не то хозяйство, где все ладно да гладко. Зарастают земли, теряется урожай, низка исполнительская дисциплина. И Григорий Иванович щедро иллюстрирует этими примерами свое «творчество».

Он приехал в деревню со своим уставом, поправил сложившиеся за многие годы внутридеревенские отношения и, почувствовав отчуждение, решил утвердить свое «я», используя всю полноту советских законов и демократию.

Заметим, Григорий Иванович не единственный «писатель» в районе. Конечно, есть немало людей по-настоящему озабоченных общественным производством, но все-таки среди тех, кто «бьет тревогу» больше таких, кто под благовидным предлогом защищает свои личные интересы или сводит счеты с соседями.

Больше всего достается председателям колхозов. Как только предпримет руководитель меры для укрепления трудовой дисциплины, как только попытается решать задачи общественного производства в ущерб разросшемуся личному, тут же появляются в различных районных и областных инстанциях сигналы и заявления. Факты для

этого случая припасены. Долго ли, скажем, обвинить председателя колхоза в каком-нибудь нарушении, если повсеместно приходится заниматься строительством так называемым «хапспособом», сходным разве что с балансированием на лезвии ножа.

Но ведь председатель-то строит не для себя, а во благо общему делу. Где бы ему поддержку за своей спиной чувствовать, а тут, того гляди, камень в спину метнут.

Характерен в этом отношении пример колхоза «Искра». Много лет хозяйство было почти без управления. Одни «телефонные сидельцы» сменяли других, и расцветал во всех делах упадок, бестолковщина захлестнула, бездорожье душило. Дошло до того, что и семян уже не оправдывали.

А по мере того как приходило в запустение хозяйство общественное, все более утрачивался к нему интерес, взоры устремлялись на хозяйство личное, в котором собственная голова да собственные руки были основой успеха. Коровы, а то и две, кое у кого и три. Бычки, телушки, свиньи, овцы, куры... Только успевай поворачиваться. Вскоре доходы колхозников от подворья перекрыли доходы от общественного производства, и общественное превратилось в ширму, за которой было привольно личным интересам.

Последний председатель уже со слезами упрасивал районное руководство отпустить его. Так или иначе пришлось его освободить. Но где взять нового руководителя? Ищи хоть днем с огнем — не сыщешь. И тогда остановились на кандидатуре колхозного зоотехника Валентины Никаноровны Чешковой. Предприимчива, деловита, энергична. Но были и сомнения: слишком уж горяча, прямолинейна, прямо-таки Чапаев в юбке.

И все же решились рекомендовать ее собранию. Голосовали единогласно. Видимо, колхозники давно уже утвердились в мысли, что разницы — тот или иной — нет. Лишь бы делу не мешал.

А Чешкова «запрягала» круто. Как-то во время заготовки кормов загуляли механизаторы. Устроились на старинной барской усадьбе, на берегу тенистого пруда. Место было тихое, спокойное. Глушили неспешно «бормотушку», сигналы в пруд, раздевшись догола. Никто ведь не видит.

Новая председательша отыскала их ухоронку. Пробралась к берегу кустами, и когда очередной раз сиганули мужики в пруд, собрала всю одежду и унесла в правление. Было потом смеху по деревням, долго вспоминали, как пробирались к домам механизаторы, увешенные лопухами.

Таких вот и более серьезных, драматических стычек и конфликтов было немало. Но и успехи были. Из отстающих, убыточных начал выбираться колхоз сначала в середняки, а потом и в передовые. В 1984 году урожайность зерновых составляла уже 24 центнера с гектара, а общая рентабельность — 44 процента. В районе уже поглядывали на Чешкову как на доморощенную Малинину.

Но вслед за успехами пришла развязка. На отчетно-выборном собрании с перевесом в три голоса колхозники, что называется, прокатили своего председателя, выдвинув в качестве обвинения завышение расценок на строительстве жилья. (В последствии работники БХСС, расследуя это обвинение, не нашли сколько-нибудь серьезных нарушений).

Казалось бы, парадокс: колхозники из года в год равнодушно голосовали за председателей, безволие которых и неспособность к руководству толкали колхоз под гору, вели к развалу, и вдруг те же колхозники активно восстали против объявившегося наконец делового человека.

Разгадка, думаю, в том, что в деятельности Чешковой они увидели все те же административно-командные методы руководства, не оставляющие возможности для самостоятельного управления общественным производством. И более того — чего уж вовсе не смогли простить — посягновение на хозяйство личное, где всяк сам себе голова, хозяйство, которое, обеспечивая не только продуктами, но и деньгами, давало твердую уверенность в завтрашнем дне.

Значит ли это, что в данном случае колхозная демократия, проявившаяся таким образом, пошла не на пользу общему делу? Не будем спешить с выводами.

Мы говорили о социальной активности. Как видим, при защите личных интересов она достаточно высока.

Теперь об инициативе.

Герой «писателя» Вершинина

Деревню Сивцево, о которой шла у нас речь, с полным основанием можно отнести к неперспективным, и если уж не по планам, то по существу. А вслед за ней и деревеньку Брод, что еще дальше отстоит от центральной усадьбы колхоза «Рассвет».

Как нарочно, прикатил я в колхоз в модных заграничных ботинках, состоявших на две трети из дыр, чем вызвал основательное недоверие местного руководства. Но машину мне все-таки дали — огромный трехосный ЗИЛ-157, в кузове которого запросто можно было бы разместить хор с ор-

кестром. Этот ЗИЛ — что-то вроде персональной машины председателя в пору бездорожья. Надежный транспорт. Часа два тряслись мы по невероятно разбитым колеям и все же благополучно преодолели километров шесть до Бакланова, большого лесопунктовского поселка, тоже бесперспективного по причине «выхлестанных» в округе лесов. С чем сравнить подобную человеческую деятельность? Разве что с саранчовым нашествием. Налетела стая, отпировала, оставила после себя обезображенную землю, и снялась осваивать новые жизненные пространства.

Нечто подобное происходило и с северной деревней. Выкачали из земли плодородную силу, взамен ничего не вернули, а потом уже и сам народ выкачали большие города, народ, веками селившийся здесь, почитавший землю-кормилицу за святыню, кормивший ее плодами и себя, и тот же город. Похоже, что сегодня вовсе отступились от этих много потрудившихся за многовековую историю деревень, оставили, так сказать, на божью милость. И понятно, с каким тревожным чувством подъезжал я к Сивцеву, ожидая увидеть столь много раз виденную разруху.

Но что удивительно: никакой разрухи не было и в помине. Наоборот, повсюду в этой маленькой, в полтора десятка дворов, деревне царил хозяйский пригляд за всем, что было в самой деревушке и что ее окружало. По крутым зеленым холмам, обнесенным новыми изгородями, паслись многочисленные стада овец, лоснились упитанными боками коровы и телята, буйствовала на приусадебных участках огородная «братня», и даже кое-какие плодовые деревья прижились, выстояв перед северными морозами.

Ехал я к Анатолию Андреевичу Лобову, бывшему бригадиру Сивцевской бригады, ныне пенсионеру, главному «герою» Григория Ивановича Вершинина. Была у меня в кармане выписка из акта сельсоветской комиссии об отторжении у гражданина Лобова по заявлению гражданина Вершинина двух гектаров незаконно захваченной земли. Как раз этот незаконный захват колхозной земли и волновал меня больше всего. С подобными фактами встречаться еще не приходилось...

В сенях просторного с многочисленными пристройками дома сидел невысокий, крепенький мужичок с выпущенным подолом рубахи, в ладных лапоточках, крашенных разноцветными эмальями, и мастерил грабли. За спиной его выстроился целый ряд кос и грабель, только что вышедших из производства.

Мужичок, завидя нас — мы были с партторгом Василием

Федоровичем Некипеловым,— заулыбался, встал, отряхивая с подола пенную стружку:

— Лобов. Натолей Андреевич. Спокою не дают,— кивнул он на свежебелеющий ряд сенокосного инструмента.— Со всех деревень идут. Что ты будешь делать? Надо ведь сенокосить. По нынешней погоде на технику надежда плохая.— Он внимательно пригляделся к моему городскому виду и первым вышел на разговор, начинать который мне было все-таки неловко.— Наверно, опять какое заявление? Проходите в избу-то. К чаю.

— Непокойно стало у нас в деревне,— рассказывал он огорченно.— Раньше было душа в душу жили, а сейчас каждый друг на друга искоса смотрит. Надо бы склоку прекратить, а как? Вот, может, теперь успокоится, коль следовательно предупреждение вынес. А так, где и бумаги столько берет?

А чего тогда получилось? Покусала наша собака евонного внука. Подразнил, видать. Думал, полюбовно дело решить. И бутылку-то, грешным делом, распили, и денег ему четвертной дал, и собаку порешил.

Нет, закрутил дальше да больше. И оштрафовали меня. Ладно. Так ведь уже о взятке дело пошло: пошто четвертной дал? Подкуп! А тут еще эта земля...

Судьба у Анатолия Андреевича непростая. Вернулся с войны, остался в родной деревне, женился, дети, как водится, пошли, а кичмежане на детей щедрые... И вдруг беда, неожиданная-негаданная— погибла жена. Во время жатвы забрало в барабан молотилки. Остался один с детьми на руках. Уж как крутиться пришлось, одному богу ведомо. Велики ли доходы в те времена в колхозе-то были?

Потом во второй раз женился. Передовую трактористку взял. Вдвоем вроде полегче было семерых детей поднимать.

Валентина Алексеевна при разговоре рядом была, села на табуретку, всплакнула:

— Вот ведь и не родные, а приедут: «Мама, мама...» Ой, лихо! Двадцать три года на колеснике. Бывало, под трактором больше лежишь, чем на тракторе пашешь. Да ведь на дровах работали. Чурок подкинешь, и опять за рычаги. Да и не заработаешь ничего. Вот детки-то насмотрелись на нас да и поразъехались, кто куда. А ну-ка, все-то бы дома? Одних внуков четырнадцать. Да тут настоящий город бы был.

А батько робил? Из передовиков не выходил. Одних грамот полный ящик. А когда бригадирил, так дома паль-

цем ткнуть недосуг. Земли лишили. Не заработали будто. Все одно пропадет земля-то...

— Ой, да ну ее к бесу,—махнула она вдруг беспечно рукой.— Пусть хоть остатнюю заберут. На пенсию проживем. Не много и надо.

— Ты погоди, мать, погоди,—остановил ее хозяин,— не сбивай с линии. Тут не так вопрос надо ставить, а по-государственному.

...Выйдя на пенсию, Анатолий Андреевич присмотрел по берегу бывшую луговину, затянутую за многие годы колхозных нехваток лесом. Решил сделать чищень, чтобы не таскаться за тридевять земель на старые вырубки сенокосить, не махать косой в чертоломнах и неудобьях.

Долго ли коротко, осилил лес, раскорчевал луговину. Покос получился любо-дорого посмотреть. На корову и на овец хватит сена.

— Думал, что же земле-то пропадать! Все при деле будет. Да и у самого не столько уж сил. Лет через пять волей-неволей придется сгонять со двора корову. Пусть, думаю, колхоз, если нужно будет, пользуется сенокос. Да вот никто не надумал, как это дело по толку оформить, на законных основаниях...

Вот тут-то и подкараулил Лобова его однокоренец. Написал куда следует. Чищень у Лобова, как я уже говорил, оторгли, ничем не компенсировав его великих трудов. И кто скажет, что за судьба ждет эту отвоеванную у леса землю? Ведь уже более трети прежних колхозных угодий позарастало дурниной. Должно быть, зарастет и эта, вторично возвращенная к полезной жизни.

— Да бог с ними, с трудами,—вдыхает Лобов.— Жить ведь стает неважко, когда видишь, как лес нас захлестывает. Мы тут, как на фронте, оборону держим. Да ведь и не без пользы для государства живем, хоть и пенсионеры. У нас на шестнадцать дворов нынче около двухсот овец будет. Мы ведь всю баранину не приедем. Это тебе и мясо, и овчины. Да шесть коров по дворам. Каждая по шесть тысяч литров надоит. Опять тридцать шесть тонн молока. Вот только куда его сдавать? Никто не приедет, не заберет. А надо бы. Если подсчитать, то колхоз от каждого нашего литра мог бы копеек сорок чистой прибыли иметь, как за сдачу сверхпланового молока. Так что и делить, вроде бы, нечего: свое или колхозное. А не получается... Каждый у своего огонька греется. А если бы по-государственному ставить дело, то я за то, чтобы колхоз наши интересы отстаивал, а мы были за колхоз горой.

...Дождь, начавшийся с утра, кончился наконец, тучи подрагало, заиграл, загорелся промытыми красками удивительной красоты мир: цепи лесистых холмов с подступающими к ним разнотравными чищениями, долины, обильные родниками и речушками... «Семь верст до небес, и все лесом», — вспомнилось яшинское. Семь километров от большой дороги до деревеньки Сивцево. Всего семь...

В молодом беломошном бору, в огромной, расплеснувшейся за день и ночь луже самозабвенно плескался выбредший из-под хвойного полога медведь. ЗИЛ наш раскатило рывкнул газом, рывкнул и медведь, перевернулся через голову и исчез. Замотался в колее ЗИЛ и ухнул в отвоеванную лужу.

В широком, как эстрада, кузове его пусто громыхала, перекатываясь, мазутная бочка...

Задачи для пытливого ума

Вместе с секретарем парткома колхоза «Рассвет» Василием Федоровичем Некипеловым составили мы задачу со следующими условиями: на 1700 коров и телят колхозного поголовья ежегодно планируется заготавливать 1500 тонн сена. Ровно такое же количество его заготавливается на 360 голов крупного рогатого скота, находящегося в личном пользовании колхозников.

В первом случае сено заготавливается с использованием высокопроизводительной техники с привлечением практически всех колхозников, пенсионеров, шефов, школьников. Сенозаготовка идет под неусыпным контролем колхозного руководства, районного руководящего и контролирующего звена, и даже в области десятки всевозможных организаций глубоко озабочены тем, как пойдет эта кампания в «Рассвете». О ней пишут в газетах, говорят по радио. Однако пресловутые погодные условия из года в год становятся препятствием и по-своему корректируют колхозные планы.

До личного же сенокоса нет никому дела, кроме самого владельца коровы. Нет у него ни высокопроизводительной техники, ни химических удобрений для подкормки трав, покосы его, как правило, у черта на куличках, он не обременен заботами партнеров, в газетах о нем не пишут и с призывным словом к нему не идут. Наоборот, стараются побольше всяческих рогаток наставить. Но при всем при том сенокос владелец личной коровы заканчивает раза в два-три быстрее, чем в целом колхоз.

Спрашивается, за счет чего добивается он такой производительности?

...Однажды довелось беседовать со старой крестьянкой, которая, как мне кажется, удивительно четко определила отличие сегодняшнего времени, беспечного и сытого, от времен «прежних».

— Раньше-то,— говорила бабушка Маша,— никто к тебе не придет и не укажет, что делать и как жить. А хочешь хорошей жизни, так к ней и тянись. Нынче на каждого работника — три начальника, да каждый со своей бумажкой, со своим норовом. Вот и нет заботушки...

В этом, я думаю, и состоит разгадка той экономической задачи, которую мы составили с секретарем парткома. В основе ее принцип: «как потопал, так и полопал». В колхозе гарантированные рубли в любом случае получишь. В своем хозяйстве, чтобы на столе молоко и мясо было (на рубли их не купишь), надо попотеть, проявить собственную инициативу.

Кстати, о рубле. В целом по Кич.-Городецкому району средний сберегательный вклад на душу населения составляет более тысячи рублей. На селе он еще выше. По области же — 700 рублей. Значит, в кичмежанских колхозах и доходы выше? Но откуда, если район экономически слаб, год от года теряет свои позиции в производстве основного продукта — молока? Эта разница складывается из доходов развитого личного хозяйства и сниженного уровня потребления.

Куда девать деньги — для кичмежанина вопрос серьезный. Машины при таких дорогах не нужны, мотоциклов понакупили, цветное телевидение еще не дошло, а одного костюма на полжизни хватит... Так что интерес к рублю заметно падает. Есть над чем поломать голову экономистам, поскольку падение престижа денег может иметь серьезные последствия.

Личное подсобное хозяйство составляет сегодня основной интерес сельского жителя Кич.-Городецкого района. Отсюда его рвение: в пять часов утра уже звенят по чистням косы, ловит владелец личной коровы каждый погожий час, мобилизует городских дочек и сыновей, внуков. Они тоже завязаны на этом принципе: «как потопал». Заленишься, и останешься на зиму без деревенского топленого масла, без баранины и говядины, не будет теплых носков и свитеров. Пока живы родители, связь горожанина с деревней крепка. А что дальше? Где добывать хлеб, и кто станет его добывать, если обезлюдеют вконец огромные террито-

рши сегодняшней глубинки? Возвращаться и начинать все сначала?

Теперь об интересах государственных.

Разбираясь с жалобами, завел я разговор о деревне с начальником районного отделения милиции Николаем Васильевичем Марагаевым, недавно переведенным сюда из центрального Грязовецкого района. Рассказал он историю о том, как в первый раз отправили его в здешний колхоз ответственным за уборку зерновых.

— Зерно осыпается, а комбайнов в поле нет. Комбайнеры сено заготавливают для своих коров. Вечером иду по домам: «Чтобы завтра все в поле были!»

— Не шуми,— отвечают,— начальник. Зерно-то колхозное, а сено свое. Нам сено кормить надо. А потом мы ведь не своевольничаем, а есть специальное решение правления о предоставлении двух недель для личного сенокоса.

И вправду, назавтра приносят документ. Я не выдержал:

— Отменяю решение, как противоречащее советским законам! — грохочу.

Выехали, так жали почти до снегов. Все зерно растеряли.

Николай Васильевич высказывает свои мысли горячо, сверлит собеседника укоризненным взглядом так, что становится стыдно, словно ты и есть главный виновник колхозного развала, и хочется явиться с повинной.

— Первая и основная причина,— утверждает Марагаев,— в неумении соединить интересы личного и общественного хозяйства.

Все понимают эту зависимость. В том числе и руководство РАПО, но вопрос этот, как считает его председатель Алексеевский, не изучен.

Но не его ли и нужно в первую очередь изучать и решать? Вот всего несколько цифр. В общерайонных объемах продажи молока государству доля молока с личных подворий составляет двенадцать процентов. Полугодовой план был выполнен всего на 77 процентов, в результате чего район недобрал около 200 тонн молока. Этот недобор легко было восполнить за счет организации сбора молока у колхозников, в чьем владении находится около четырех тысяч коров. Расчеты показывают, что товарность молока личной коровы составляет в год чуть более тысячи килограммов. А ведь, как помним, дает она до шести тысяч в год.

Почти такое же положение и с мясом, выращенным в

личных хозяйствах: его количество составляет также более десяти процентов от общего объема говядины, производимой районом. Это не считая мелкого скота и свиней. Жаль, что мясо это до сих пор не идет в зачет колхозам. Если бы шло, может быть, отношения между хозяйствами общественным и личным были бы иными.

Известный экономист и писатель Геннадий Лисичкин привел как-то такой факт. При существующем положении государству сегодня невыгодно наращивать производство мяса, поскольку один килограмм говядины обходится казне в семь рублей, тогда как цена этого мяса в магазинах не превышает двух рублей.

Мясо же, произведенное в личном хозяйстве, практически не требует государственных затрат, а закупается у населения по цене в пределах двух рублей за килограмм. Если учесть еще кооперативные надбавки, то получается государству от личного хозяйства прямая выгода. И немалая.

Стоит этот вопрос изучения и решения.

Как соединить!

Кичмежане — народ корневой. Вот и в «Рассвете» пришлого народа раз-два и обчелся. На весь огромный колхоз десяток фамилий: Некипеловы, Черняевы, Рябевы... Родственники?

— Да если разобраться в корнях, так, наверное, кругом родня,— довольно отвечает Василий Федорович Некипелов.— У нас ведь как раньше было: семеро детей — самая рядовая семья. Да и сейчас вроде бы грех жаловаться, три ребенка — минимум. У меня у самого четверо.

Вечером я видел всю немалую семью Некипелова в сборе. Давно не сидел за таким обширным семейным столом. Два сына, две дочки-двойняшки. В школу осенью собираются.

— Вот к труду начал приучать,— похвастал парторг.— Спрашиваю: «Корова нужна?»

— Нужна,— отвечают.

— Пасты будете?

— Будем.

Полшестого каждое утро на ногах, и косить уже помогают.

— А как в других семьях? — спросил я Некипелова.

— Ничего не скажешь, народ трудолюбивый.

— На своем?

— На своем,— отвечал парторг.— Ну и на обществен-

ном, конечно. У нас народ еще не так набалован, как в других хозяйствах.

...В семь утра районное селекторное совещание. В колхозную диспетчерскую по эфиру доносятся грозные раскаты из района. Мужики понуро выслушивают наставления, рекомендации, простуженно покашливают. Многие уже с утра успели намахаться косами.

— Ни одно хозяйство не укладывается в график! Немедленно приложить все усилия! — требует рация. За окном снова мелкий и нудный дождь.

— Мы и сами знаем, что косить надо. А вон возьми ты его за рупь двадцать, — сокрушался позднее председатель колхоза Симон Степанович Некипелов. — Поливает и поливает.

— Но ведь для себя-то накосят. Вручную, — снова встрял я со своей темой.

— Накосят, — уверенно отвечал председатель. — Ночи спать не будут.

— Вот бы так на колхозном! Да с вашей техникой! Горы бы можно было свернуть?

Симон Степанович грустно вздохнул.

— Так ведь, наверное, можно сделать, чтобы и на колхозном, как на своем. Можно, например, механизаторам выделять оговоренную часть сена в зависимости от объема колхозных заготовок, от личного вклада каждого.

Можно и дальше пойти. Взять, например, деревню Брод. Там у вас на откорме сто голов телят. Подберите хорошую семью, дайте им гектаров пятьдесят земли, трактор, технику прицепную и заключайте договор. Определяете фонд заработной платы при таком-то и таком выходе продукции. При выполнении договорных обязательств какую-то часть сверхплановой, скажем, двадцать пять — пятьдесят процентов, семья может взять себе. Пусть они ее как хотят используют: съедят, на базар свезут или государству сдадут. Тогда сразу исчезнет деление: это — мое, а это — колхозное. Противоречия-то между общественным производством и личным сами собой разрешатся.

— А что? — загорелся Симон Степанович. — А ведь хорошо может получиться. — Он тут же принялся подсчитывать что-то в уме. — Есть у нас такие семьи, и немало. Да люди бы у меня такой договор с руками и ногами бы оторвали.

Он воодушевлялся все более, прикидывая перспективы семейного подряда, отыскивая все новые и новые достоинства его.

— Если б так, то и молодежь бы не уезжала. Раз у семьи свое дело, так разве родители отпускают. Самы за себя думать будут, что и как сеять, как вспахать, в ножки специалистам будут кланяться: «Научите, как дело вести!»

Однако воодушевление Симона Степановича быстро прошло.

— Не позволят в районе,— сказал он убито.

— Это почему?

— Частную собственность, скажут, культивируешь. БХСС затаскает. Теперь с этим строго. Вон пленум по нетрудовым доходам в районе прошел. Строжили да строжили. А какие у нас нетрудовые доходы? Ты подумай. Не дадут,— ответил решительно.

Тут уж я не выдержал, загорячился:

— Да как же так, Симон Степанович! Ведь в решениях партии черным по белому написано о развитии семейных подрядов. Это вопрос не только экономический, но и социальный. И в колхозе непременно должны быть рекомендации по его организации.

— Разве? — удивился Некипелов. — Нет, такой бумаги к нам не приходило. Всяких других много, а этой нет.

...Вечером я разыскал проекты типовых договоров по семейному подряду у экономистов РАПО, просил их выслать в «Рассвет» Некипелову. Тут же позвонил ему:

— Проявляйте инициативу, Симон Степанович! РАПО не против договоров.

Некипелов осторожно обещал, я уверенно обещал приехать и написать о будущем семейном подряде.

Возвращался в Вологду с областной комиссией по проверке заготовки кормов в районе, которая должна была повлиять на ее темпы, но так и уехала ни с чем.

Небо было чистым. Под крылом тянулись отроги Северных увалов. Минуты две полета, и все реже попадаются деревеньки на взгорках, вот уже не видать ни одной крыши, ни трубы, лишь открываются в тайге маленькие полянки — чистенько со свежеставленными стогами.

И вот тут-то я поймал себя на мысли, что я тоже учил председателя «с чем и как ему есть свою кашу». И это в то время, когда в области начинался экономический эксперимент, давший руководителям большие возможности для проявления самостоятельности. Что же, выходит, они не поняли вкуса ее? Или им попросту этой самостоятельности не дали?

О БЛИЖНЕЙ КОПЕЙКЕ И ДАЛЬНОМ РУБЛЕ

...Помните старую сказку про мужика, что на базаре лошадь покупал? Лошадь-то он купил, да на корову выменял, корову — на козу, козу — на берестяной гудок. Идет домой, в гудок погуживает и сам удивляется: а была ли лошадь?

А пришла эта сказка па ум в уборочную страду лета 1986, когда всю жатву от начала до конца провел в одном хозяйстве, наблюдая за ходом уборочных работ. И цель была соответствующая: на примере одного хозяйства разобратся, как велики потери урожая, отчего они происходят, да не тот ли самый «берестяной гудок» остается в закромах после «битвы» за урожай. И почему?

Оснований для такого предположения было более чем достаточно. Каждый сезон средства массовой информации, народные контролеры, комсомольские «прожектористы» и прочие заинтересованные ведомства начинают громкую кампанию по борьбе с потерями. Проверяющих и контролирующих лиц в это время в деревне достаточно, но, как утверждают специалисты, потерь от этого меньше не становится.

Лихой кавалерийской атакой прокатит проверка по колхозным полям, прошумит короткой грозой в верхах, порой вернется наказанием в месячный оклад руководителю, и опять все стихает. До новой проверки, которая будет вскрывать все те же недостатки из года в год. А что еще? Виновные наказаны, «галочки» в отчетах проставлены, цифры сбереженного народного добра с пресловутого чиновного «потолка» перекочевали в информации...

Тем же летом подобная проверочная лихорадка накатила на совхоз «Любомировский» Шекснинского района. Словно сговорившись, ехали в хозяйство бригады госпознадзора, санэпидстанции, рыбоохраны... Составляли акты по открытым нарушениям, определяли суммы штрафов. В итоге за июль чистый заработок директора совхоза составил девяносто копеек.

— Вот и правильно,— скажут некоторые,— так и надо! Не нарушай, хозяйствуй рачительно. Знай, недреманное око района все видит.

— Так-то оно так. Да только какая уж там рачительность из-под палки? Скорее приспособленчество.

Вот бы удивился крестьянин-единоличник, если бы к нему перед уборочной понаехало проверяющих:

— А ну, покажь, ладно ли телегу загерметизировал?

— Да что вы, мужики, с ума посходили?— отвечал бы крестьянин.— Или вам делать нечего? Что я, враг себе какой? Я — хозяин.

Колхоз — тот же хозяин на земле. Только коллективный. И тоже, надо думать, не враг себе. Тогда почему же за ним нужен глаз да глаз (и не без оснований)? Вот это уже вопрос. Решим его — нужда в проверяющих и контролирующих отпадет сама по себе.

С такими примерно мыслями и отправился я в начале уборки в колхоз «Угла» Шекснинского района.

«Угла» получила свое название по реке Угле, что петляет среди холмов, отыскивая дорогу к полноводной Шексне. Места здесь — залюбуешься. Привольные поля чередуются с поросшими лесом холмами, те — с ложбинами, полными звонких родников, деревеньки на взгорках в косынках березовых крон, к которым вплотную подступают разливы доспевающих хлебов. Взлетишь на холм и долго стоишь, зачарованный открывающимися вплоть до далекого Череповца горизонтами.

«Угла» — хозяйство, по здешним меркам, средней руки. Со средними посевными площадями, средней урожайностью, то есть такое, каких у нас большинство, какие и определяют уровень нашего сельского хозяйства.

Надо сказать, что уровень развития самого Шекснинского района достаточно высок. Это пригородный район, на перекрестке больших дорог. С одной стороны — Вологда, с другой — Череповец, что дает свои преимущества: и строить легче, и шефы недалеко.

В 1985 году, хотя и условия были далеко не благоприятные, по району получен урожай зерновых в двадцать с лишним центнеров, что на четыре центнера выше среднеобластного показателя.

Итак, колхоз «Угла», четверг, 22 августа. Официально это был четвертый день уборки, фактически — первый. Начиная с понедельника, жатва велась урывками, отдельными комбайнами, поэтому хозяйство оказалось в районной сводке в нижней половине.

Сегодня в поле три «Нивы» убирают раннеспелый ячмень «Отра». Первые намолоты показывают урожайность 19 центнеров с гектара. Немного. Ожидали большего.

К обеду на поле приезжает главный агроном колхоза Руфина Ивановна Губина. Прошлась по стерне, отмечая потери. Заметно нервничает. Шесть комбайнов все еще стоят в мастерской на ремонте и доводке. Инженерная служба запаздывает, а ячмень уже осыпается.

вяти. Три «Нивы» по-прежнему стояли в мастерских. Только-только выехал и Мухин-старший. На новой, недавно поступившей в хозяйство «Ниве». Так что ему будет нелегко «достать» ушедшего далеко вперед сына на стареньком комбайне. Спробуйте, почему? Ведь комбайн-то у Виктора Михайловича новый, плюс опыт. Но в том-то и дело, что комбайн новый.

— Чистое решето, причем неуправляемое,— горько посоветовал на свой агрегат Мухин.— Собирали его в Сельхозтехнике, после этого я еще две недели из-под него не вылезал. А чтобы его до ума довести, надо еще месяца полтора. Вот в таком состоянии присылают нам технику наши партнеры.

Александр Андреевич Веселов. Звеньевой. Его мы нашли в мастерских. Он удрученно держал в руках тягу жатки — длинный болт с резьбой, на который навернуть гайку было делом невозможным. Заводской брак. Он стал перечислять другие заводские дефекты, и оказалось, что комбайн можно хоть сейчас ставить на капитальный ремонт.

— Бьюсь уже две недели, а конца не видно.

— Так может статься, что и вообще не выедете в поле до белых мух?

— Все может быть. Буквально каждый узел приходится перебирать, переделывать, заменять деталями со старых комбайнов. У нас теперь новые комбайны дают комбайнерам не в награду, а в наказание...

Леонид Макарович Лин. Вылез из-под комбайна, протянул, предварительно вытерев о штаны, замасленную руку. Что-то было знакомое в его широком, быстроглазом, веселом лице.

— А не с пятого ли вы автобусного вологодского маршрута водитель будете?

— Точно так! — отчеканил по-солдатски Лин. — Горожанин. А вообще-то я целинник, потомственный хлебороб. Это мое самое любимое дело — убирать хлеб. Вот и езжу сюда седьмой сезон. Да и морально ответственность чувствуешь, каждый день хлеб в магазине берешь, знаешь, как нелегко он достается, знаешь, что и рук в деревне не хватает. Вот и едешь.

Каждую уборочную Леонид Макарович в этом хозяйстве, терпит неудобства, к которым в городе не привык, питается кое-как, неделю просидел на рыбных консервах. Ни сварить, ни умыться. В колхоз его вызвали нынче теле-

граммой, а вот о человеческих условиях не позаботились. Странно даже.

— Вы не подумайте, что я жалуюсь на руководство,— убеждал Лин.— А все-таки обидно. Тапочки вот привез, чтобы вечером по-человечески отдохнуть. А там хоть в сапогах спи.

Назавтра Леонид Макарович собирался вывести в поле комбайн. Больше недели не отходил от него, стараясь привести в рабочее состояние. Жатка побывала в капитальном ремонте в Сельхозтехнике.

— Вот обратите внимание,— словно музейную экспозицию представлял Лин.— Привод наклонной камеры был оборван. Пришлось менять. Погнут вариатор жатки. Выбросил кронштейн. Выбросил вал наклонной камеры. Крепления привода перекошены, сама жатка совершенно гнилая. И так далее.

Леонид Макарович вновь ныряет под комбайн, чтобы поскорее запустить его в дело, выполнить работу, за которую уже получили деньги слесари, мастера, инженеры Кадниковской Сельхозтехники. Со спокойным ли сердцем спят они по ночам, выпустив заведомый брак, ибо им, специалистам, не ведать, что делают их руки, невозможно. Знают они и то, что никнут сейчас к земле колосья, теряя час от часу свою силу, но утром со спокойной совестью пойдут покупать на обманом заработанные деньги незаработанный хлеб.

Впрочем, обвиняя работников сельскохозяйственного машиностроения и Сельхозтехники, нельзя не увидеть и вину самих земледельцев: что это за страдательная обреченность принимать все, что ни пришлют? Не эта ли соглашательская позиция позволяет произрастать в сознании машиностроителей и партнеров из Сельхозтехники мысли о вседозволенности: мол, для деревни сойдет.

Как часто инженерная служба предъявляет юридически оформленные претензии той же Сельхозтехнике? Не предъявляет, опасаясь ее всемогущества, и рождает все большее ее засилье. Закон, он разве не для всех писан? И отступив от него раз, не воспользовавшись им, объяснив это моментом, ситуацией, разве мы не даем повода нарушать его и в другой раз, подрывая при этом авторитет закона?

Такая вот круговая зацикленность порождает безответственность во всех звеньях, когда найти виноватого не представляется возможным. Сельхозтехника будет кивать на министерства, министерства — на ведомства, земледелец же, видя, как осыпается хлеб, постарается оправдать

себя грехами партнеров, не прилагая сколько-нибудь решительных усилий для искоренения зла, поскольку у него есть свои грехи, а их можно под шумок свалить на соседа.

...Однако страстная моя филиппика, обращенная к механизаторам и руководителям, кажется, до их сердца не дошла, не возгорелось жаркое пламя самокритики. И только Леонид Макарович позже поддержал:

— Какие-то они безмятежные, что ли. Тут нужно во все колокола звонить, во все инстанции стучаться. Ведь это же хлеб!

...Хлеб. Что может быть безнравственнее, когда выращенный с таким трудом, он осыпается на корню. И что опять же странно, с кем ни говоришь, каждый в общем-то искренне озабочен его судьбой. Это на словах. А на деле?

Благие помыслы остаются лишь помыслами, а реальность управляет экономический стимул. Каков он?

Как-то председатель лучшего в районе колхоза имени Кирова Вениамин Павлович Логинов рассказал мне такую историю. В их хозяйстве два трактора «кировца». Но мощная техника, способная увеличить производительность труда, не радует. Не обеспечены они прицепным инвентарем.

— Что же тогда мне на них песни возить, что ли?— откровенно ругался Логинов.— Вот приходят мне в колхоз два широкозахватных плуга. Рады. Начинают механизаторы собирать, неделю бьются, а толку нет. Заводской брак. На станинах отверстия смещены.

— Рекламацию?— заикнулся было я.

— Бесплезно!— отрубил Логинов. Областная Сельхозтехника, еще не получив эти плуги, перечислила деньги заводу-изготовителю. Это раз. Второе, представь: мы пошлем станины на завод в Одессу, они нам через полгода новые пошлют. И опять, может быть, бракованные. Шкурка выделки не стоит.

— Тогда надо ужесточать контроль.

— За каждым контролера не поставишь, а если и поставишь, то и к этому контролеру контролер потребуется. Так у нас одни контролеры будут, а кто работать станет?

— Что же тогда делать?

— Совершенствовать экономический механизм. Чтобы они свою зависимость от наших урожаев чувствовали. А пока что мы живем по принципу, противоречащему экономическим законам: «ближняя копейка дороже дальнего рубля».

К разговору о «ближней копейке» и «дальнем рубле» хочется привести такой вот факт.

Сейчас в хозяйствах нашей страны находится 300 тысяч мощных тракторов марки К-700 и Т-150. Из-за нехватки прицепного инвентаря каждый трактор используется только 180 дней в году. А день простоя его обходится государству в 75 рублей. Прикинем сумму убытков: 4 миллиарда 60 миллионов рублей ежегодно. Вот во что обходится «ведомственная копеечка» «государственному рублю».

...Вечером идем к Лину. Ему выделили койку в недостроенном коттедже, которых в Больше-Ивановском — центральной усадьбе колхоза — уже целая улица. Вместе с Лином живут шабашники. В их половине пол черен, как гумно, на колченогом столике остатки трапез: рыбные консервы, банка с окурками, пустые бутылки, всюду раскидана грязная рабочая одежда.

Лин брезгливо морщится: «Ханыги». Он словно черту проводит, отделяя их от себя. В комнатке его подметено. На стене на плечиках — выходной костюм, у кровати — тапочки. Бритва и зеркало на окне.

Откуда у Лина, рабочего человека, неприятие к этим людям? Ведь они тоже работяги, на их руках такие же мозоли. Ведь в конечном-то итоге и Лин приехал в колхоз зарабатывать деньги. Только ли потому, что они развели свинарник в своем жилище?

— Наша автоколонна раньше над этим колхозом шествовала. Вот приехали как-то на сенокос, — рассказывает Леонид Макарович. Белорусский говор его темпераментен, напорист. — До обеда сено на волокуши грузили. Сели обедать, видим, колхозные механизаторы в сторонке под кусточком устроились. После обеда работать надо. Но что такое? Наши трактористы из-за рычагов выпадают. Бригадир чуть не ревет. Пришлось за трактор сесть.

Потом мне и говорят:

— Может, ты и на комбайне можешь?

— А как же!

Вот с тех пор каждую жатву. Веришь ли, автобус по городу веду, а сам про колхоз думаю. Как там у них? Бензовоз дали новый или нет? Ведь ему уже, поди, скоро двадцать лет. Или думаешь: отсеялись-то хоть вовремя ли? Как там урожай?

Давно уже все колхозное своим стало.

А места здесь — не насмотришься. А воздух? А рыбы в речке! Все жену агитирую: давай, поедем насовсем. Домик дадут. Корову заведем, кабанчика. Все еще сомневается. Квартиру жалко.

— Слушай, — вдруг резко меняет тему Лин. — А ты не

можешь в районе насчет бензовоза похлопотать? Ведь опять простои начнутся. Горючее-то за тридцать верст возить приходится. И запасов нет.

Выбить бензовоз в районе мне было не под силу. Но я понял тогда, почему Лин так резко отделяет себя от шабашников. Те едут сюда урвать, выхватить, а после них хоть трава не расти. Сляпали дом, стоит и ладно. Лишь бы при них не развалился. Пользуются моментом, ведь у многих хозяйств хозспособ — единственная возможность строиться. Кроме того, шабашник несет в деревню и нравственное расстройство: настроения рвачества и халтуры. Ведь у шабашника тоже своя «ближняя копеечка», которой нет дела до государственного рубля.

Для Лина экономика колхоза — не пустой звук. Перед его глазами пример более четкой организации дела на городском предприятии, поэтому он не потерял веры в возможность поправить колхозные дела.

...Темный августовский вечер опустился на Больше-Ивановское. Но деревня не спала. Трещали по дорогам и улицам мотоциклы, тракторы, автомашины. Где-то слышались громкие голоса, пение. В колхозе постоянно жили городские шефы. И это волновало колхозную молодежь, где в основном парни, а девочек совсем мало.

Ближе к ночи между мужской половиной городских шефов и деревенскими механизаторами вспыхнула драка. И это событие высветило еще один аспект социальных проблем села: демографический.

27 августа. В поле семь комбайнов из девяти. Назавтра ожидают выезда Веселова. Электрооборудование на его комбайне так и не «задышало», но тратить еще время на ремонт нового комбайна больше никак нельзя, поскольку обстановка с каждым днем становится все тревожнее и тревожнее. Не только пшеница, но уже и овес отливает спелой желтизной. Еще дней пять, и зерно «потечет» из колосьев. Поэтому Веселов решается выезжать.

Его ждут. За это время самый молодой комбайнер Саша Мухин ушел уже далеко вперед. 120 тонн зерна на его счету. «Достать» его как лидера могут теперь лишь такие «асы», как Мухин-старший или Веселов. Но вот смогут ли? Наверное, зазорно будет опытнейшим комбайнерам, если молодой парнишка «утрет им нос». А ведь так оно и будет...

Наконец-то жатва набирает темп. Но и уборка сложная. Перегоны до пятнадцати километров, спуски, подъемы, лесные дороги. В поле камни мешают. Глядишь, то один,

то другой комбайн подбито отползает к кромке поля на прикол. Эх, знать бы где упасть! Вот когда приходят светлые мысли, что и камни с полей убирать надо, а не опахивать их. Хорошо бы если эти мысли да еще в дело воплотить. Прихватил я на поле тяжелый камень и вытащил к обочине. Потом самому стыдно стало, обернулся на механизаторов — не смеются ли? А впрочем, чего тут смешного, ведь сам же писал, что каждый камень на поле при урожайности в сорок центнеров приносит хозяйству убыток в сорок рублей. Пусть в «Угле» урожайность в два раза меньше, убытки-то все-равно немалые...

На поле мы приехали со старшим инспектором семенной станции Лией Михайловной Кудряшовой. Наметанный глаз ее сразу же отметил недостаток. У одного из комбайнов была слишком высоко поднята жатка. Срез шел где-то на метр от земли. И в этой высокой стерне то тут, то там видны скошенные, но неподобренные жаткой колосья.

Чей же это комбайн? Определить не удалось. Видимо, заметив нас, недобросовестный комбайнер сразу же опустил жатку. После нашего приезда вся стерня была ровной. Но как пойдет дело, когда мы уедем?

Об этом факте говорили с председателем колхоза. Ведь что же получается? Звено работает по бригадному подряду, значит, за качеством уборки должен следить каждый комбайнер, не позволять халтурить своему товарищу. А здесь, видимо, механизм подряда не устоялся, не дошло до сознания, что недобросовестный труд отразится и на твоём кармане. Опять же принцип «ближней копейки».

Решаем на следующий день совместно с агрономом, председателем и экономистом провести эксперимент. Обсчитать потери, которые приносит такая вот небрежная работа, и с учетом всех экономических параметров определить, что же теряют колхоз, звено и каждый механизатор лично, оставив на квадратном метре поля, скажем, тридцать колосков.

29 августа. Комбайнер Евгений Николаевич Кунин потерял в этот день «трояк». А может быть, и всю пятерку. Не считал. Да в общем-то и не заметил.

Потерю обнаружила колхозный экономист Нина Морозова. И не только «трояк» своего соседа по деревне, но и трешники всех остальных семи комбайнеров, работавших в тот день на уборке ржи. В общей сложности почти четвертной. Но это лишь те деньги, которые вывалились из кармана уборочного звена, у колхозного же кармана проеха оказалась куда шире.

Поле озимой ржи по данным агрономической службы обозначено стопроцентной полегlostью. Действительно, для уборки оно трудное. Если на него посмотреть издали, кажется, будто здесь рассыпаны очень большие горшки. Сплошь холмы. Комбайны крутятся по ним, как в цирковом представлении.

Мы прошлись с Ниной по склонам и вершинам холмов, сокрушенно отмечая потери. Целые острова приникшей к земле ржи, не попавшие под ножи жаток. Последний прокос тянулся к комбайну Евгения Николаевича Кунина, опытного комбайнера. Следом шел комбайн Виктора Михайловича Мухина — нашего старого знакомого.

Он поприветствовал нас из кабины и, опустив жатку почти до самой земли, медленно двигаясь то вперед, то назад, чисто, до последнего колоска пробрил полегший участок. Минута — и комбайн уже на скорости взбирался на холм.

Нина побежала догонять Кунина.

— Дядя Женя, как же так?

Кунин досадливо морщился:

— А я говорю, жатка не возьмет.

— Но ведь Мухин-то смог!

— У него не та полегlostь...

Каждый остался при своем мнении. Вспомнили о бригадном подряде, конечном результате, надбавках за урожайность.

И снова комбайнер досадливо отмахнулся:

— Какой подряд? То так сделают, то этак. Ничего не поймешь. Мне бункеры нужны. С бункера и получаю.

...Чужие деньги считать не принято. Но пока комбайнерский кошелек в цифрах и выкладках лежит в тетрадах экономистов, думаю, заглянуть в него не грешно.

При стопроцентной полегlostи хлебов сдельная оплата составляла один рубль 17 копеек за тонну зерна. Намолотил 100 тонн — получи 117 рублей. Это оплата на сегодняшний день. Но в том-то все и дело, что в конце года за каждую тонну собранного зерна при выполнении договора звено дополнительно получает шесть рублей 77 копеек. По оценке специалистов потери в тот день составляли где-то десятую часть, не считая потерь, которых немало из-за плохой герметизации комбайнов.

За день звено намолотило 40 тонн зерна, то есть потери составили четыре тонны. Отбросим десятые на усушку и очистку и получим тот самый утерьянный четвертной. Это

при самых приблизительных расчетах. За рядовой день, которых у звена будет еще немало.

И, глядя на желтые островки оставшейся в поле ржи, приходишь к выводу, что механизаторы не поняли сути бригадного подряда. Экономическая служба здесь явно недоработала. Большую часть расчетов, определение биологической урожайности мне приходилось делать самому. Благо, отправляясь в колхоз, запаса сельскохозяйственными справочниками. В колхозе же такие расчеты не практиковались.

Нина Морозова, экономист по заработной плате, пришла в хозяйство после института нынешней весной. Понятно, многого не успела сделать. Но хочется верить, что со временем из нее получится толковый специалист, на которых в последнее время колхозу не везло.

Дорогой она озабоченно спрашивала:

— Почему же это опытные комбайнеры так мало занимаются рационализацией, не проявляют инициативы?

Ответ, наверное, прост. Пока они считают деньги только в своем кошельке, не связывая их количество с количеством в колхозном.

...Итоги этих подсчетов были опубликованы в областной молодежной газете. На следующий день газета пошла по рукам. Вооружаясь карандашами, механизаторы проверяли расчеты, скребли затылки:

— Все верно написано,— подытожил Евгений Николаевич Кунин и призадумался, что-то откладывая в своей голове.— Обиды нет.

В то раннее утро по приглашению газеты в мастерские приехали вологодские поэты Сергей Чухин и Борис Чулков. Звучали стихи о судьбах родных деревень, об ответственности за землю-кормилицу, о сыновьем долге перед малой родиной.

Дело не в погоде, мужики,
Ладили же мы, бывало, с нею,
Просто стали будни коротки,
Просто стали праздники длиннее...

Внимательно и задумчиво слушали механизаторы взволнованное поэтическое слово. Отец и сын Мухины, Леонид Макарович Лин, Геннадий Геннадьевич Смирнов, молодые механизаторы...

Вроде все науки превзошли,
Все, как есть, до постиженья чуда.
А спросить: хозяева земли,
Все-таки безхозная откуда?

Заключилась короткая встреча, отзвучали стихи, разошлись по своим машинам механизаторы. В поле пора, время не ждет, торопит.

Секретарь парткома Римма Александровна Лебедева подошла с благодарностью:

— У механизаторов настрой на работу хороший появился. Даже злость на себя. Хорошая злость. Ведь работать-то они умеют, да еще как.

Однако боевой настрой продолжался недолго. У запра-вочной станции, словно стадо у пересохшего источника, безмолвно сгрудились комбайны, машины, трактора. Горючего не было. Прошел час, второй... Техника стояла.

Старый, допотопный бензовоз, как и предрекал Лин, подвел. Переходящего запаса горючего не было. Какой запас, когда на день едва-едва успевает он навозить солярки.

По решению штаба по уборке урожая на время страды колхозу должна была предоставить бензовоз автоколонна 1116 из Вологды. Должна, но решения не выполнила. Затянулись пустые переговоры, проволочки, неразбериха. Автоколонна явно игнорировала решение областного органа, но председатель колхоза все же надеялся получить машину хотя бы к концу уборки, звонил и звонил в город.

И много раз придется ему надрывать голос, связываясь с организациями, которые должны были оказать помощь в уборке.

Потребуются машины для перевозки зерна на Вологодскую хлебобазу. Их должны будут предоставить работники Сельхозтранса. Предоставят, но «забастуют» шоферы из этой организации: будем работать, если гарантируете груз в оба конца. Но где колхозу обеспечить их загруженность? Машины покинули хозяйство на второй день, и вернуть их так и не удалось.

А между тем сроки по сдаче зерна государству самые жесткие. За них спрашивают больше, чем за гибель урожая. Это положение возмущает не только колхозных руководителей, но и районных.

Какой смысл устанавливать столь ранние сроки? Сегодня каждое хозяйство имеет хорошо оборудованные места хранения зерна. Примите его на местах, чтобы осенью, когда отойдет многодежье, когда свезут на льнозавод тресту и соломку, когда освободится транспорт, спокойно доставить хлеб в государственные закрома. Тем более что через некоторое время фуражное зерно тем же путем повезут с хлебобазы обратно в хозяйства.

Нет. Здравый смысл никак не восторжествует. Уже параграф начинает диктовать свою волю экономике. Работы накладываются одна на другую, стопорятся, урожай пропадает, теряет свои качества, но параграф неумолим. Видимо тот, кто произвел его на свет, тоже пекся о своей «ближней копеечке».

...Безмолвно стояли у заправки комбайны и трактора. Поэтам и механизаторам было стыдно смотреть в глаза друг другу.

31 августа. Уборку сдерживают зернотоки. Мощностей их достаточно, чтобы переработать и большее количество зерна, не хватает подсобных рабочих, поэтому работы организованы лишь в одну смену. Это явное упущение инженерной службы колхоза. В «Угле» немало технически грамотных, талантливых людей. Взять хотя бы тех же Мухиных, отца и сына. Ведь сконструировали они для своего приусадебного участка мини-трактор, этакого конька-горбунка. Замечательно работает. Или же известного всей области механика-самородка Ивана Ивановича Попова, про которого в шутку говорят, что может из велосипеда телевизор сделать. Его работы по реконструкции и механизации сушильного хозяйства используются во многих хозяйствах области. Воистину, нет пророка в своем отечестве.

1 сентября. Не успел появиться дома, как телефонный звонок из района снова позвал в дорогу. В «Угле» произошла трагедия. Ночью под колесами тракторной тележки погиб молодой колхозник Николай Смирнов.

Накануне из колхоза направили в Шексну машину за продуктами для магазина. Вместо продуктов работники райпотребсоюза распорядились загрузить машину выгодным для торговли дешевым портвейном. Райпотребсоюзу нужен был товароборот, интересы же хозяйства его меньше всего интересовали. Та же самая ведомственность, та же самая забота о своей, ведомственной, копейке.

Услуга оказалась поистине медвежьей. До этого по деревням упорно ходили слухи, что с первого сентября на два месяца будет установлен сухой закон,— пока не закончится уборка.

Слухи, конечно, не подтвердились, но вызвали нездоровый ажиотаж. И когда в колхоз прибыла машина, доверху наполненная «бормотухой», событие это всколыхнуло деревню. Мгновенно у магазина выросла очередь, в которой были и механизаторы, и животноводы, и разнорабочие, и пенсионеры.

Николай Смирнов объявил своим товарищам:

— Пью в последний раз. Завтра — «сухой закон».

Ночью в пьяном угаре он вывалился из тележки под колеса. Под утро его не стало.

Я пытался говорить с руководителями районной торговли об ответственности за происшедшее. Увы, на меня смотрели непонимающе удивленными глазами.

...Земледелец, строитель, слесарь, продавец, служащий ведомства... Чьи же интересы первичны? Наверное, двух мнений не может быть. Ибо зачем и жернова, если молоть нечего...

25 сентября. Продолжается уборка семенников многолетних трав. Уборка зерновых закончена. Урожайность составила 10 центнеров с гектара. Чем не «берестяной гудок», если «изначальная лошадь» тянула на все двадцать пять?

Постскриптум. Не будем завершать эту хронику на минорной ноте. После того как была закончена уборка и подведены итоги хозяйственного года, в колхозе «Угла» по инициативе газеты «Вологодский комсомолец» состоялся сельский сход, на котором, кроме непосредственных участников жатвы — механизаторов, были руководители хозяйства, специалисты, интеллигенция села, приехали представители шефствующих организаций.

Серьезный и откровенный состоялся разговор.

— В нашем хозяйстве, — с горечью говорил комбайнер Виктор Михайлович Мухин, — много механизаторов, много специалистов, а вот отношение к делу не у всех одинаковое. А ведь в нашем деле нужно работать так, чтобы надежда была на каждого. Вот тогда и работа получится.

— Да разве не стыдно нам, — спрашивал он сидящих в зале, — получать урожайность в 10 центнеров, когда у соседей по двадцать—тридцать? Ну чем мы-то хуже?

— Я так думаю, — подвел он итог, — на большинстве наших площадей можно уже на будущий год резко повысить сборы зерна. Давайте, постараемся. Что нужно для этого? Отвечаю.

Первое: поменьше «спать». Уже сейчас готовить технику к уборке, тщательно готовить, чтобы не налаживать, как нынче, в поле.

Второе: вывезти всю органику на поля. Вон сколько ее скопилось у ферм.

Третье: больше надо работать экономистам, к людям им нужно идти, надо учиться всем считать и деньги, и время.

— Верно,— поддержал его слесарь-наладчик Сергей Стариков. А если говорить об организации, то честно скажу, что она меня не устраивает. Да и не только меня. Работал я в городе на троллейбусе, так там каждую минуту учитывают. А здесь я даже будильника не завожу. Приду в девять ли, в десять ли в мастерскую — никому дела нет. Надоело. Работать, так работать. Чтобы результат был.

...Поздним вечером, когда закончился разговор, механизаторы подошли ко мне.

— Приезжайте к нам на следующий год на уборку. Недостатки скрывать не будем. Но, думаем, что и хорошего посмотреть найдется.

С радостью принял это предложение. Это уже прогресс, что растет в «Угле» неудовлетворенность существующим положением дел. И этот поворот в психологии земледельца, надо заметить, определился во многих хозяйствах области. И способствовал ему прежде всего бригадный подряд, определяющий конкретные цели, конкретную ответственность, конкретный материальный стимул, когда уже не сиюминутная выгода начинает определять отношение к делу, а более широкий, перспективный интерес.

Бригадный подряд должен обострить, высветить противоречия между ведомственной «копейкой» и государственным «рублем». И если сегодня механизатор еще не понял до конца вкуса работы на конечный результат, то в этом в большинстве случаев оказались повинны службы управления, снабжения, экономического анализа.

Постановление ЦК КПСС о перестройке структуры управления сельским хозяйством как раз и направлено на преодоление ведомственных интересов, на подчинение их единой задаче.

И это решение с большим интересом и надеждами было принято в хозяйствах Шекснинского района.

...Первое заседание совета Шекснинского РАПО. Вопросы самые насущные и животрепещущие. О подчинении Сельхозтехники интересам хозяйств, о слиянии и подчинении совету РАПО сельских строительных организаций. О планировании снизу, о расширении прав руководителей хозяйств.

С большими надеждами смотрит сельское хозяйство в будущее. С надеждами и вполне понятными тревогами. Поскольку еще многие ведомства тормозят выполнение этих решений, продолжают цепляться за отживший и несостоятельный принцип «ведомственной копейки».

1986

ДУМАЙ, ХОЗЯИН, ДУМАЙ!

И вот год спустя снова я на полях «Углы». Однако к началу жатвы, как ни рассчитывал, а опоздал. На 12 августа здесь была уже убрана пятая часть всех зерновых. Факт отрадней, если сравнивать с печальной памяти страдой прошлогодней. На эту пору тогда многие угольские механизаторы только начинали ремонтировать уборочную технику, другие и вовсе скрывались от председателя по задворкам да перелескам, не в состоянии расстаться с приворожившей их белоголовой.

Деревня постепенно освобождается от непосильного для нее бремени пьянства. Тут сказались и административные меры, и регламентация продажи водки, и общий противополицейский настрой в стране.

Деревня облегченно вздохнула, вдохнули даже самые записные пьяницы, в кои-то веки увидавшие белый свет на трезвую голову. Призадумалась деревня, в двери и окна большие перемены стучались: беззаботные времена, когда независимо от того, вырастет урожай или нет, будет убран или под снег уйдет, а деньги все равно в карман попадут, уходили в прошлое — и, призадумавшись, стала считать.

Почему в прошлом году до таких результатов докатились — ясно. Но нынче-то? И отсеялись вроде бы вовремя, и технику к уборке подготовили в срок, и поля удобрили, а первые результаты прикинули — недалеко вперед уехали. Те же тринадцать-четыренадцать центнеров! Когда расчет был на двадцать пять...

Это-то обстоятельство и стало источником первого конфликта.

12 августа уборочное звено в буквальном смысле забастовало. Комбайны были выставлены на кромке поля в самое золотое для уборки время. И вместо рокота техники раздавались над хлебной нивой возбужденные голоса. Ждали, когда придет вызванный с утра первый секретарь райкома партии Владимир Дмитриевич Бухонин.

Кому же предъявили механизаторы счет за низкую урожайность?

Еще в школе члены кормозаготовительного звена, перебившие впоследствии на комбайны, поставили нечто вроде ультиматума председателю колхоза: если не будет сформировано другое звено, занимавшееся в колхозе улучшением земель, то они откажутся от работы. Дело в том, что в сжатые сроки требовалось закончить заготовку кормов, чтобы тщательно подготовиться к уборочной, а для

этого нужны были дополнительные люди и техника. Кор- мозаготовители посчитали, что они заняты более серьезной работой, чем мелиораторы. Более того, руководителю мелиораторов агроному Виноградову было предъявлено серьезное обвинение в спекуляции лесом, от которого освобождались старопахотные земли, в завышении расценок.

В колхоз по горячим следам выехала авторитетная комиссия, но она не обнаружила ни приписок, ни спекуляции. Но на этом инцидент исчерпан не был.

С новой силой он вспыхнул в те августовские дни, когда механизаторы не нашли на полях планируемой урожайности. Поля-то были как раз из тех, что приводили в порядок мелиораторы.

— Мы тут в пеньках запинаемся, бабочек по полям мотвилами гоняем впустую, а они кое-как поковыряют землю, бросят весь хлам — и подай каждому по шестьсот рублей! — кричали комбайнеры.

Как выяснилось позднее, таких денег мелиораторы не получали: в среднем месяц приносил им около двухсот семидесяти рублей. Сумма, конечно, немалая. Но ведь и у лидера «оппозиции», звеньевого уборочного звена Веселова он выходил далеко за триста.

— А пеньки, а урожайность в тринадцать центнеров! — не сдавались комбайнеры.

— Мелиоративное звено, действительно, слишком велико. Оно стало обузой для колхоза, — поддерживала комбайнеров секретарь парткома Р. А. Лебедева. — Надо его сократить, а высвободившихся механизаторов направить на уборку и другие хозяйственные работы. Нужно не угождать расширять, а повышать их плодородие. Разве партия не об этом говорит?

Агроном-мелиоратор Вениамин Николаевич Виноградов, устав от обвинений, свалившихся на него в последнее время, еле сдержался:

— И Москва не сразу строилась! Вы поймите, что требуется время, чтобы из почвы вышли древесные остатки, чтобы к земле плодородная сила вернулась! Ведь сколько лет она нашей заботы не видела! А вы о перспективе-то подумали?

За спиной Виноградова обиженно гудели механизаторы из его звена:

— Да если вы сегодня наше звено растащите, то что завтра с этой земли возьмете? И десяти центнеров не будет.

Мелиоративное звено было детищем бывшего председа-

теля, а теперь колхозного мелиоратора Виноградова. Сформировано оно было в 1984 году. Начинали с одного трактора, дошли до четырнадцати. Технику дали колхозу мелиораторы, людей собирал сам Виноградов. С народом, конечно, было трудно. Ведь с колхозного производства, где и так каждая пара рук на вес золота, не снимешь. Шли в звено в основном те, кто из колхоза был исключен за непригодностью, да те, с кем администрация и правление отчаялись толк дать. Короче говоря, подобралась «бригада ух, работаем до двух». Но Виноградов сумел навести порядок, заинтересовать людей, поставив оплату на аккорд. И звено колхозных мелиораторов вдруг показало такую работу, что из области люди за опытом поехали. За три года было приведено в порядок и передано колхозу 1300 гектаров брошенной пашни. Заканчивались работы еще на двухстах. В сумме это почти половина всех земельных угодий колхоза.

Ну, а если рассматривать эту работу с экономической стороны? Тут вообще сплошные плюсы и колхозу, и государству.

Чтобы привести в порядок гектар колхозной земли силами доморожденных мелиораторов, требуется всего 300 рублей. Районные же мелиораторы затрачивают три тысячи. Времени затрачивают больше, а качество хуже. Потому что не свое, и деньги тоже не свои, а выделенные государством. А тут они колхозными становятся, поскольку экономия остается в колхозной кассе. Ежегодно тысяч пятьдесят набегают, которые можно использовать на другие нужды и нехватки.

Нет. Не зря воевал Виноградов за свое звено.

— Наша цель,— уже поостыв и успокоясь, говорил он,— за счет улучшения плодородия создать к девяностому году базу для получения на всех площадях урожайности не менее тридцати центнеров. Вы посмотрите, как мы наращиваем из года в год вывозку органики. В первый год внесли по пять тонн компостов на гектар, в прошлом — по 10, а нынче — по 18! Так о чем шумим, братьцы?

А на следующий день комбайнеры уже выехали на другое поле, на котором в первую очередь три года назад была проведена мелиорация виноградовским звеном: расчищен кустарник, края выровнены, земля заправлена компостом.

Под ветром колыхалась тяжело палитая доспевающая рожь.

— Сколько будет?— задиристо спрашивал Виноградов у мужиков и в первую очередь у председателя.

Мужики досадливо крикали, а Рогулин, подумав, ответил:

— Тридцать. Не меньше.— Потом встрепенулся:— Да ты меня-то не агитируй. Я за ваше звено обеими руками. И мужики все поняли...

К концу уборочной средняя урожайность в «Угле» составила 19 центнеров. Против десяти прошлогодних. Однако почти двойное увеличение сбора особого удовлетворения не принесло.

— Мало,— огорченно вздыхал председатель.— Можно было и двадцать пять взять. Но сушильное хозяйство подкачало.

— А не боишься, что комбайнеры устроят тебе как руководителю спрос? Они ведь теперь не за гектарами гонятся, а урожай прежде всего считают.

— Все было,— отвечал Рогулин.— Правда, у меня было что и ответить. Новую сушилку заканчиваем. Пробили.

...Неудовлетворенность. Сегодня ее можно отнести к разряду достижений. Недовольны малым урожаем сами земледельцы, специалисты, руководители, недовольны и в районном агропроме. Зимой 1987 года «Углу» частенько ругали на совещаниях и планерках. И что характерно: там не защищались, не отругивались, а ругались сами. Спорили для пользы дела, хотя на первых порах не всегда этот спор был продуктивен.

Спорили и спорят сейчас не только в «Угле», но и в других хозяйствах района. Пастухи и доярки, зоотехники и агрономы, механизаторы и механики...

И причиной тому прежде всего новые экономические условия, в которых оказались как целые коллективы, так и отдельные работники.

Еще год назад малая урожайность в «Угле» мало кого волновала. Теперь же, когда смысл бригадного подряда нашел реальное воплощение в собственном кошельке, все чаще колхозники оглядываются на конечный результат общественного производства.

...Четыре-пять лет тому назад у начальника Шекснинского районного управления сельского хозяйства В. Ф. Муравьева вызрела эта беспокойная мысль: поставить дело так, чтобы подчинить конечному общему результату деятельность всех организаций, призванных обслуживать колхозы и совхозы. Более того, дав самостоятельность хозяйствам в планировании структуры посевов, поставить в за-

висимость от выхода продукции все сельскохозяйственные службы, начиная от специалистов хозяйств, кончая специалистами и руководителями самого района.

Эта идея впоследствии совпала с экономическим экспериментом, который в течение двух последних лет шел по всей области.

Трудностей было немало. Прежде всего требовалось воспитать у людей любовь к арифметическому счету, экономическому анализу.

Как это ни парадоксально звучит, но оказалось, что экономика села, о которой, кажется, только и разговоров, давно уже находится в роли несчастной, позаброшенной женихами, бесприданницы.

С началом эксперимента экономическая служба РАПО надумала провести нечто вроде экзамена для руководителей хозяйств. Подготовили билеты с несложными вопросами, пригласили председателей и директоров и предложили тянуть наугад.

Эффект напоминал взрыв бомбы среди всеобщей умиротворенности. Уважаемые, признанные лидеры хозяйств самым беспомощным образом «заплавали» в элементарных понятиях себестоимости, самоокупаемости, рентабельности...

Единственным, кому комиссия сочла возможным поставить «отлично», оказался начальник молочного комплекса из колхоза «Шексна» Александр Федорович Сямичев. Задумались: почему именно он оказался экономически подкованным? Все было просто. На его комплексе животноводы уже не первый год работали по бригадному подряду, и это обстоятельство волей-неволей заставляло руководителей и специалистов комплекса штудировать учебники по экономике, а потом уже применять полученные знания на практике.

Можно себе представить, как ворочались ночью от уязвленного самолюбия оконфузившиеся заслуженные «преды», смиряя гордыню. Ведь даже при миллионных доходах факт экономической запущенности в хозяйствах оказался налицо.

Требовался новый экономический «кликбез». И не для галочки в отчете, а на живом деле, на практике.

Семь хозяйств района отважились на риск. Появились на свет договоры, по которым вся оплата труда специалистов должна производиться за реализацию продукции и рассчитываться с учетом ее качественных показателей.

В других же хозяйствах так далеко не зашли, поосте-

реглись, но и там постарались учесть эту зависимость. Специалист стал получать 80 процентов аванса, остальные же 20 он мог получить лишь в том случае, если доведенные планы на его отрасль были выполнены.

Похоже, что непробиваемому равнодушию и благодушию на полях и фермах подходил конец.

Хозрасчетный день в колхозе «Шексна». Идут жаркие споры. Начальник животноводческого комплекса выдвигает претензии начальнику цеха растениеводства Южаковой, упрекая Галину Григорьевну в том, что по ее вине колхоз недополучил столько-то тонн молока.

— Как так?— вспыхивает Южакова.

— Я могу доказать это с цифрами в руках,— спокойно отвечает Сямичев.— Качество кормов плохое.

Конечно, Южаковой не нравится такая позиция животноводов. Она защищает интересы своего цеха:

— При чем тут корма? Вы посмотрите, у вас одна корова дает по три тысячи литров, а другая все четыре. А корма-то одинаковые. В животноводах дело! Я вашей претензии не принимаю.

Тогда в спор включаются арбитры:

— Качество кормов, действительно, невысокое. Если бы было наоборот, тогда бы корова, что сегодня дает три тысячи, могла бы дать все шесть... Это генетика.

Претензию приходится принимать, а вслед за этим считать недополученные колхозом деньги, думать о том, как повышать качество сенажа и силоса.

На первых порах, наслушавшись таких вот горячих дебатов, признаться честно, думал: и зачем это людям все нужно? Только хлопот прибавляется, а заработки остаются по сути те же, что и раньше.

Оказывается, не только деньгами можно измерять труд. Или, точнее сказать, деньги тогда могут быть истинным мериллом труда, когда ими оплачивается *овеществленный* труд. И это не только экономическая категория, но и нравственная. Деньги, за которыми нет *качественного* продукта, перестают удовлетворять крестьянина. Что ж, факт отрядный.

На оплату по конечному результату — уже районом произведенной продукции — перешли и работники РАПО. Что примечательно, Виктор Иванович Смирнов, старый шофер, много лет возивший работников управления сельского хозяйства по району, наслушавшись всех этих разговоров и споров об эксперименте, конечном результате, прикинув что-то для себя, принес вдруг в бухгалтерию за-

явление с просьбой перевести и его на новую систему оплаты.

Специалисты удивились такому решению. Но Смирнов, благодушно посмеиваясь, отвечал:

— От меня тоже многое зависит. На твердом-то окладе не ко всякому полю подъедешь. А теперь у меня свой интерес, чтобы специалист на каждом побывал.

...Мы живем в мире взаимосвязанном.

Вспоминается одна маленькая, но о многом говорящая картинка. Несколько лет назад довелось мне присутствовать на областном совещании льноводов. С трибуны обрушивался поток цифр и фактов, характеризующих положение в этой отрасли. Каждый из выступающих — будь то директор льнозавода, представитель льнокомбината, руководитель крупного льносеющего хозяйства — резко критиковал своих партнеров, защищая честь мундира. Совещание напоминало несыгранный оркестр, где каждый инструмент ведет свою партию, нисколько не прислушиваясь к партнеру.

На улице стояла июльская жара, от которой плавился городской асфальт, плавилась в своих синтетических костюмах руководители льноводческих хозяйств и перерабатывающих предприятий. Плавился и я в вологодской рубашке, фабричная бирка которой гласила: «Льна — 30 процентов, нитрона — 70».

Жизнь постоянно проверяет на прочность нашу взаимосвязь. И чего стоит, скажем, собранная из многих крепчайших звеньев цепь, если в ней одно малейшее звено окажется с изъяном. Потому-то, наверное, и нет смысла говорить об укреплении отдельного звена, все они должны быть равноценно прочными.

Таким вот звеном с изъяном и был в Шекснинском районе льнозавод. Достаточно будет сказать, что мощности его были задействованы процентов на сорок, в то время как хозяйства не знали, куда деться с трестой и льно-соломкой.

И вот произошло слияние интересов льноводов и льнопереработчиков, произошло под крышей агропрома. Что же оказалось? Тот самый льнозавод, на который каждую осень ополчались руководители района, работники инспекций по закупкам и качеству сельской продукции, считая его колхозным грабителем, наживающимся на бедах льноводов, тот самый соперник, который в заготовительный сезон нужно обойти любыми путями, правыми и не совсем, заставить принять некачественную продукцию, оказался

под надежной защитой агропрома. Теперь уже острее критики разворачивалось против льноводов: сырье у вас засоренное, невылежавшееся, низкого качества и т. д. Да и самим льноводам какой прок стал в том, чтобы сбыть никуда не годную льносоломку? Ведь теперь их оплата стала находиться в зависимости от выхода льноволокна с завода!

А раз так, то и льнозаводские беды оказались бедами общими, совладать с которыми можно лишь всем миром.

Уходит постепенно в прошлое недавняя, засевавшая у всех в зубах тяжба между сельскими партнерами, складывается обстановка взаимного понимания.

Такой, например, факт. Колхозники едут из своих деревень для оказания шефской помощи льнозаводу. На его территории колхоз строит шехи для складирования своего сырья, чтобы не испортилось, пока очередь дойдет. Ведь если потом с завода выйдет брак, то и колхоз пострадает.

То есть тенденция ориентироваться не на промежуточный результат, а на итог конечный явно определилась в новых условиях. Так что давайте надеяться, что в ближайшее время проценты на фабричных бирках вологодских швейных изделий поменяются местами. Льна, скажем, — 70, а штрона — 30.

Конечно, написать столь оптимистическую фразу легко, на деле же процесс перестройки полон новых и новых проблем, над которыми постоянно приходится ломать голову каждому, кто по-настоящему служит делу, а не размахивает лозунгами.

Приезжают, скажем, работники Шекнинского РАПО на Потанинскую ферму колхоза «Пример», и видят, как слесарь фермы, который раньше и пальцем бы не пошевелил, если дело не касалось его узких обязанностей, моет бидоны, старательно процеживает молоко, стирает марлю, ведет учет. Значит, заинтересован в том, чтобы лишнего человека не держать, чтобы молоко обходилось дешевле, а качество его было выше...

Но повременим кричать громкое «ура». За всеми положительными фактами нельзя не заметить и отрицательных явлений. Бригадный подряд ведет и к обезличиванию труда, к снижению естественного человеческого стремления к лидерству. А ведь это мощный стимул, двигатель производства. Зачем, спрашивается, при общем котле доярке Марии Ивановне работать лучше, чем трудится Дарья Петровна? Ведь этого старания никому не оценит, поскольку зценка будет выдана всему коллективу?

Этот вопрос я задал Римме Ивановне Остужиной, заместителю председателя Шекснинского РАПО по экономике. Но прежде чем привести ее ответ, должен сказать несколько слов о ней самой. У нас уже давно сформировалось представление об экономистах как бумажных душах, перекладывающих день-деньской бумажки из одной папки в другую. Однако с Риммой Ивановной мне чаще доводилось встречаться в командировках — то в поле, то в мастерских у механизаторов, то на льнозаводе.

Мне кажется, что она как раз и есть из того нужного нам подвижнического типа экономистов, горячо влюбленных в свое дело, мыслящих остро и проблемно.

— Да,— отвечала Римма Ивановна,— мы эту опасность почувствовали сразу, думаем, как уйти от нее. Ищем возможность сделать так, чтобы и внутри бригадного подряда человек мог проявить себя, чтобы была возможность его заметить и отметить.

В животноводстве такую возможность нашли. Это регулярные контрольные дойки. Но вот как определить критерии в оценке личного труда в полеводстве, где подряд внедряется на всем севообороте?

— Я уверена, что и в этом случае противоречие разрешимо. Просто всем нам нужно крепко над этой проблемой задуматься...— сказала Римма Ивановна, но как-то неуверенно.

— Похоже, все-таки не получается так, чтобы думали все?

— Вот именно, не получается. Вы посмотрите, сколько у нас в хозяйствах специалистов со средним и высшим образованием? Человек под тридцать—сорок в каждом. А получается так, что разрабатывать и внедрять бригадный подряд приходится в большинстве случаев нам, специалистам РАПО, районной экономической службе.— На сей раз в голосе Остужиной я заметил обиженные нотки.— В хозяйстве сидит экономист, получает 300 рублей, а из района едет человек, чтобы выполнить его работу. Каково?

— Это, наверное, потому, что за многие годы они привыкли, что все решения спускают сверху, все разжуют, укажут.— поддержал я Остужину.— Вот привычка и срabатывает. Кроме того, весь район можно представить как огромный бригадный подряд, где на первых порах можно и за чужой спиной отсидеться. Тем более, что ваши службы дублируют одна другую. Так?

— Пока так. Но и здесь должен сработать механизм

экономического закона. Если ты не работаешь, значит лишний в этом механизме.

— Лишние специалисты?— удивился я.— Да ведь только и разговоров-то, что их не хватает...

— Это от неумения работать,— остановила меня Остужина.— А я вижу идеальными отношения такие. Человек, непосредственный исполнитель того или иного процесса, идет к специалисту за помощью: помоги, научи, рассчитай. Так и ко мне, допустим, обращаться должен колхоз с просьбой: рассчитайте и помогите нам внедрить бригадный подряд. Мы заключаем договор, а при достижении экономического эффекта, которому способствовала моя работа, я получаю обговоренное вознаграждение. Правильно? А далее пусть уж колхоз смотрит: нужны ли ему свои специалисты или содержать их накладно. Думай, председатель, думай, колхозный народ...

...Как-то зимой 1987 года разговаривали мы с председателем колхоза «Угла» Николаем Васильевичем Рогулиным.

— Как вы думаете,— спрашивал я его,— отчего так непопулярны стали в последнее десятилетие различные диаграммы роста? Раньше-то в кабинетах председателей каких только диаграмм не висело. Худо ли иметь, например, такую диаграмму по росту урожайности в колхозе за десять лет. Или даже за всю историю колхоза. Поучительно, наглядно, на размышления наводит...

Николай Васильевич глубоко вздохнул и полез в нижний ящик стола. Покопавшись, извлек потрепанную папку:

— Вот погляди, сразу все поймешь.

Первыми мне попались цифры по продуктивности коров. Сначала я их просто выписывал, а потом не удержался и стал чертить диаграмму с 1965 года по 1986 год.

Картина получалась прямо-таки рериховская: вздымающаяся вверх скала от подошвы 1965 года к вершине трехтысячного рубежа вплоть до 1974 года, и резко открывающаяся пропасть, уходящая ниже отметки начальной, затем выступами с восемьдесят первого начинается новый подъем со своими, но уже не столь головокружительными пропастями. Уровень восемьдесят шестого года приходился на уровень двадцатилетней давности.

Примерно та же самая картина получалась и с урожайностью зерновых.

Значит, двадцать лет практически не дали никаких результатов? Более того, я проанализировал рост продук-

тивности скота в целом по району. Диаграмма районная мало чем отличалась от колхозной. Но провалов в ней было больше, наверное, потому, что каждое хозяйство «проваливалось» по молоку в разные года.

— Давайте-ка, Николай Васильевич, подумаем вместе, что все-таки означают эти «Гималаи»,— предложил я Рогулину, подвигая к нему диаграмму.

— Мне, конечно, трудно судить о прошлом. Я председатель молодой. Но давайте, подумаем,— согласился он.— Вот дополнительные данные. Надой на корову сейчас составляет 2200 с хвостиком. В колхозе 970 коров, обеспеченность кормами — 70 процентов. Нагрузка на доярку — 60 коров. Резерва кадров нет, с подменными туго.

— А сколько коров было двадцать лет назад?

— Значительно меньше. 643 головы. Примерно с 1974 года поголовье начинает увеличиваться, а продуктивность падать. К началу восьмидесятых численность коров достигает тысячи, надой в это время не превышает полутора тысяч килограммов.

— Так, может быть, тут и «зарыта собака»? Причины падения в экстенсивном, если говорить по-научному, ведении хозяйства,— выдвигаю я свое предположение.

— Нет, тут комплекс проблем,— возражает Рогулин.

— Но должна быть главная, за которую следует потянуть, чтобы распутать весь клубок.

— Наверное, это нехватка кадров. Настоящих, подготовленных. И не только животноводов, но и специалистов. Это самый настоящий бич, редко какое хозяйство не страдает...

...В этом месте я позволю себе сделать отступление и совершить небольшой экскурс в историю кадровой проблемы животноводства.

На протяжении десятилетий не сходит со страниц наших газет боевой лозунг «Животноводство — ударное дело молодежи». Ежегодно Вологодская областная комсомольская организация направляет в эту отрасль по комсомольским путевкам в среднем до шестисот человек. Однако побед на животноводческом фронте не густо. И уж если применять военную терминологию, то ситуацию можно определить как «глубокую оборону».

Не избаловали своим вниманием сельские ребята и девчонки фермы и комплексы. По-прежнему средний возраст животноводов недалек от пенсионного. Но посмотрите, сколько усилий было приложено для того, чтобы решить

эту проблему. Каких только рецептов на этот счет не было, каких начинаний?!

Делали ставку на комсомольско-молодежные фермы, направляли в животноводство целые классы во главе с классными руководителями, строили общежития для молодых доярок, заключали договоры с выпускниками школ, выплачивая им солидные подъемные, предоставляли самые выгодные условия, искали решение в строительстве крупных высокомеханизированных комплексов... Но спросите сегодня не только Рогулина, но руководителя самого передового в этом отношении хозяйства, где есть и комплексы с полной механизацией, и благоустроенное жилье, и прочий культурно-бытовой сервис, и даже асфальт на улицах: решена ли там кадровая проблема животноводства? Не уверен, что вам дадут положительный ответ. По крайней мере, я таких хозяйств не видел.

Тогда в чем же дело? Вывод может быть только один: не там искали.

Как часто за привычными лозунгами, формулами мы перестаем замечать существо дела. Путаем причины со следствиями, врачуем не больного, а болезнь. А в это время истина лежит где-то рядом, однако привычный стереотип мышления не позволяет ее разглядеть.

Одним из таких стереотипов, как мне кажется, стало всеобщее мнение о якобы острой нехватке кадров в той или иной сфере нашего производства.

Но что такое кадровый дефицит в условиях плановой системы? Ведь совершенно очевидно, что кадров у нас столько, сколько есть. Ни больше ни меньше. Совершенно очевидно, что мы не можем подстраивать людские ресурсы под потребности производства. Но почему же сплошь и рядом поступаем именно так, искусственно создавая кадровый дефицит, занимаемся перепроизводством рабочих мест? А это происходит от того, что многие годы наша экономика была ориентирована на экстенсивный, затратный способ производства.

И если мы сегодня говорим о нехватке кадров в животноводстве, то скажите, в какой сфере хозяйствования находятся эти потенциальные животноводы? Да у нас ни на одном производстве не признаются, что у них есть лишние люди. Наоборот, пожалуются на нехватку кадров. А в большинстве случаев на острую.

Значит, здесь требуется иная постановка вопроса. Например, не доярок у нас не хватает, а коров лишка.

Из книжки тезисов Полтавской научно-философской

конференции, проходившей в ноябре 1986 года, я взял некоторый цифровой материал. И он как раз подтверждает эту мысль. Сегодня в нашей стране имеется более 40 миллионов коров с годовым удоем в 2400 килограммов. В то же время в США всего 10 миллионов с надоями в 5600. За тридцать последних лет мы вдвое увеличили поголовье скота, лишь незначительно подняв его продуктивность. В Штатах за эти же годы сократили поголовье скота вдвое и в два с половиной раза увеличили надой. Вот откуда, как мне кажется, идут многие наши проблемы.

Но вернемся к беседе с Рогулиным. Экономический эксперимент дал сегодня руководителям возможность самим определять и численность скота, и посевные площади. Важна лишь контрольная цифра по продаже государству тех или иных продуктов. Потому-то я и рискнул нарисовать перед председателем радужную картину процветания животноводства в его хозяйстве.

— Сократив поголовье никуда негодных коров, можно без каких-либо материальных затрат улучшить условия содержания перспективных, дать им надлежащий уход (шестьдесят коров на доярку в ваших условиях — куда это годится!) дать им недостающие корма, которых сегодня не хватает еще и потому, что велико поголовье. Высвободятся рабочие руки, труд доярки станет более привлекательным, результативным, творческим... Себестоимость резко упадет!

Рогулин кивал головой, соглашаясь.

— Племенной работой займетесь наконец!

Председатель расцветал на глазах.

— Контрольные дойки, индивидуальное кормление... — расписывал я, вдохновляясь сам.

Но тут Рогулин развел руками.

— Ничего из этого пока не выйдет, — отвечал он хмуро. — Понимаешь, кадров нет. Специалистов. За три года три зоотехника сменилось.

Разговор наш возвращался на круги своя. И я уже начал было все сначала, но председатель остановил.

— Да я понимаю все это. А хочешь, по секрету скажу: не приучены мы к самостоятельности. Вот начнем каждый по-своему работать да блудиться... наворочаем черт-те что, а как это на государственных масштабах отразится? Вот ночь-то и крутишься... Думаешь, на кой она тебе, эта самостоятельность. Уж лучше бы все сверху сказали.

— Не приучены, — он глубоко вздохнул. — Теперь вот привыкать надо. Сверху нажимают: проявляйте самостоятельность.

...Но тут рогулинская откровенность была решительным образом прервана. Двери в кабинет распахнулись, и на пороге явилась тщедушная фигура в фуфайке, новых, еще не обмятых валенках, лихо заломленной на затылок шапке:

— Я на вас управу найду, бюрократы вы в ботах!— тут же подал голос мужичок лет сорока на вид. Глаза его сверкали задиристо.— Или ты, Рогулин, порядок наводи в своей бухгалтерии, или я на вас в суд подам!

— Стой, стой, стой!— поднял руки Рогулин, пытаясь остановить этот словесный поток.— Давай по порядку.

— По порядку? А никакого порядка-то и нет. Вот что я скажу. С ноября к вам хожу, прошу, требую: оформляйте мне семейный подряд! Одними обещаниями кормят. В отчетах двор на семейном подряде числится, а где договор? Мне договор нужен, договор!— Мужичок, наконец, успокоился и присел к столу.— Я хочу точно от «а» до «я» знать: в чем мои обязанности, где они начинаются, где кончаются. Вот я вырастил 100 голов телят, взвесили их на дворе на наших весах. Чем не весы? Клейменные. Бригадир вес записала. Я сдал колхозу продукцию? Сдал. Погрузил? Погрузил. Должен ли отвечать за потери в дороге? На мясокомбинате? Не должен. А с меня за них дерут...

— Ну, ты не волнуйся,— успокаивал его Рогулин.— На правлении разберемся. Я думаю, ты не должен платить.

— Ты мне договор давай,— не сдавался мужичок.— Чтобы я точно знал: фонд зарплаты, какие и за что надбавки, чтобы мог свои расходы по откормочнику планировать. Мне самостоятельность нужна. Вот.

Рогулин обещал «нажать» на экономистов, поторопить их с расчетами. Но у «воителя» это был не последний вопрос. Были претензии по кормозапарнику, который не подготовлен к работе, по электрооборудованию, по кормам... И опять же все эти проблемы укладывались в рамки договора. И опять Рогулин обещал «нажать».

Боевого мужичка звали Иваном Николаевичем Киселевым. Вдвоем с женой они взяли на откорм 160 бычков. Двор повый, вроде бы неплохой, загорелись желанием работать на подряде. Идея исходила от Ивана.

— У нас еще вся жизнь впереди. Двадцать два года до пенсии. Вот и захотелось поработать по-настоящему, по-хозяйски.

— Я ведь раньше как жил,— рассказывал он доверительно.— Не жил, а существовал. Где меня только ни носило, каких специальностей в руках только нет. И столяр, и электрик, и тракторист, и шофер, и крановщик... всего не

перечтешь. Техникум сельскохозяйственный закончил. И нигде не поработалось. В нашем колхозе дважды принимался работать, по Сибири гоняло, на стане «2000» в Череповце был, на льнозаводе... Здесь вот в третий раз оказался. И отовсюду меня гнали. Потому что пил. Вот два года назад последний раз вызвали на административную комиссию и чехвостят на чем свет стоит. И тут мне так стало себя жаль. Думаю, что я бесталанный какой, в щепках, что ли, найденный? Этак-то позориться... А из-за чего? Из-за какого такого удовольствия? Только и есть, что голова болит, да в рожу тебе только что не плюют. И тогда решаю: все! Как решил, так и сделал. И никому не поверю, что бросить нельзя. У меня и жена, чего греха таить, бывало, не пропустит случая, и ей заказал. Только теперь и жить начали... Вот жалко, детей у нас с Алевтиной нет,— сокрушался он.— Не получилось. А то ли бы дело полной семьей на подряде! Уж тут можно дело поставить. Сейчас у нас третьим-то дядька. Ночами дежурит.

Он настойчиво принялся зазывать нас с Рогулиным на свою ферму. Отказать не могли, хотя и поджимало обоих время.

— Я об этом семейном подряде все передумал,— рассказывал доробгой Иван.— Бывало, ночи с женой беседуешь, что да как лучше сделать. Заказали бы колхозу отдельную траншейку под силос. Уж я бы сам проконтролировал механизаторов, чтобы корм получился самолучший. И мне хорошо, и мужикам за качество надбавки, и колхозу прямая выгода. Опять же у меня каждая копейка была бы учтена: зачем, скажем, вызывать электрика, выписывать ему чек на работу, транспорт гонять? Я и сам могу сделать. И по столярному, и по слесарному... Тракторок бы маленький. И сена заготовить, и подкоски зеленой привезти. Опять же всем выгодно.

— А как народ принимает ваши начинания?— спросил я Ивана.

— Народ-то?— он призадумался.— Старики, так те ухмыляются. Мол, давай, давай... Всякого бывало. И это было, да сплыло. Те, кто помоложе, с интересом. Я так верю, что все у меня получится. И договор пробую. Слышишь, председатель? Вот с конторскими у меня война. Как-то не выдержал, заматюкался. Ага! Оскорбление личности! На административную комиссию! Штраф! Ну, ничего. Была бы для дела польза...

На обратном пути заехали мы с Рогулиным на молоч-

ную ферму. Скотники и слесари встретили нас угрюмо. Молодой парень, оставив вилы, набычился.

— Ну, что ты, право...— примирительно сказал председатель.

— Все. Решил. Уволюсь. Ни тебе выходных, ни проходных, пашешь, как проклятый.

— Ну, ты погоди малость,— уговаривал Рогулин.— Вот летом целую улицу новых домов будем сдавать. Напечатаем объявления в газетах, приедут люди. И нам полегче станет...

Парень ничего не ответил. Но по виду было понятно, что его решительности уволиться не убавилось.

Всю обратную дорогу председатель молчал. Раздумья его были нелегки. И еще о многом ему предстоит задуматься, от многого отрешиться, на многое решиться...

* * *

Наконец-то подвели итоги первого года экономического эксперимента. С нетерпением залез я в вороха отчетов, отыскивая прежде всего не блиставшую видными успехами «Углу». Что там? Не открылась ли в экономической диаграмме новая пропасть? Итог оказался довольно радостным. По сравнению с предыдущим годом, производство продукции в общем объеме возросло на 13,3 процента. В первом случае затраты на производство ее составляли 1 миллион 428 тысяч рублей, во втором — 1 миллион 260 тысяч. Значит, при росте производства расходы снижаются. А в этом как раз и есть цель эксперимента. Значит, мало-помалу люди учатся хозяйствовать, учатся думать, считать свой рубль и рубль государственный.

И еще один интересный факт отыскал я в этих отчетах: по семейной ферме Ивана Николаевича Киселева суточные привесы составляли 760 граммов на каждого теленка, в целом же по колхозу — 360...

1986—1987

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

I

...За дворами деревни на старом покосе, заросшем багулой и дягилем, ивняком да ольшаником, в середине лета поселился медведь. Пришел он, видимо, с Долгого Бора,

где житье лесному зверю спокойное, но не больно сытое в этот год было. Ни Бор, ни Васькинское болото, ни сам Большой Лакомец ягод не уродили.

Поначалу медведь с опаской осваивал новые места. Границ не метил, таился. Пугал его близкий грохот машин на дороге, лай собак, людской говор и пыльное облако над лесом, полное резких тревожных запахов.

Но приволье было здесь замечательное. У деревень золотился овес, на вырубках буйствовала молодая малина, шатрами стояли муравейники. Редкий отпускник, забредший на вырубки, спешил повернуть обратно, едва заметив медвежьи следы. И даже собаки, первое время трусливо облаивавшие лес, смирились с его присутствием.

Осмелел мишка, разлеился. Истоптал малинники, разворошил муравейники, разграбил осиные гнезда. Набив за ночь сладким овсом брюхо, уже не прятался по чащобам, а, едва перевалив кусты, падал в густые заросли травы, спал.

В старые времена здесь, по берегу ручья, был общий деревенский капустник («Экие коченья накатывали!»), потом — стан косарей («До тридцати стогов ставили»). И, кажется, совсем недавно отступились люди от этих мест, но как быстро одичали заливные луговины, захлебнулись буйством некоси и дурнины.

Вот на этот капустник и положил свою мохнатую лапу Михайло Потапыч. Возомнил себя набольшим хозяином: не пахал, не сеял, а урожай снимал.

Как-то среди бела дня оседлал на краю поля рябину, а мужики, что готовили травяную муку из клевера, вышли покурить из-под навеса, увидели «гостя», заругались: «Экий прохвост, того и гляди, в колхозное правление затешется!»

Медведь с рябины скатился, рыкнул, но не убежал. Встал в позу, ногой затопал, на драку вызывал. Плюнули мужики, ушли к своему агрегату. А что поделаешь? Ни ружей, ни лицензии...

Я заезжал тогда в деревню и о медвежьих проделках наслушался вдоволь. Сам ходил на капустник, однако аудиенции Михайлы Потапыча не удостоился, о чем, признаться, не сожалею. Но медвежьи заметы и лежбища видел на каждом шагу и, кажется, чувствовал затылком его взгляд. Нехороший был взгляд, тяжелый и презрительный.

...Август выдался прямо-таки замечательный. Солнце поднималось из Заосека в пламенно-багровой дымке, дни

рождались сухие и безросные. Природа словно возвращала нерастратенное за дождливый июнь тепло. «Погода на лодыря работает»,— говорили по деревьям старики. Но, увы...

На дверях конторы шекснинского колхоза имени Калинина увидел я листок бумаги с типографским заголовком «Тревога».

«На 17 августа,— гласил он,— из 300 гектаров озимых в колхозе засеяно всего шесть, хотя лучшие сроки сева — до 20 августа». Причин такой нерасторопности указано здесь не было. Может быть, загуляли механизаторы? Или руководство не сумело четко организовать работы? Или же Сельхозтехника подвела? Ни то и ни другое. Подобное положение при самых благоприятных условиях складывалось в большинстве хозяйств Шекснинского района.

Дело было в том, что сев озимых вели по только что освобожденным от урожая полям, когда еще не отлежавшаяся, не успевшая набрать новых сил земля должна была снова принимать семена и давать жизнь новому урожаю. Работы по посеву и уборке накладывались одна на другую, причем уборка затягивалась, как обычно, затягивая и сев. Паров же в хозяйствах не было, и совсем не по той причине, что сегодня кто-то не понимает их пользы и значения, а не было их из-за нехватки земли: пашни, лугов, сенокосов...

Выгоревший листок «тревоги» был прямым свидетельством забытых, брошенных угодий, заросших дурниной и мелколесьем.

II

На следующий день с председателем совета Шекснинского РАПО Валентином Федоровичем Муравьевым мы колесили по колхозным проселкам.

Дорога через речку Углу взбирается на высокий угор и дальше, словно стрела, пронзает поля, лес и снова поля. Отличная гравийная дорога. Десять минут — десять километров. И вот уже показались густые придорожные аллеи на въезде в деревню, посаженные лет тридцать тому назад учениками и учителями бывшей Потеряевской школы.

Вместе с новой дорогой пришла в Потеряево мелиорация. Мощная техника снесла перелески, разделявшие поля, и теперь сразу с дороги, взбирающейся перед выездом из леса на высокий косогор, открываются неоглядные просторы. Маленькой божьей коровкой кажется ползущий за де-

ревней желтый ДТ, речка из широкой в устье своем превращается в тонкую нить.

Муравьев хозяйским взглядом окидывает панораму и не скрывает радости как человек дела, когда дело это после многих трудностей и трений начинает продвигаться, радуется и своим видом приглашает радоваться вместе с ним. Он то и дело отрывает от баранки сильные руки, энергично жестикулирует.

— Ты посмотри, какая ширь! Украина. А-а?

Трудно быть рядом с Муравьевым и не заразиться его энергией и энтузиазмом, которые буквально кипят и клопочут в нем. Мне очень симпатична его глубокая вера в необходимость перестройки села на индустриальный лад, в правоту действий, в светлый день завтрашней деревни.

...Муравьев — потомственный крестьянин. Телом крепок, русоволос, голубоглаз, брови за лето выгорают добела. Взгляд цепкий, хозяйский. По образованию — агроном-экономист. Был на комсомольской работе, партийной, советской. В Шекспинский район приехал директором строящейся птицефабрики в самое трудное для нее время. Строители затыгивали сдачу объектов, не было жилья для работников, и новому директору приходилось дневать и ночевать на стройке. Собирал на фабрику специалистов — беззаветно преданных делу людей. Силами работников птицефабрики организовал строительство жилья. Буквально за год в старой деревне Нифонтово появилось несколько новых улиц. Одна из них по единодушному решению новоселов была названа улицей Энтузиастов. В первый же год своей работы, когда еще строители и выйти не успели из птичников, фабрика досрочно, к 7 ноября, выполнила годовой план по производству мяса. И вот теперь Муравьев возглавляет районное агропромышленное объединение.

Детство у него было военное. Мать, Вера Михайловна, поднимала без мужа дочь и сына. На трудовни тогда в бедном ярославском колхозе почти ничего не приходилось. Ставил бригадир в своих ведомостях одни палочки, вот и все. Чтобы иметь какой-то доход, подражалась Вера Михайловна носить на пекарню воду. После вечерней дойки нужно было поднять в обледенелую гору девяносто ведер воды...

Валентин последним закончил десятилетку, но из деревни уезжать не собирался. Видела это мать, сердцем чувствовала, что готовит себе сын деревенскую жизнь, и протестовала душа. Что хорошего видела она в колхозе, и что

может найти здесь ее сын? Однажды на сенокосе, уставшая смертельно, она сказала сыну:

— Валька, если ты не уедешь из деревни, вот на этой веревке тебя задавлю.

Но он остался верен земле. С крестьянским ее пониманием, с жадной преобразовательной энергией.

Сколько лет знаю его, и все время удивляюсь неиссякаемой энергии. С раннего утра в поездках по району, сотни вопросов успеет разрешить, едва заскочит домой, смоев дорожную пыль, как бежит проводить то совещание, то планерку. А вечером уже в деревне, у матери, запрягается в веревочные вожжи, таскает по картофелю тяжелую борону или же на даче стучит топором. До самой ночи в хлопотах.

Приехал как-то к нему под вечер, зашел в кабинет. Нужно было интервью для газеты: как в районе намерены решать Продовольственную программу.

— Сейчас все объясню,— смеется.— Выходи, садись в машину.

Приехали в Нифонтово к матери его. Муравьев раздевается до пояса, и мне предлагает, выносит две лопаты. И часа два верных мы с ним до поту вперегонки копали гряды.

— Ну, как все-таки Продовольственная программа?— спрашиваю.

— А тебе что-то не ясно? Тогда давай дальше копать.

Характер у Муравьева прямой, бескомпромиссный, непеливый.

В нынешние времена у некоторых руководителей появился этакий принцип: «Не высывайся, так и не спросят». Но Муравьев не высываться не может. Наверное, ни один район не выходит в область так часто с просьбами, предложениями. А потому и спрашивают с них много. Взять хотя бы РАПО. В области еще и думать о нем не думали, а шекснинцы высмотрели опыт в Прибалтике, как от межведомственности избавиться, которая веригами в ногах путается, и вышли в обласполком с предложением об организации в районе агропромышленного объединения. Правда, объединение было создано одновременно во всех районах, но шекснинцы уже на заметку попали. Не прошло и полгода существования РАПО, как их поставили с отчетом об опыте работы.

Когда-то в детстве катался он с горы на самодельных лыжах, разогнался, сманеврировать не успел и врезался в дерево. Огромную шишку набил.

— Ой, Валька,— заплакала мать.— Видать, век свой тебе шишки набивать.

Конечно, шишек он себе немало набил, да только, кажется, от каждой крепче становится.

Земля — главная забота его и боль. И я видел, как мрачнел он, когда выезжали мы к брошеным, забытым, заросшим угодьям. В светлых березняках спотыкались ноги о нестертые временем борозды и межи — свидетельство трудов многих крестьянских поколений. Яшины дачи, Котики, Рогачи, Васькины поля... Сегодняшний крестьянин привычно собирается сюда по дрова. Сколько этих полей поросло ивняком да ольшаником?

...Корма для скота — главная задача сейчас не только для Шекснинского района. Проблема, которая стянула в единый узел немало других. От экономических до нравственных.

Приведу несколько цифр, характеризующих положение района в этом плане.

В 1975 году в группу лесов здесь было переведено 19 тысяч гектаров естественных сенокосов, в настоящее время под угрозой зарастания еще тысяч шесть. И это из 80 тысяч гектаров естественных сенокосов, имеющих в районе. Вслед за опустением и старением деревень неизбежно шло и зарастание окружающих их угодий.

С другой стороны, в лучшие годы урожайность естественных сенокосов составляет не более 10 центнеров зеленой массы с гектара. Основная часть кормов берется с пашни, что в конечном счете ведет к удорожанию продукции, к таким вот безысходным «тревогам» по осени.

Но зарастают не только сенокосы. Зарастает и пашня на глазах людей, что, понятно, не способствует воспитанию нравственности селянина.

И вот, чтобы повернуть этот процесс обратно, потребовалась большая работа, организационная перестройка по отношению к земле, поиск возможностей для возвращения ее людям.

Одна из отличительных особенностей, положительных характеристик сегодняшнего руководства сельским хозяйством в районе — это поиск опыта, передовых методов ведения дела, внедрение их, пусть не каждый раз удачное, но ведь и на ошибках учатся. Тем более что в области шекснинцы идут здесь первыми.

...Из колхоза «Шексна» отправляемся мы в дальний угол района, колхоз «Путь Ленина». Во все времена славился сиземский край богатейшими заливными лугами,

травы непрокосными. Раньше здесь по разливам реки Сизьмы брали основные корма для огромного по территории края. Но глубинка и есть глубинка. Пока докатилась до нее техническая революция, молодежь успела разъехаться, с запустением деревень запустели и земли. Для того, чтобы вернуть их обратно в оборот, требовались большие средства и техника, которыми район не располагал.

По дороге Муравьев намеревался встретиться с ответственными товарищами из области, чтобы совместно осмотреть заросшие покосы. По словам его, там должно быть около двух тысяч гектаров заросшей лесом земли.

Нужно сказать, что сейчас в колхозе «Путь Ленина» и в таком же дальнем колхозе имени Суворова, где также не одна тысяча гектаров вышедшей из пользования земли, развернулось широкомасштабное комплексное мелиоративное строительство. Завершение этих работ даст возможность специализировать эти хозяйства на кормопроизводстве.

Но пока все эти планы лишь вызревали в кабинетах различных рангов и уровней. И прежде всего напряженно искал решения проблемы наиболее полного использования возможностей земли Муравьев.

Дорога шла среди полей, на которых уже в полной зрелости золотились хлеба. И в эти золотые разливы то тут, то там вклинивались зеленые травянистые участки, где кошенные, где нет, а где и вовсе подернутые кустарником.

— Вон участок пропадает, вот еще, вот еще!— Муравьев горячился.— Сколько у нас земли! А что она дает? В лучшем случае — копну сена.

Местность, по которой мы ехали,— сплошь холмы да угоры. Беда для механизаторов. Весной на вершинах этих угоров почва просыхает рано, а чуть пониже едва ли не до июня стоит сырость, где техникой не пройдешь. Вот и получается, что засеют механизаторы верхушки холмов, а низины, которых вместе набирается огромное количество, переходят в разряд сенокосных угодий и пастбищ. А поскольку они разбросаны, технику здесь не развернешь, с косой прийти некому, превращаются эти местечки в островки леса.

Как же использовать эту землю? Ждать мелиораторов? Долго. Невыгодно. Остатки позарастают.

И видно было, что Муравьев вынашивает идею или уже выносил ее, но сообщить не торопится.

— Нужно менять отношение человека к земле,— рассуждал он.

— Правильно, нужно,— соглашался я.

— Нужно сделать так, чтобы оценка гектара угодий не была формальной.

— Ну, кто же будет ратовать за формализм?

— Нужно, чтобы гектар оценивался единым показателем, не зерном, не сеном, силосом и т. д., а выходом с него кормов, коль кормовая проблема для нас сегодня заглавная. Или даже продукцией животноводства...

Накануне он со специалистами подготовил письмо в облисполком следующего содержания:

«Внимательно изучив передовой опыт работы совхоза «Назаровский» Красноярского края, просим разрешить в этом году заложить на зерносенаж 2—3 тысячи гектаров фуражных зерновых...»

И далее новая просьба: в будущем году довести закладку зерносенажа до 30—40 процентов от фуражных зерновых площадей. Сократить поставку в район зерновых комбайнов и увеличить количество силосных.

Выходило, что Муравьев предлагал, не дожидаясь созревания хлебов, косить их и закладывать в траншеи на зерносенаж.

Противники этой идеи отозвались сразу. Сомневались даже после расчета выгод, которые сулило дело: «Не позволяют. Да и долго ли этак-то и шишек себе набить!»

А дело и впрямь сулило разрешение многих проблем. И в первую очередь — введение в оборот пустующей земли.

Представьте себе район, выращивающий фуражные сорта зерновых, то есть предназначенных па корм скоту. С какими сложностями он сталкивается?

Посевная. Весна запаздывает, почвы подходят неравномерно, сев идет выборочно по сухим участкам, по горушкам. Приходит уборочная — вызревает клочками, а то и вовсе уйдут зерновые под дожди, не дозрев.

Фуражное зерно требует забот немало. Попробуй-ка не досуши — сгорит. А сколько хлопот с транспортировкой, переработкой. А сколько соломы в поле неубранной пропадет. В общем, забот и хлопот — полон рот.

Зерносенаж от этих забот освобождает. Опыт передовых хозяйств, научные работы утверждают, что зерновые, заложенные в траншеи в период молочно-восковой спелости, сохраняют все свои питательные свойства и дают в 1,5 раза больше кормовых единиц, нежели размолотое

зерно. Значит, внедрив заготовку зерносеяла, можно начинать посевную в более поздние сроки, когда почва подойдет и в низинах, которые числятся сегодня как сенокосы, а осенью в уборку не будет нужды уповать на погоду. Сроки вегетации сократятся.

В свое время крестьянин выращивал зерно только на хлеб, скот зерном не кормил. Сегодня у нас огромные площади под фуражным зерном, которое идет в корм скотине, поэтому и необходимо пересмотреть свои позиции. Более того, зерносеял можно получать с переувлажненных, вновь осваиваемых земель, что позволяет проводить посев в более поздние, а уборку в более ранние сроки. То есть приспособляться к условиям природы, обходиться без дорогостоящего дренажа.

Есть резон поболеть за идею и даже ради общего дела шишек себе понабивать. Единственное опасение — это «кампанейщина», так часто встающая на пути нового перспективного дела, когда стремление к скорейшему внедрению по принципу «давай—давай» и «кто первый оттрапует» становится его же «могильщиком».

...Это была, наверное, единственная «промашка» погоды за уборочную. Накануне два дня дожидло. Набравшая было темп страда застопорилась. А когда разведрилось, началась раскачка. Известно, что даже малый сбой расхлаживает. А тут простояла почти половина комбайнов. Не продвинулся с места и озимый сев.

Вечером я был в колхозе «Советская Россия». В комнате, предваряющей кабинет председателя, у селектора собрались специалисты на ежедневную районную планерку. Председатель Сергей Егорович Алексеев прибежал на планерку последним. Только что вернулся с поля. И сразу же попал под критический обстрел. Нужно сказать, что хозяйство это довольно крепкое, по многим позициям даже передовое, но сегодня и Алексееву пришлось выслушать серьезные упреки от районного руководства, и тоже за озимый сев. И те же оправдания, что и в колхозе имени Калинина, выдвигал председатель: «Уборка застопорилась, а площадей под озимые нет».

Муравьев, успевший к тому времени побывать «у черта на куличках» и вернуться в управление на планерку, взорвался у микрофона:

— Да как же, товарищи, нет площадей? Да вы оглянитесь вокруг. Земля рук просит. Вхолостую тысячи гектаров стоят.

Много было пустующей земли во всех хозяйствах, а

сеять было негде. Выходило совсем по пословице: живем в лесу, а дрова с весу.

Эта планерка была для Муравьева еще одним подтверждением правоты его размышлений. Отчетами скот не прокормить. Необходимы переоценка установившихся традиций, поиск наиболее приемлемых в наших условиях решений. И зерносенаж представлялся одной из таких находок.

Крестьянин-академик Т. С. Мальцев не сам открывал метод безотвальной вспашки, он его использовал. И ругали Мальцева здорово, и палки в колеса вставляли. Но он был последователен, настойчив и победил.

Маленькую победу одержал в тот день и Муравьев. Решался вопрос и с заросшими угодьями в сиземском краю, и было получено в области разрешение на закладку зерносенажа, пусть и не в тех объемах, какие запрашивали, но и в немалых.

...Поздним вечером он звонил с квартиры в колхозы. Звонил тем председателям, на которых более всего рассчитывал и у которых больше всего была нужда пустить зерновые на сенаж.

На проводе был председатель колхоза «Путь Ленина» Анатолий Сергеевич Дурягин.

— Есть разрешение!— в голосе Муравьева была радость.— Теперь дело за вами. Смотрите, все подготовьте на высшем уровне. На вас весь район смотрит. Нужно, чтобы получилось. Надо убеждать народ делом.

III

Учить примером и делом — это сегодняшний стиль районного руководства селом. За последние годы шексинские делегации, кроме своей области, побывали в хозяйствах Ленинградской, Новгородской, Смоленской областей, в Белоруссии, Латвии, Литве. Не стеснялись в просьбах научить и подсказать. И многое из того ценного, что видели они в поездках, поселяется сейчас в шексинских хозяйствах. Но главное, что нет уже в людях былой привычки к неладам, к застою, когда самый малый успех превозносится, когда люди начинают довольствоваться тем, что есть, теряют чувство нового, больших перспектив.

...Колхоз имени Кирова — передовое хозяйство в Шексинском районе. Здесь большое производственное и культурно-бытовое строительство, мелиорация, и все же проблем немало. Использование земли — одна из них.

Чуровское — центральная усадьба колхоза — всего в восьми километрах от райцентра. К колхозным деревням уже вплотную подступают городские новостройки. Такое соседство не на руку колхозным делам. Заводы и стройки перетягивают колхозную молодежь.

— Уезжает молодежь — зарастают сенокосы,— рассуждает главный агроном колхоза Александр Иванович Ганин.— Вы взгляните на наши угодья со стороны Волго-Балта — не найдете ни одного кустика. Это поработали мелиораторы. Но если обернуться в другую сторону, то не найдешь ни одного порядочного сенокоса. Все позарастало. Думаем создавать свой мелиоративный отряд, нужны люди, а значит, еще больше надо строить жилья. Но и сейчас не сидим сложа руки.

Кстати, почти во всех хозяйствах района созданы свои мелиоративные звенья, которые занимаются облагораживанием зарастающих сенокосов и старопахотных земель, или же дается механизатору аккордный наряд: в свободное от работы время он должен привести в порядок определенный участок угодий. Таким образом, в колхозе «Шексна» каждый год возвращается в пользование более трехсот гектаров земли.

В колхозе «Путь Ленина», никогда не блиставшем новаторством, за два года было очищено от кустарников более двухсот гектаров бросовой земли, и впервые в районе проведено беспокровное залужение высокоурожайными травами.

Поначалу эти новшества встречали сопротивление. Как-то председатель колхоза «Шексна» Петр Федорович Коркин признался:

— Едешь, бывало, с Муравьевым по хозяйству, у тебя в голове забот невпроворот: там уборка встала, здесь людей не хватает, тут лен перележал — а он тебя весь день тычет: «Вон у тебя куст на поле, вон у тебя клин зарос». За день так надоест, думаешь, убил бы. Вечером пораскинешь головой: прав ведь Муравьев. Потом уже у самого привычка выработалась: едешь и все кусты сосчитаешь.

Но все же вернемся к колхозу имени Кирова, где не хотят сидеть сложа руки.

— Выделили кормопроизводство в отдельную отрасль, это многое значит,— утверждает главный агроном.— Теперь она уже не в роли пасынка и может заявить о себе во весь голос, внести организационный порядок.

Сегодня мы не можем резко увеличить отдачу гектара,

поскольку урожайность у нас и так высокая, путь наш в другом.

И Ганин начинает увлеченно рассказывать о строительстве складов активного вентилирования сена, которые способствуют сохранению в нем питательных веществ, о ночной косьбе трав, которая дает весомую прибавку каротина, о закладке сена в траншеи, о переходе от силоса к сенажу, о реконструкции заводов витаминно-травяной муки, о мерах повышения урожайности корнеплодов. Все это позволяет обеспечить скот в достатке кормами высокого качества.

Возрождением земли, возвращением в оборот сельхозугодий в Шекснинском районе занимаются, можно сказать, повседневно. Нет такого совещания, заседания, где бы ни поднимался этот вопрос. Используются всевозможные методы.

Например, Шекснинский райисполком по предложению Муравьева принял решение об упорядочении заготовки дров. Казалось бы, какая связь между землей и дровами? Оказывается, прямая. Запрет рубки дров на лесных участках должен сохранить лес. А вот вырубка и очистка зарастающих сенокосов — это и дрова, и сено. Колхозник, заготовивший дрова на будущем сенокосе, обеспечивается бесплатно трактором для вывозки их и получает к этому еще сто рублей за каждый очищенный гектар. Интересное решение.

Несколько лет назад в районе на базе списанного зернового комбайна был сконструирован агрегат, с помощью которого одновременно косили, подкармливали и боронили пастбища, проводили их подкормку. Агрегат тот в честь изобретателей был назван «Мурзиком». Начальные буквы их фамилий — Муравьева, Зуева, главного инженера колхоза «Шексна», механизатора Корчагина — и образовали название.

Теперь на смену «Мурзику» пришла новая техника — мощные косилки КРН, способные срезать «дурной» лес в диаметре до десяти сантиметров. Эти косилки сейчас в каждом хозяйстве. И в каждом хозяйстве, уже не дожидаясь, когда у мелнираторов дойдет до них черед, ведут культуртехнические работы, возвращают в строй земли. До двух тысяч гектаров, не считая солидных объемов мелнирации, возвращается ежегодно в строй ранее брошенных сенокосов и пашен. И это не только плюс экономике района, но и хороший нравственный урок.

Муравьев резко остановил машину и, прыгая по колдобинам, потащил меня к полю. Но что там могло быть интересного? Стояла осень, глухая пора межсезонья, грязи и слякоти. Как обычно, в эту пору жалко смотреть на поля, изрытые гусеницами и колесами. Осеннее поле напоминает мне огромный стол со следами только что отшумевшего пиршества.

Но это было другое поле. Чистое, ровное, словно ска-терть у хорошей хозяйки. Края поля были аккуратно запаханы, и длинная гряда камней тянулась вдоль всей дороги.

— Вот это поле выходил один человек. Сам, по доброй воле, в выходные дни убирал камень, корчевал корни, выдирали кустарник, запахивал межи. Без наряда. Без оплаты. Когда-нибудь мы будем ставить памятные доски у полей,— сказал Муравьев.— Знакомься! Поле Анатолия Смелова.

Так вот к кому он вез меня! К старому моему знакомцу, земляку, давно я его не видел и громкой славы о нем не слышал, хотя за успехами шекснинцев следил пристально.

Смелову лет сорок с небольшим. Крепок, улыбчив. Улыбается и поглядывает на тебя, словно выискивает что-то сообразное его делам и мыслям. Ко всему этому и застенчив.

Жили мы в одной бригаде, но в разных деревнях. А между деревнями всего километра полтора наберется. Лишь небольшим перелеском были разделены Остров и Потеряево. С одной стороны выступала на сближение с Островом наша деревенская кузня, в которой день-деньской вызванивал молотом один на всю деревню умелец Борис Кузнецов. Кузня — этакое соединительное звено.

В Потеряево был центр бригады. В Острове тоже была контора, свой клуб, свой магазинчик и начальная школа. Но куда там! По нашим потеряевским меркам все не в пример беднее.

В сотнях деревень, больших и малых, побывал я в корреспондентских исканиях, но что удивительно, не видел ни одной, похожей на другую. У каждой деревни свой характер, определяющий во многом и характер ее жителей.

У островских характер независимый, настырный, жили они с постоянной оглядкой, как бы не хуже других, как бы ни в чем не опростоволоситься. Наверно, это от соседства с большой деревней. Не скажу, что у всех островских жи-

телей это ярко выраженная черта, но по крайней мере у большинства она до сих пор жива, хотя давно уже поразлетелась по сторонам ее люди, и большие города уравнили всех в своих правах.

Анатолий Смелов отступился от своей деревни лет пятнадцать назад. Редели ее посадки, люди снимались с напряженных мест, закрылись ближние школы, а у него подрастали ребятишки. Не отправлять же их в интернат, не жить же им отдельно с родителями с малолетства.

Трудно было уезжать, бросать дом, оставлять землю, в которую вложено столько сил, где вырос, где родились дети, где оставалась мать, не захотевшая покинуть дом.

Об Острове болит у него душа и по сей день. Порой кажется, что убежал бы в лютый мороз босиком до дому. Но что делать, не век же плакать по старому. Нужно было **обустроить новую жизнь.**

Я представляю, как нелегко, наверное, пришлось Анатолию и его сваяку Ивану Столярову с их островской чертой на чужой стороне. Вместе тронулись они из Острова в Нифонтово, которое числилось в колхозных планах перспективной деревней. Дома поставили друг перед другом, чтобы окнами смотрелись, чтобы веселей было. Появилось в Нифонтове островское землячество в два дома.

Ревниво следили за работой примачов нифонтовские мужики. А в Нифонтове работников хороших немало. Один Вилхо Федорович Нюрги чего стоит — грудь у него уже наград не вмещает, за высокие урожаи картофеля с ВДНХ «Москвичка» получил. А Громов, Филиппов, супруги Ганины? У каждого, если не орден, так медаль.

Да и вообще в этих краях редкий механизатор славой обойден. Ни в посевную, ни в уборочную они своего первенства никому не уступят. Так уж повелось, что в уборочную и скрещаются копы, по уборочной судят — кто на что горазд.

Одно время в бессменных рекордсменах ходил Александр Иванович Лебедев, кавалер ордена Ленина. В жаркое лето 1972 года, когда леса кругом горели, и пал к полям подходил, того и гляди, сам заживо сгоришь в комбайне, Александр Иванович один убрал хлеб во всей бригаде, намолотив 630 тонн зерна и поставив областной рекорд.

Или же взять Жданова. Он тоже примачом в деревне был, приехал откуда-то с Урала, покочевал по району и остановился в «Шексне». Говорил, что река его покорила, места красивые и рыбные. Жданов был большой мастер в

рыбалке, больше его никто не лавливал ни щук, ни лешей. И все щуки, что поймает, у него на учете. Рекорды ставил. Слышишь, порой, гордится: «180 щук за зиму изловил!»

В первую уборочную местные комбайнеры не спускали глаз со Жданова, хотели понять, что за противник, а ну как обойдет их. По всему было видно, что мужик он честолюбивый и крепкий, дело знает.

Еще до начала массовой уборки выехали за мастерские — там поле ячменное было — опробовать машины. Урожай хороший — центнеров по тридцать пять. Начали потихоньку, полегоньку, а потом раззадорились. Жданов нажимает, мужики прибавляют, а потом уже настоящее состязание разгорелось. Кто кого.

Жара стояла страшная, самое пекло. Пыль. Лица у всех черные — что негры. Жданов своего шофера Василия Сиротина вовсе загонял, хотя до зернотока не больше километра было. Не заметили, как до обеда поле смахнули.

С той жатвы у Жданова никто первенства не мог отобрать. Только дело на одном честолюбии не может держаться. А у него честолюбие до болезненности было доведено. Как-то повздорил с женой, вскипел и... спалил дом, который ему колхоз поставил.

А потом в лидеры вышел Михаил Беляков. Миша — парень молодой, но сноровистый, трудолюбивый, с малолетства труд познал. Ему было всего восемь лет, когда умерла мать. Он, старший среди детей, во всем был отцу опорой.

Постепенно, без рывков шел Беляков к рекорду. И обошел всех. Теперь Михаил человек в колхозе знаменитый, уважаемый. Вот и в ту уборку сразу определились два лидера: Беляков и Смелов. Жатва тронулась дружно, во всех бригадах загудели комбайны в полях, засновали машины к токам, поплыл над деревнями хлебный жар страды. Смелов тогда, хотя и не обмолвился никому, дал себе твердую установку: обойти Белякова, поднять островскую честь. Уже по триста тонн у каждого было намолочено, по четыреста...

И вдруг Смелов надолго оставил в поле свой комбайн. У него появились более неотложные дела: срочно запустить льноток. Председатель и главный агроном приехали к нему в поле. Лен тогда уродился на славу, были все возможности взять семена, получить большие доходы. Нужен был льноток. Ой как нужен! Без него оказалась бы наполовину пуста колхозная касса. Зимой, когда подводили итоги года, подсчитали, что лен дал два миллиона дохода. Конечно, о льнотокке должны были позаботиться заранее, но Смелов

спорить не стал. Оставил комбайн без лишних слов и угорворов. Иначе не мог. Как бы людям в глаза смотрел после? А ведь были у него все возможности обогнать Белякова.

...Главной чертой Смелова часто называют исполнительность. Это отнюдь не беспрекословное повиновение. Нет, Смелов может постоять за свои убеждения.

Как-то зашел разговор на собрании механизаторов. Смелов высказал тогда руководству обиду: зачем создавать видимость самостоятельности звеньев, когда ими командуют во всех мелочах. Руководство заверило механизаторов, что больше мелочной опеки не допустит. Но пришла весна.

Нифонтовские низины стояли еще вовсе сырыми, когда на костенских угорах загудели тракторы. Разве не волновалось у Смелова сердце, когда слышал он этот торжествующий рокот? Но ждал, и трактористы видели, что пахать рано. А в бригаду уже шли нервные телефонные звонки: почему стоите, почему медлите? Потом прибежал бригадир Борис Курников, взъерошенный, с тем же. На что спокойный Смелов человек, но и его подняло: «Вроде бы умный парень, с высшим образованием, а...»

Бригадира он отправил, все решил по-своему. Отправил трактористов с поля, в бригаде дел хватит, а сам начал, как пообдуло, выборочную пахоту. С участка на участок, с одного на другой. Сновал, как челнок. Не досыпал, исхудал, но дело сделал. Ни сроки, ни влага не ушли. Посевы поднялись дружные, крепкие.

Тогда у него была самая высокая выработка на пахоте. Но из соревнования его исключили, поскольку не было звеньевой системы. Впрочем, это его не расстроило. Так было лучше для дела. Техника впустую не толкалась на поле, а при деле была, вспахано и посеяно было «меньшей кровью». А то, что не дали премии, так, может, оно и к лучшему. Злые языки не скажут теперь, что Смелов потому один пахал, что ему больше всех надо...

Теперь Смелов может жить и работать без оглядки на людскую молву. Каждый видит, что живет этот человек по совести, не завистник, не рвач, что душа у него прежде о деле болит. И верят ему люди. Стоит же у него под окном трактор, хотя не по правилам это. Но каждый знает, что для дела так будет лучше. Трактор у него с бульдозерной навеской. Чуть свет заводит его Смелов — и на ферму. До работы успеет отгрести навоз. А что такое эта работа, кто не видел, не представит.

— Это же героический труд,— сказал мне главный зоотехник В. П. Штыкнов.— Кто делает это, если не Смелов? По доброй воле, а не по приказу.

— Смелову не надо давать нарядов,— это уже председатель колхоза П. Ф. Коркин.— Попадет ему на поле камень, не опашет, а на обочину вывезет.

Не раз Смелов сам поднимал трактористов, организовывал субботники по уборке камня. А то и в праздник один едет в поле и чистит его. Болит у него душа о земле.

...В тот наш приезд с Муравьевым был выходной. Поднялись в широко распахнутые двери чисто убранных сеней. Толкнулись в дверь. Заслышав нас, хозяин вышел в прихожую, приглядываясь и узнавая гостей. Первым шел Муравьев, всегда несколько шумливый от своей необычайной энергии. И я стал свидетелем встречи начальника управления сельского хозяйства и рядового механизатора.

Они стояли посередь прихожей, прочно расставив ноги, оба улыбающиеся, радостные, сильные. И первое время я слышал лишь восторженные возгласы: «О-о, ух ты, силен мужик! Кремь!»

Они увесисто похлопывали и постукивали друг друга в плечи, грудь, пробуя на крепость. И только после этого начали здороваться.

И сразу же появился стол: щи, пироги, молоко. Смелов посмеивался и наседавал на меня: «Ешь давай, пей, отведай деревенского хлебушка». И тут же заговаривал о проблемах. О мелких деревнях, о кадрах, о преемственности. Потом заговорили о земле, о Муравьеве (он к тому времени ушел по делам). О том, что только его заботами и стараниями очищено и приведено в порядок за два года около семисот гектаров земли.

— Все бы такими были, как Муравьев,— сказал Смелов. Я рассмеялся. Час назад точно такие же слова говорил мне о Смелове Муравьев. Получалось вроде бы про петуха и кукушку. Хотя здесь, конечно же, другое. Они — единомышленники, у обоих одинаково болит душа о родной земле.

* * *

...С первыми морозами отправился Смелов в родную деревню. Колхозный автобус, что бегаёт сейчас трижды в день от центра до Потеряева и Острова, минут за двадцать домчал его до развилки дорог. Смелов вышел, чтобы остатки пути пройти пешком.

Неузнаваемо изменилась за это время его сторона. От Большого леса до Потеряева и до Острова лежали просторы обновленной земли, и дороги пронзали их ровными быстрыми стрелами. Сильно постаревшая, но до боли знакомая деревня, уже открытая миру с трех сторон, лишь с четвертой стороны была обрамлена полосой леса. Она показалась Смелову старой женщиной, вышедшей к дороге встречать сына. Ему дорог сейчас был и этот амбар на краю деревни с проломившейся крышей, и разбитый въезд, и старый пожарный сарай с позеленевшим от времени колоколом. Смелов вновь вспоминал прошлое и думал: что получилось бы, не уедь он из отчего дома, не уедь его свояк да и многие другие. Продержались бы с десяток лет, и деревня не умирала бы вот так по-сиротски. Осталась бы жить и трудиться на многие годы. А теперь она — неперспективная... Что будет потом на этом месте через много-много лет?

И вместе с этим горьким чувством утраты крепло в душе другое чувство — ответственности за все, что подвластно рукам и разуму, ответственности за всю землю.

V

Прошло два года. Теплым днем уходящего бабьего лета бродил я перелесками в поисках грибной удачи. Места были мне малознакомыми, и зарастающая белоусом трава увела меня к черту на кулички. Но зато принесла она и грибное счастье. В распадке, густо поросшем осинником, наткнулся я на огромную плантацию груздей. Азарт захватил меня. Не помня ни о чем, ничего вокруг не видя, я ползал на коленях по траве, выскивая скрипучие, остро пахнущие белые груздевые колеса, под перевесло набивая корзину, а затем и рюкзак добычей.

Когда же, счастливый и усталый, я разогнул спину, то не сразу понял, что потерял тропу и направление.

Ориентируясь по едва приметному в облаках солнцу, пошел напрямик и через час ходу уже изрядно вымотался, продираясь через чапыжник. Почти без сил, взмокший, мучимый жаждой, выбрался я на маленькую непрокошенную поляну и сел передохнуть.

В лесу стояла звонкая тишина, лишь вдалеке были слышны звуки большой дороги, мычание коров, покрик пастуха. Протенькала вверх синица, я поднял голову и застыл в удивлении. Прямо надо мной на ветвях корявой лесной яблоньки, как наваждение, висели крупные, словно

светящиеся изнутри, яблоки. Я протянул руку и ощутил разгоряченной ладонью упругую прохладу диковинного плода. Без сомнения, это был садовый белый налив, которому лесная почва придала чуть кисловатый привкус. Одно яблоко я съел, два положил в карманы как лесной, удивительный гостинец домашним.

Загадка этой яблоньки долго не давала мне покоя. В каждый мой приезд в Колчак я расспрашивал местных жителей, не знают ли они чего об этой удивительной находке. Оказалось, что многие знают о существовании этой яблони, а потом нашелся человек, который и раскрыл секрет.

На дикую яблоньку привил черенки белого налива учитель, садовод-любитель Евгений Николаевич Соболев.

Его дом остался единственным из некогда большой деревни. Ветры многих невзгод и перемен словно повыдули ее обитателей и разнесли по просторам необъятной страны травую без корня, перекаати-полем.

Евгения Николаевича хорошо знают во всем сельсовете и далеко за его пределами. Фронтовик, учитель, теперь пенсионер, большой любитель садоводства.

Шла война... В составе 5-й гвардейской Халхин-Голской Сибирской дивизии бил врага артиллерист Соболев. Перепахивал снарядами землю, в которую зарывался враг на Курской дуге, форсировал Неман, брал Кенигсберг. Тогда-то, потрясенный ужасами войны, ее страшной разрушительной силой, он и дал себе зарок вырастить дома сад, украсить садами всю округу.

Домой вернулся в орденах и медалях, со множеством осколков в груди, единственный живой из четырех братьев. Нужно было строить новую жизнь.

Тридцать лет он учительствовал, вел большую общественную работу, отдавая редкие часы отдыха занятиям в саду. Он вырастил за эти годы большой, удивительный сад.

...Мы пили чай из сверкающего самовара. Евгений Николаевич, высокий, сухощавый, с внимательными, добрыми глазами, какие бывают, наверно, только у старых учителей, щедро и скромно угощал меня домашними разносолами и вареньями. Принес из кладовки мед, маринованные яблоки различных сортов, черноплодную рябину, залитые сиропом ягоды, сохранившие свежесть и запах лета. Увлеченно рассказывал о своих занятиях.

Около сорока сортов яблонь растет на его участке в пятнадцать соток. Он показывал мне тетрадь, где с бух-

галтерской точностью расписаны все сорта и опыты с ними. «Черноморка», «Кубенозерская бель», «Желто-сахарная», «Маяк Севера», «Арктик», «Негритепок», «Белое урожайное» и т. д.

В его саду плодоносят сливы и груши, вишня, черноплодная рябина, ирга, ежевика, тянется лианой китайский лимонник, про который говорят, что он по своим целительным свойствам не уступает женьшеню.

Но Евгений Николаевич не успокаивается на этом. Задался целью доказать, что в наших северных условиях можно акклиматизировать и южных неженков. У него обширная деловая переписка: Алтай, Урал, Уссурийск, Новосибирск, Северный Кавказ, Краснодар, Центральная семенная лаборатория. Множество других адресов, откуда посылают ему семена, черенки, шлют советы и обращаются за советами.

Сад стал ему тесен. И мало-помалу отвоевывает Евгений Николаевич огород у жены, наступают саженцы на лук и картошку. Из-за тесноты пришлось идти другим путем. На рябине, лесной красавице, привил черенок яблони. В год прививки дала она шесть яблок. На этой же рябине он привил иргу, через нее снова яблоню. А дальше пошли: невежинская рябина, груша. Ирговая вставка придала груше зимостойкость до пятидесяти градусов.

Немало деревенские жители удивлялись этому чуду. На одном дереве — до девяти различных плодов!

А теперь вот придумал себе новую докучу. Вырастил из семян облепихи саженцы. Сотню их оставил зимовать под снегом. И все переживает: как они там, выдюжат ли? Или запрашивает черенки серебристой ели, чтобы привить ее на обыкновенную ель. До этого он привил на сосну черенки кедра и давно уже собирает урожай кедровых орехов.

Задумок интересных много. А вот места развернуться нет. Садов в округе мало. И он старается заразить своей увлеченностью других. Ходит по деревням, предлагает свою помощь, кому саженцев, кому черенки привить на выродившиеся деревья.

— Вы не обижайтесь, если я к вам без спросу в сад зайду,— предупреждает.

А потом уже в лес стал ходить. Найдет дичок яблони, привьет ему черенок белого налива, подкормит деревце, почву взрыхлит. И растут в глухом лесу золотистые садовые яблоки. Охотник ли бредет усталый, или грибник — посидит под яблонькой, отведаст сладкий плод, и сил у него прибавит.

— Когда начинал заниматься садом,— рассказывал Соболев,— многие усмехались: «Делать человеку нечего». А когда сад в силу вошел, косые взгляды бросали: «Куркуль».

Но для себя я никогда не старался. Приходите, помогу, разводите сады на красу и па пользу.

Не раз предлагал Соболев руководству колхоза: «Давайте организуем питомник, саженцы будем выращивать, усадьбы украшать: и красота, и польза». Ни у кого руки не дошли, одни разговоры. Потом, когда председателем колхоза «Свобода» стал на несколько лет Селезнев, возник интересный план: создать под руководством Соболева колхозный питомник гектара на полтора. Выгоднейшее дело. Но не успели, Селезнева перевели в другое хозяйство, а новые руководители не увидели в этой затее рационального зерна.

...Я шел из Поповки — деревни в один дом — в Колкач, центральную усадьбу, старой дорогой, через бор. Красота была необычайная. Тихо поскрипывали сосны над дорогой, роняя пушистые хлопья снега, где-то выстукивал деревину дятел. Я остановился на мосточке через маленькую речушку Ягрыш и услышал, как тонко вызванивают под снеговой периной чистые ее струи.

С моста открывался вид на Колкач, центральную усадьбу колхоза «Свобода». Белая церковь на горе, в окружении старых улиц села, ниже, через голый парк, виднелся голубой дом с колоннами, резными наличниками, с мезонином — бывшая больница волостного лекаря Хвалынского. Прямо от него спускалась к речке череда новой улицы. Желтые, не успевшие потемнеть дома стояли посреди белого поля, словно временные вагончики зимовщиков во льдах. Ни единого деревца за несколько лет не было посажено вокруг них. Не было деревьев и на других новых улицах — не было свидетельства того, что люди собираются здесь долго жить.

В колхозе «Свобода» многое сделано для закрепления молодежи. Много строительства — и производственного, и жилищного. Помню, ехал я первый раз в Колкач, в маленькой деревне у магазина остановился. Старушки, любопытный народ: кто, откуда, куда.

— В Колкач,— отвечаю.

— Ну так скоря правь. В Колкаче девок молодых много, а парней и того боле. Живо разберут. А квартиры там незанятые стоят. Как только в сельсовете распишется, так и ключи в руки дадут.

После разговаривал со многими ребятами, вернувшись из армии. Работают, но... недоверие к колхозу есть. И еще не скоро оно будет сломлено.

Далеко не каждый идет на то, чтобы получить восемьсот рублей подъемных и закрепить себя на три года. А ну как дело в колхозе повернется иначе? Выжидают, не сжигают за собой мостов к отступлению.

А земля не терпит временных хозяев. Не от этого ли все ее беды? И можно ли надеяться, что многие из той молодежи, что пришли сегодня на землю, не уедут обратно в город при неблагоприятных условиях в колхозе? От этого никто не застрахован. Будь то недород, засуха, дожди,— все может отразиться на доходах колхоза и на кармане каждого колхозника. Есть ли те глубинные корни, способные удержать крестьянина при новом «ветре перемен»?

«Дом — корень, сторона — похвальба»,—говорили раньше. А еще говорили так: «Младший сын на корню сидит»,— то есть наследует хозяйство.

Мы удивляемся сегодня стариковской приверженности родным крышам. А удивительного в этом ничего нет. Они ставили сами эти дома, глубоко пускали в эту землю корни своих трудов. Сегодняшний потомок крестьянина лет до двадцати оторван от деревенского быта, от забот о земле и хозяйстве. Сначала — интернат за много верст от дома, потом — училище, армия... Столько лет живет он интересами, далекими от земли, не пуская в нее своих корней...

Старики удивляются беззаботности молодежи, и сами потакают этой беззаботности. Выращенного с великим трудом барашка везут деткам, молочко — деткам, яички — деткам. А деткам уже под тридцать, и живут они своим домом, своих деток воспитывают.

Возвращение к земле должно стать прежде всего возвращением земли к полнокровной жизни, чтобы на ней колосился хлеб, и буйно цвели травы, стояли ухоженные леса, и цветущие сады несли свои роскошные плоды.

И снова вспоминаю Муравьева, его по-крестьянски мудрое отношение к делу.

...Было это в тот трудный момент, когда завершалось строительство птицефабрики. Сроки сдачи первой ее очереди заваливались, положение было авральное, критическое. Почти ежедневно на высоком уровне слушались вопросы о пуске первой очереди, а он наряду с этими вопросами непременно вставлял свой — об огородах и садовых

участках для будущих работников фабрики, наживая немилость районного начальства.

Строители «заваливали» пуск котельной, а он устраивал субботники и воскресники для строительства танцплощадки и стадиона. И он был прав, потому что думал о будущем, о том, насколько глубоко пустят корни люди, пришедшие сюда.

VI

На моем рабочем столе звонит телефон. Муравьев. Ныне начальник отдела внедрения передового опыта областного агропрома. Все тот же энергичный, чуть насмешливый голос:

— Не засиделся? Хватит штаны протирать. Едем-ка лучше в Шекснинское РАПО к Коркину. Настоятельно рекомендую.

— Что-нибудь случилось?

— Везем делегацию специалистов и руководителей хозяйств в район. Будем знакомить с опытом, как бросовые земли нужно к делу возвращать. Программа большая. Будем в Калинина, в «Угле», в Сизьму поедем. Помнишь старые пустоши?

— Медвежьих владения?

— Сам ты как медведь,— смеется он.— На этих медвежьих владениях урожай кубанские. Давай собирайся. Едем.

1985—1987

ДОРОГА ДОМОЙ

Веселым и общительным человеком был Валентин Поспелов, залившик чугуна Нижнетагильского металлургического завода. Бывало, мимо знакомого не пройдет, чтобы не остановиться, не поговорить. А шутки с прибаутками так и сыплет.

Да и о чем печалиться было ему? Работа интересная, огненная, почетная. Зарботки хорошие, квартира благоустроенная, семья, дети...

Но стали вдруг замечать его товарищи, что в последнее время сильно Валентин изменился. Обычно после смены в раздевалке шум, хохот. Кто анекдоты травит, кто планы на выходной обсуждает, кто мастера или начальни-

ка смены кастит. И Валентин, было, слова своего не пропустит, а тут — сядет молчком, будто и не замечает ничего, словно его нет, уставится в разводы беленого потолка и думает, думает.

Начнут его товарищи расспросами донимать, улыбнется виновато:

— Все ладно, мужики. Все хорошо.

А какое уж там хорошо! Жена не раз проснется ночью, а муж на кухне папиросу за папиросой палит.

— Что хоть случилось-то, Валентин?

— Спи спокойно. Все добро, все ладно.

Нет, была у него дума, сердце бередила, спать не давала.

...Детство Валентина Пospelова пришлось на трудные послевоенные годы, когда сельская ребятня с малолетства впрягалась в нелегкий крестьянский воз наравне со взрослыми. Пахал и сеял, сено косил, от комаров и оводов отбивался, зимами в нетопленной школе мерз. Чернила в непроливашках застывали. И ко всему этому постоянное, изнуряющее чувство голода. Одноклассник его, деревенский «поэт» даже стихи такие сочинил:

Нынче «Иванушка» да и крапива
Рано так начали цвести...
Все витамины очень противны,
Даже не хочется есть...

— Время такое было в деревне,— рассказывал Валентин после.— И не то что работы пугались, ведь другой-то жизни не видели и не знали. А чувствовали, что впереди никакого просвета. Те, кто в города уезжали, перед нами, деревенщиной, рады были городской жизнью погордиться. Будто бы город — это что-то такое райское, что и не выскажешь. У меня брат осел на заводе. К себе звал. Вот я после армии и наладился к нему. И все равно было жалко деревни. Да ведь как: все свое, пуповина на земле завязана. Больно рвать-то...

Устроился Пospelов на завод, освоил профессию необычную, огненную. На первых порах в письмах в деревню расписывал восторженно городское житье-бытье, писал про огромный завод, высокие заработки, какие деревенским людям и не снились, о личных перспективах и видах на женитьбу. Куда там деревне с ее овинами и телегами!

Казалось бы, все у него хорошо складывается. А в душе все больше нарастала еще неосознанная тоска. И родные места начинали сниться едва ли не каждую ночь. Речка в тихих омутах, туман, ползущий низинами, запахи

сенокоса. И руки чесались по крестьянской работе. Обычно веселый и говорливый, он все чаще становился задумчивым и печальным. А приезжая нечасто в отпуск в деревню, видел, как переменялась там жизнь. Стало вольней работать и дышать. В домах появился достаток. Но вот семей оставалось в них все меньше и меньше.

Деревни, что малые реки. Не стало плотин, и вытянули большие реки их воды, поднялись берега, обнажились камни, и нет уже больше прежней загадочности омутов и излучин. Вон тележный обод лежит на дне, вон обсыхает заиленный топляк, расколотый мельничный жернов...

Как-то возвращаясь из деревни, где провел короткие отпускные дни, надышавшись вдосталь родным воздухом, намахавшись косою властью, вдруг всеми порами своими ощутил он неразрывность с деревенской жизнью, понял, что с уходом из деревни вот так же обмелеет, обсохнет его душа. Понял, что не жить ему больше в городе.

Не знаю, есть ли на земле человек, в душе которого не было бы чувства родины. И мне кажется, что с годами оно становится еще острее и пронзительнее.

Как-то в Вологде в Доме колхозника встретил молодую женщину с тремя, мал мала меньше, детьми. Вторую неделю снимала она комнату в этой гостинице.

Вечерами обитатели Дома колхозника выходили на крыльцо, неспешно беседовали о том, о сем. Молодая тоже выходила со своими детьми и каждому, кто готов ее слушать, рассказывала свою историю.

Родом она из этих краев. Но теперь от деревни и следа не осталось, родственники поразъехались. А ее потянуло домой из Мурманска. Снова сельской жизни захотелось. Насмотрелась по телевидению передач, увидела, как на селе хорошо жить стало, да вот только людей не хватает, и поехала с ребяташками. Работы не боятся, как-никак деревенская. Может и дояркой, и свиноводкой. Да и муж — механизатор. Приехала. Рассчитывала, что устроится сразу, жилье дадут, тогда она мужу — телеграмму. Тот уже на чемоданах сидит. Обошла и объехала все хозяйства вокруг города — никто на работу не берет. В общем-то бы взяли, работники нужны, но жильем обеспечить не могут. Так что она в отчаянии, придется поворачивать назад. Одного только не может понять: почему столько пишут везде — нужны люди, жилье предоставляется...

Да, сегодня с полной определенностью можно сказать, что в настроении многих людей наметился поворот на сельский уклад жизни. Свидетельство тому — все возрастаю-

щее количество дачных участков, стремление купить деревенский дом, и год от года увеличивающееся количество заявлений в колхозы и совхозы с просьбой принять на работу. Например, в Вологодское бюро по трудоустройству населения поступает ежегодно огромное количество писем со всех концов страны с просьбой о направлении на работу в деревню.

В колхозе «Коминтерн» Кирилловского района, о котором часто пишут в центральных газетах и журналах, для такой переписки есть специальный человек, поскольку ежегодно писем приходит не одна сотня. Чего же хотят люди?

Я приведу несколько выдержек из этих писем.

«Здравствуйте, уважаемый председатель! Это прекрасно, что среди молодежи рождается стремление не покидать деревню, а наоборот, помочь ей. Может быть, это и есть самые дорогие всходы в вашей работе. Хорошо, когда в душе рождается тревога за свою землю, за свой труд. Когда задаешь себе вопрос: а чем вспомнят тебя люди, что ты успеешь для них сделать, каким после тебя останется твое село? Это смысл жизни каждого человека.

Я хотела бы приехать к вам в колхоз, чтобы научиться жить и работать по-настоящему, найти свое место в жизни.
г. Золотое Ворошиловградской области.

Ирина Совка, 18 лет».

«Моя бабушка уехала с Вологодчины в 1940 году. Ей сейчас 70 лет, но она не перестает сожалеть. Часто вспоминает свою родину, рассказывает о ней. Поэтому я и решил вернуться на родину своих предков.

Кузьмин Александр, Крым».

«Живем в Куйбышеве, все время мечтаем возвратиться в деревню...»

«Ваша земля для меня близка. Часто бывала в Кирилловском районе, Белозерском, когда училась в институте на художественно-графическом отделении. Мне двадцать пять, работаю в Свердловском педагогическом институте. Мне хотелось бы работать у вас, организовать художественную школу или на первых порах изостудию. В вашей области богатые художественные традиции, особенно в народном творчестве, хотелось бы открыть детям глаза на то, среди какой красоты они живут. Можно бы на базе музыкальной школы создать школу искусств.

Людмила Мелешкина».

«По специальности я прораб. Могу работать строите-

лем, плотником, бетонщиком, скотником. Жена — кондитер. Может работать дояркой.

Шириков, г. Джамбул».

«Наш род — выходцы из Вологодчины. Но волею судеб мне пришлось родиться в Тюмени. Могу работать скотником, сантехником, газосварщиком...

Тепляков. Крым».

«Мне двадцать лет, учусь в институте цветных металлов. Пошла в институт по совету родителей. А я люблю животных. Думаю, что справлюсь с любой работой.

О. Попкова, г. Сибай».

Стремление к деревенской жизни, как видим, есть. Другой вопрос: насколько оно взаимопреемлемо? Что ждут от деревенской жизни люди, собираясь туда на жительство, что ждут колхоз или совхоз от них, что потребуют? Чаще всего получается, что именно тут интересы и возможности сторон расходятся.

...От Сямжи до Усть-реки, центральной усадьбы колхоза «Нива», километров пятнадцать твердой, но довольно тряской дороги. Но неудобства быстро забываются — завораживают красотой дивной окрестности. Шатровые боры и светлые перелески, густотравные низины и говорливые речки, высокие холмы, с которых открываются необозримые дали.

Засмотришься на эту красоту, размечтаешься: «Поселиться бы здесь на веки-вечные, да и жить не тужить». Но тут же и начинаешь осаживать себя: «Постой, дорогой товарищ! Экзотики захотел? Печь топить, дрова заготавливать, воду носить? Да надолго ли хватит тебя, привыкшего к городскому быту и домашнему ничегонеделанию? Сколько таких перелетных осаждают по весне деревни, чтобы с первой непогодой и грязью оставить их. Любишь кататься, не забывай и про саночки... А саночки эти — воз нелегкий».

Семья Валентина Дмитриевича решилась на этот шаг. «Нива» — хозяйство средней руки, без особых громких побед, без новомодного стиля в застройке. Но на веселом месте. Рассказывают, что были прежде в Усть-реке широкие ярмарки, на которых торговали всевозможным товаром. И что даже поднимались по реке Кубене сюда купцы из Китая.

Сейчас через Усть-реку проходит дорога, связывающая Харовск с Сямжей. Здесь сливается воедино Кубена с Сямженой. Деревни по их берегам красивые и ладные.

Колхозную контору Пospelов нашел на втором этаже деревянного и вовсе неадминистративного вида здания. Первый этаж занимали квартиры колхозников. В председательском кабинете голубенькие домашние обои, скрипучие стулья, на стене «График надоев коров в разрезе доярок». Вспомнились Пospelову кабинеты заводууправления, строгие секретарши, блеск полировки, багрянец знамен. Усмехнулся.

Председатель колхоза в простецком линялом пиджаке, загорелый до окалины, поднялся из-за стола. Широколиц, рыжеват, молод и на решения, видно, скор. За последние годы председателю довольно часто приходилось принимать переселенцев, так что в этих делах поднаторел, с полувзгляда научился понимать: летун ли приехал, чтобы полгода перебиться, либо человек корневой, основательный.

Видно было, что Пospelов ему понравился:

— Так вот, Валентин Дмитриевич, выделим вам дом, тут недалеко. Правда, ремонт нужен, но ссуду дадим, материалом поможем. Скотину выделим на обзаведение. Живите. С работой так: жену — в детский сад, а вас, — он выжидательно помолчал, прицеливаясь глазом в Пospelова, — в пастухи.

Валентин переступил с ноги на ногу, кепку в руках смял. Самолюбие кольнуло. Все-таки заводской стаж, металлист, профессия огненная. И — в пастухи. Но тут же и придержал себя. Не литейку же открывать в деревне. Знал, куда ехал.

— Годится! — и кепочку-блин на голове пристроил.

— Ну, так завтра с утрачка и начинайте. Часиков в пять нужно скотину выгнать. Я бригадиру накажу, — не дал ему опомниться председатель.

Но и Пospelов не лыком шит. От дверей вернулся, момент выигрышный:

— А вы, Василий Семенович, сегодня машину-то с тесом направьте. Я вечером поплотничаю.

Председатель с интересом воззрился на Пospelова, поскреб ногтем бровь, улыбнулся: деловой мужик новосел.

— Лады!

Вышел Пospelов на улицу и тоже улыбнулся своим мыслям. Новая жизнь начиналась круто, в карьер, не давая минуты на раздумья. Но так-то оно лучше.

...Нехотя, со скрипом подалась успешная уже прочернет тесина. Валентин глубже загнал лезвие, приналег на топорище, и заржавевшие гвозди взвизгнули разом, обна-

жив широкую, затянутую паутиной и пылью полосу окна в веселых белых наличниках.

Когда-то давно молодой хозяин наследного дома накрепко запер его двери, заколотил окна, запутал отводок проволокой и ушел на широкий тракт, чтобы уехать к новой жизни, к большим городам и уже никогда не вернуться под родной кров.

И тотчас словно на целый век состарилась деревушка, будто бы ниже стали соседи-дома, попустили плечи крыш, понахмурились, закручинились. Бурьян в буйной, неудержимой силе захлестнул скоро огород и палисадик, заросли тропки и крыльцо, горестной метелью забила крапива в пустые окна.

Но вот старый дом обрел нового хозяина. И словно ожил весь маленький деревенский мир.

...Утром Валентин вырезал на поскотине черемуховое кнутовище, припоминая старую сноровку, заплел кнут. Он получился ловкий, длинный, с плавным переходом на утоньшение, с заплетенной сырмятиной на конце. Встал Пospelов, взмахнул коротко рукой, побежала волна раскатистая, и вдруг среди тишины лугов лопнул чистый и звонкий выстрел, покатился по лугу, ударился о лес, отозвался в деревне. Повернулись коровы к новому своему хозяину и, как показалось Пospelову, уважительно на него посмотрели. И засмеялся литейщик Пospelов, освобождая душу от всяческих сомнений.

— Все хорошо, Валентин Дмитриевич, все ладно.

...С год, наверное, не был я в «Ниве». А когда снова приехал, постарался завернуть к Пospelову. Издалека было видно, что старый дом обрел нового заботливого хозяина. Свежей краской светились наличники, обновилось крыльцо, новый забор охватил ухоженный огород. На дворе, дровянике, других хозяйственных постройках белел шифер. И только дом все еще был крыт толью. У Пospelова болела душа прежде всего о хозяйстве. Значит, жить собирался основательно.

Но дома его не оказалось. Старушки, сидевшие на завалинке, объяснили, как отыскать соседа.

— Он теперь на ферме доярком работает. А пока не дойка, дрова рубит. Слышь, бензопила урчит.

Осенний лес, тихий и задумчивый в эту пору, далеко разносит звуки. Вот протенькала где-то синица, вот ветер, налетевший с реки, качнул усохшую деревину, и тонкий тягучий скрип родился в глубине леса, отозвался в разных его уголках.

Слышно было, как переговариваются на огородах люди, как покрикивает пастух на лугу и, отвечая ему, капризно мычат коровы. Высоко в небе прокурлыкал журавль и пошел широкими взмахами крыльев догонять улетающую стаю.

Мы присели на замахившийся берестой кряж. Валентин достал из полевой сумки бутылку молока, кусок волежного пирога, но есть не стал, а прислушался к тишине и покою, провожая взглядом улетающих журавлей, и думал, наверное, о той удивительной силе, что всякий раз возвращает их в этот скупой на тепло край.

Он сидел, прислонившись спиной к дереву, руки покойно лежали на коленях, из-под низко надвинутой кепки поглядывал в высокое небо.

— Знаешь, сейчас, когда пообжился, когда время уже прошло,— раздумчиво говорил он,— одно могу сказать: не жалею. Не жалею, что в деревню вернулся, что на ферме стал работать. Слово с души какой камень спал.

Мы покурили, а я все не решался задать ему вопрос: почему же он все-таки пошел в дояры. Ну, понятно, еще пастухом, а коров-то доить вроде бы и не мужское дело. Но он сам вышел на разговор.

— Весной как-то председатель приехал: «Выручай, Дмитрий! Некому группу принять. Возьмись!» Понятно, дело щекотливое. Мужик — да и под корову... Ну, а если раздуматься? Чего работы-то стыдиться? Молодежь вроде бы деревней гнушается. Это уж так повелось когда-то — один перед одним форсит, боится уступить в чем-то. Пусть я, скажем, посуду буду мыть, но зато в городе. А вот своего ума не хватает, чтобы понять, куда, к чему тебя больше тянет. Вот так и с фермой. Ведь каждый мужик, если жена заболит или уедет куда, не к соседям бежит, а сам свою корову обрядит. И руки не отвалятся. А работа на дворе, я скажу, самая мужская. Порой женщины и жалко становится: потаскай-ка на себе корма!

За разговорами мы припозднились. Поспелову нужно было спешить на вечернюю дойку. Он закинул бензопилу на плечо, и мы зашагали к деревне, которая утопала уже в золотистом свете закатного солнца. И было во всей этой картине готовящейся к сумеркам деревни, в ее неторопливых размеренных заботах особое настроение добра и спокойствия, и появилось ощущение, будто бы после долгих странствий и больших трудов вновь возвращаешься под родные крыши.

Поспелов шагал размашисто и как-то одновременно по-мальчишески, вприскок. Невысокого роста, в больших резиновых сапогах, которые хлопали голенищами в такт его быстрым шагам, деловито озабоченный. Он успевал окидывать хозяйским взглядом дорогу, примечая и откладывая в памяти поломанное прясло изгороди, сваленный на поле телеграфный столб, потерянную тележную чеку...

Он был здесь своим, органически вошедшим в деревенский мир человеком, для которого понятны и просты все его заботы. Он чувствовал себя здесь хозяином.

...Мне кажется, что мы слишком упрощенно подходим к разрешению сельских проблем, когда речь заходит о молодежи. Получается так, будто бы деревенские парни и девчата оставляют деревню лишь потому, что она отстала от города в обеспеченности бытовыми благами. И при этом мы представляем сельскую молодежь, уезжающую в город, в роли Иванов, не помнящих родства. На деле же разрыв с родным домом никогда не проходит бесследно. И не потому ли у многих деревенских жителей, оторванных от привычных мест и определенного жизненного уклада порой теряется почва под ногами, наступает душевный разлад, ведущий к пьянству, моральному опустошению? И не в этом ли упрощенном подходе к кадровой проблеме деревни — когда во главу угла ставится лишь рациональная, материальная сторона дела — лежат причины вдруг так заметно проявившихся потребительских настроений сельской молодежи?

Например, получившие широкое распространение договоры между администрацией хозяйств и выпускниками школ неизбежно несут в себе долю торгашеских, потребительских настроений. Молодой выпускник, еще ничем не успевший проявить себя на этой земле и обязанный полностью всем, что имеет, тому же хозяйству, начинает торговаться: а что он будет иметь, если отработает год в родном хозяйстве?

Выступая однажды на областной комсомольской конференции, писатель Василий Иванович Белов сказал по этому поводу справедливые слова: «Так мы можем дожить до того, что с родной матерью придется заключать договор».

Есть над чем поразмыслить. И, наверное, прежде всего над тем, почему в крестьянском парне или девчонке с самого малолетства воспитывается чувство временного проживания в родном доме, почему не зарождается в них ответственность наследников?

Мы говорим о стирании граней между городом и деревней, при этом называя в качестве идеала город. Но деревне, как бы мы ее ни благоустроивали, ни механизировали, не только по бытовым, но и — прежде всего — по условиям производства соперничать с городом в этом не под силу. Потому-то и ориентируют деревенские жители своих детей с ранних лет на городскую жизнь. Потому что как бы далеко не ушло в своем развитии село, невозможно будет поставить знак равенства между промышленным и сельскохозяйственным производством. У крестьянина производство всегда будет зависеть от того, как ярко светит солнце над головой.

Так что же может задержать, привязать крестьянина к земле? Отвечу словами моего же героя: «Единственное — это стремление быть хозяином».

Особенность сельскохозяйственного, биологического производства, как доказывает весь земледельческий опыт, состоит в том, что его нельзя разделить на операции, чтобы, скажем, за навоз отвечал Николай, за всходы Григорий, а за уборку Иван, как нельзя поставить штамп ОТК на всходы и по ним оплачивать труд земледельца. Помните, у Твардовского:

За деревню выйдешь летом,
Рожь, к примеру, у ручья...
Рожь? А ржи-то, брат, и нету.
Чья работа? А ничья...
Наша. Некого похаять.
Николай навоз возил,
Ванька с Гришкой пахали,
Митрей вроде боронил...

Сельскохозяйственное производство не терпит и разделения труда на труд руководящий и исполнительский. Это единый процесс, и хозяин у него должен быть единый. Хозяин и работник.

И мне снова вспоминаются беседы с Пospelовым. Его страстная, выношенная убежденность, его маленькие откровения.

— Что такое стол? — экзаменовал он меня. — Простой обеденный стол. Нет, это не две доски на четырех ногах. Это основа семьи. Так? А что я имел в городе? Мне на работу, скажем, к шести, жене к восьми, ребятишкам в школу по сменам. Всем вместе и не собраться. Каждый сам по себе. Живешь в одной квартире, будто чужой. А о продуктах, так и говорить не приходится. Все из магазина, всяк сам по себе.

А в деревне? Мать стол накрывает. Подает, к примеру, щи. Тут сразу все видно. Картошку вместе садили, капусту. Я стайку для барана делал, сено косил, ребятишки копнили. Вот у нас и единство, вот и семья! И молоко, и сметана — все наглядный пример труда.

А что ребятишки в городе знают, какой труд? Делать по дому ничего не надо, кругом блага. Вот они и бездельничают лет до двадцати. А тут и дровишки принести, и коровку в поле выгнать, встретить... С малолетства это в радость, это в кровь должно войти: ты наследник, это твое хозяйство.

...Да, металлист-литейщик Поспелов не смог без деревни. И я радуюсь, что все складывается у него хорошо, что он нашел то, к чему стремилась его душа. Вовремя — и для себя, и для своей семьи, и для колхоза. И думаю я, что в ближайшем будущем он в полной мере реализует извечное крестьянское стремление — стать истинным хозяином на земле. Я говорю о семейном подряде для Поспеловых, к которому эта семья стремится. Именно такой подряд, давая возможность самостоятельно вести дело, планировать его и расширять, кроме всего прочего неизбежно должен привести к тому, что каждая семья будет нуждаться в рабочих руках, подумает о своем потомстве, о том, кто завтра станет наследником дела. И тогда, верю, вновь помолодеют наши деревни.

...Каждый раз, приезжая в «Ниву», я становлюсь свидетелем бесед председателя с приезжающими в колхоз людьми. Разные это люди. Кто отчаялся в городе жилье получить, кому деревенской экзотики захотелось, кто лутун и бездельник, рассчитывающий на вольную деревенскую жизнь, кто за большим рублем, на шашашку.

Люди пужны деревне. Только все ли? Каждый ли ей подойдет, кто на подъем легок?

...Я заканчиваю этот очерк глубокой ночью. За окном темно, город давно спит, лишь машины, напряженно сотрясая воздух, изредка проносятся улицами, да свистят поезда. А я мысленно возвращаюсь в свою деревню, брожу полями, тропами, состарившимися посадками, вглядываюсь в темные окна и вижу в каждом из них своих земляков-сверстипков, давно разлетевшихся из-под родных крыш. Я смотрю в их глаза и спрашиваю: «Все ли ладно в душе, все ли мирно?» И вижу — нет там покоя...

Заключение

В 1918 году знаменитый русский ученый, экономист-аграрник А. В. Чаянов писал о крестьянстве Нечерноземья такие слова: «Может ли наше бедное, бегающее по промыслам, работающее по фабрикам и служащее по городам крестьянство стать действительно крестьянством, к земле прилагающим свой труд, от земли живущим и на земле благоденствующим? Много для этого предстоит сделать, многое нужно перестроить в нашей деревне. Нужны годы упорной работы каждого крестьянина, каждого кооператора, агронома, чтобы нашу бедную деревню превратить в страну богатой и просвещенной трудовой земледельческой культуры.

Первое дело, которое мы должны сделать — это вернуть назад ее население, бежавшее на отхожие промыслы, и труд его приложить на улучшение родного земледелия...

Само собой понятно, что это нельзя сделать приказом от начальства или изданием какого-либо декрета. Нужно сделать так, чтобы крестьянину незачем было бежать из деревни, чтобы в деревне мог он безбедно жить и найти прибыльные занятия своему труду, чтобы ему некогда было бегать на отхожие промыслы.

Задача эта трудная... но все-таки разрешимая».

Эти слова написаны 70 лет назад, но актуальности своей не утратили, потому что мы и до сих пор задаемся вопросом: как удержать человека на земле, как сделать так, чтобы земля в полной мере создавала ему благоденствие?

С большим волнением ехал я в Москву на конференцию ВАСХНИЛ, посвященную 100-летию А. В. Чаянова. Эта конференция должна была стать своеобразной реабилитацией его учения.

Пришло на память прочитанное в одной из газет воспоминание кандидата экономических наук Бориса Мясоедова о том, как в конце 40-х, будучи еще очень молодым человеком, он спросил профессора С. А. Первушина, кто такой Чаянов. «Как сейчас, вижу ужас на лице 60-летнего экономиста, отбывшего в первой половине 30-х годов пятилетний срок...

— Чаянов? Александр Васильевич? — переспросил он. И горестно замолчал».

Много лет спустя, после XXII съезда партии тот же профессор сказал о Чаянове и его сподвижниках: «Нужно еще четверть века, чтобы стало возможным говорить о

них.— И добавил: — Слово свое о себе они скажут своими грудями. Но это будет не скоро».

Так кто же такой известный и, к сожалению, не известный моему поколению ученый? Почему сегодня, спустя почти 50 лет после его смерти (Чаянов был арестован в 1930 году и расстрелян в 1939), мы обращаемся к его грудям и ищем в них полезные советы?

Ответом, думаю, могли бы служить слова президента ВАСХНИЛ академика А. А. Никонова: «Труды выдающегося русского и советского экономиста профессора Александра Васильевича Чаянова, посвященные организации крестьянского хозяйства, формам сельскохозяйственной кооперации, оценке земельных и других ресурсов, подъему Нечерноземья, агропромышленной интеграции, созданию крупных хозяйств, не утратили своего значения и в наши дни. Особенную актуальность приобретают идеи Чаянова в период перестройки народного хозяйства страны».

«Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации», «Очерки по экономике трудового сельского хозяйства», «Как организовать крестьянское хозяйство в Нечерноземной полосе» — в этих и других работах ученый обращается к практическим вопросам развития сельского хозяйства, прогнозирует развитие кооперации, уделяет самое пристальное внимание организации и планированию сельскохозяйственных работ. Нам, конечно же, еще предстоит узнать, где и как применимы теории ученого в нынешней работе по переустройству сельской экономики. Но уже сегодня с уверенностью можно сказать, что связь его теоретических разработок и практических рекомендаций с нынешними проблемами очевидна.

Каким видел Чаянов наше Нечерноземье в будущем, какой путь выбирал для его развития? Прежде всего ученый рекомендовал заниматься здесь разведением молочного и мясного скота; вводить клеверные севообороты, без которых не будет ни кормов, ни молока, ни мяса, ни доходов; выращивать лен, картофель и овощи; развивать в хозяйствах промыслы, чтобы рационально и с пользой использовать зимнее время. И все это — на кооперативной основе.

Выступая в 1918 году на съезде «Лиги аграрных реформ», А. В. Чаянов заявил: «Хозяйство крестьянское есть прежде всего хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом хозяйствующей семьи, соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук». Немало лет потребовалось для того, чтобы, набивши

шишек, мы повернулись-таки лицом к хозяйству семейному и доверили ему самостоятельность на основе подряда.

Накануне коллективизации, в 1927 году, Александр Васильевич писал: «Организаторам коллективного земледелия в первую очередь приходится всегда разрешать два основных вопроса — как наладить в артели рабочую дисциплину и увеличить в психологии коллектива стимулы к повышению напряженности в работе? В решении этих основных проблем ключ всего дела — все остальное в сущности техника». Дисциплина и осознанная необходимость в увеличении производительности труда коллектива — разве не их мы сегодня ставим во главу угла, говоря о качестве и эффективности работы?

В лабораториях первого в стране института экономики сельского хозяйства под руководством А. В. Чаянова была разработана модель «местных комбинатов», включающих заводы по переработке сельскохозяйственной продукции, ремонтные мастерские, холодильники, склады, элеваторы, зерноочистительные пункты и т. д. Задуманная Чаяновым так называемая кооперация по вертикали сегодня претворяется в жизнь в создании агрофирм.

Глубоко и искренне веря, что будущее за кооперацией, А. В. Чаянов писал: «Только опираясь на союзное, кооперативное начало обобщественного хозяйства, крестьянство может на своих полях и стойлах использовать все завоевания агрономической науки, и на том месте, где растет теперь один колос, действительно, вырастет два... будущее заставляет нас видеть в нашей работе, там, где поверхностные наблюдатели видят только продажу масла и покупку плуга, будущий грандиозный социально-экономический переворот, превращающий распыленное стихийное крестьянское хозяйство в стройное хозяйственное целое, в новую систему организации земледелия, и вполне согласиться с мыслью предсмертной статьи Ленина о том, что развитие кооперации во многом совпадает с развитием социализма».

Ленинский план кооперации предполагал постепенное ее развитие. Разрабатывая теорию кооперации крестьянских хозяйств, А. В. Чаянов стоял на тех же позициях, не торопил событий, твердо убежденный в том, что кооперация — это не революционный, не насильственный, а эволюционный путь развития.

Как известно, ленинскому плану кооперации не дано было осуществиться. Жесткая система централизации и ко-

мандования, пренебрежение к интересам крестьянства привели к тем перегибам, за которые государство заплатило дорогой ценой. Начавшееся в наши дни обновление деревни, трудный поиск решения многих ее проблем еще и еще раз убеждает нас в правильности ленинского плана кооперации и правильности многих идей ученого Чайнова. А значит, и идти нам лишь этой дорогой.

СОДЕРЖАНИЕ

В поисках гармонии (Вместо предисловия)	5
Заколоченные окна	8
Земля и память	23
Завещание	37
Неуправляемый Аггей	53
Мое, твое и общее	70
О ближней копейке и дальнем рубле	90
Думай, хозяин, думай!	106
Возвращение земли	121
Дорога домой	143
Заключение	154

Ехалов А. К.

Е93 На своей земле: Сб. очерков.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологод. отд-ние, 1988.— 158 с.

В книгу вологодского журналиста Анатолия Ехалова вошли очерки о северной деревне, ее вчерашнем и сегодняшнем дне. На примере первых итогов экономического эксперимента в сельском хозяйстве Вологодской области автор исследует экономические и нравственные проблемы современной деревни, а показывая ее вчерашний день, убеждает читателя в том, что перевод хозяйств на работу в новых экономических условиях актуален и крайне необходим.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Е 3801080000—5—88
М157(03)—88

65.9(2)32

Анатолий Константинович Ехалов

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Редактор Т. С. Попова
Младший редактор В. И. Пригодина
Художник П. Н. Губкин
Художественный редактор Д. А. Трубин
Технический редактор Н. Н. Гаврилова
Корректор В. А. Фокина

ИБ № 856

Сдано в наб. 29.12.87 г. Подп. в печ. 31.03.88 г. _ГЕ05090.
Формат 84×108/32. Бум. тип. № 1. Гарнит. литературная.
Высокая печать. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,715.
Уч.-изд. л. 9,005. Тираж 1000 экз. Заказ 463. Цена 40 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, 160000, г. Вологда, ул. Урицкого, 2.

Областная типография,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.